

АЛТАЙ

15

Электронная библиотека АКУБЭ, altlib.altlib.ru

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

15

1960

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул 1960

В. И. ЛЕНИН

Рис. Г. Тарского с работы Е. А. Кибрика

ВЕЧНО ЖИВОИ

Бывают в жизни славные даты. Мы радостно празднуем наши праздники и отмечаем наши юбилеи. Но есть события, выходящие за пределы обычных представлений. Сказать: «мы празднуем» или «мы отмечаем 90-летие со дня рождения В. И. Ленина» — значило бы выразить лишь небольшую часть того огромного чувства, которое наполняет сегодня каждого советского человека.

Всей своей жизнью, преображенной революцией и коммунистическим строительством, всем величием наших свершений и всей необъятностью наших планов прославляем мы это событие, которое означает для нас торжество вечно живого и всепобеждающего ленинизма.

С именем Ленина и созданной им Коммунистической партией связано все, чем мы живем и чем мы гордимся. Гигантская фигура Ленина возвышается на рубеже двух эпох, знаменуя собой начало новой эры в жизни человечества, эры коммунизма.

Простой, как правда, и необъятный, как вселенная, полный человеческой теплоты и неиссякаемой любви к трудовым людям, Ленин совершил подвиг, равного которому не знает история. Созданная и выпестованная им Коммунистическая партия, возглавив пролетариат России, привела его к победе над самодержавием, над властью помещиков и капиталистов. Из каторжной тьмы, из вековой отсталости страна наша поднялась к солнцу, к счастью.

Вся история великого революционного переворота и социалистического строительства в нашей стране — это воплощение в жизнь бессмертного ленинизма. Коммунистическая партия, руководствуясь заветами Ильича, уверенно вела наш народ сквозь грозы гражданской войны, когда четырнадцать государств пытались задуть революцию в огненном кольце интервенции и блокады; она вела наш народ сквозь тяготы послевоенной разрухи, наперекор кулацкому террору, наперекор трудностям, связанным с созданием в отсталой аг-

рарной стране могучей, первоклассной индустрии; она вела нас в битву с озверелым фашизмом, пытавшимся свергнуть мир в кровавый мрак средневековья.

Нелегко, тернист был путь революции. И вот мы вступили в период развернутого строительства коммунистического общества — самого справедливого общества в мире. Мы знаем — будущие историки преклонятся перед героизмом советского народа, перед его мужеством и светлым разумом, и они повторят то же самое, что сегодня с гордостью произносим мы: коллективная мудрость партии — это мудрость Ильича, железная воля партии — это воля Ильича.

Ленин жив во всех наших делах!

По-марксистски осмысливая ход исторических событий, Владимир Ильич видел далеко вперед, «через хребты веков». Нас, сибиряков-алтайцев, глубоко волнует пророческий взгляд Ленина на будущее Сибири. Занятый важнейшими государственными делами, в чрезвычайно трудную и сложную эпоху Ленин предвидел ту пору, когда неисчерпаемые богатства Сибири, этой заброшенной окраины царской России, будут поставлены на службу народу. Рукой Владимира Ильича была подписана директива о строительстве Петуховского содового завода на Алтае. А хлеборобы Родинского района благоговейно хранят память о тех днях, когда Ленин лично распорядился отпустить трактор для первого в здешних местах коллективного хозяйства. Первый трактор на Алтае был подарком Владимира Ильича!

Произошло это так. В Камышенской волости создавалась первая коммуна. Создавали ее вернувшиеся с фронтов коммунисты, вставшие во главе сельской бедноты. Беднота тянулась к новой жизни, собиралась в избушке партизана-коммуниста Якова Жестовского и здесь договорилась совместными усилиями распахать степную целину и построить жизнь на коллективных началах, чтобы вновь не попасть в кулацкую кабалу.

Трудно, очень трудно было на тощих крестьянских клячах пахать целину. Но крестьяне не отступали — знали: партия, Ленин помогут. И решили они послать ходоков в Москву, к Ленину. Избрали ходоками председателя коммуны Якова Жестовского и секретаря партийной ячейки Николая Полошко. Показали им крестьяне сказать Ильичу так:

«Дорогой наш вождь, а также вождь всего мирового пролетариата, крестьян-бедняков и батраков! Наш Владимир Ильич, просим тебя выдать трактор коммуне «Свобода», так как наша коммуна есть организованный союз бедняков и по существу является коммунистическим светочем на тысячи верст в округе. Но ей нечем распахать целину, чтобы вырастить коммунистический урожай и для себя, и для братьев — рабочих. А сила в сей целине, Владимир Ильич, превеликая.

Дайте только нам трактор, и мы покажем местному кулачью и всей мировой буржуазии, что значит великий созидательный коммунистический труд».

Нелегко было тогда добираться до Москвы. Не было топлива для паровозов, не хватало железнодорожных составов. Один из ходоков, Николай Полошко, заболел тифом и умер в дороге. А Яков Жестовский зимой 1922 года прибыл в Москву к Ленину.

Вот как рассказывалось в печати об этом событии со слов самого Якова Жестовского:

«В приемной Ленина многолюдно. Ходоки собрались со всех концов страны. Одеты по-разному: кто в полушубке, кто в зипуне и лаптях, но у всех светящиеся глаза, улыбки на лицах. Ровно в 12 часов открылась дверь кабинета, и на пороге появился простой, приветливый человек. Его живые, пронизательные глаза излучали притягивающую теплоту. Все сразу поняли, что это дорогой Ильич.

— Здравствуйте, товарищи, здравствуйте! Садитесь, пожалуйста, — проговорил Ленин, быстро прошел вперед и начал здороваться с каждым ходоком.

— Вы из какой местности? А у вас какой урожай был собран? Сколько коммун в вашей губернии организовано? — живо спрашивал Ильич.

Познакомившись с каждым, Ленин начал рассказывать о том, в каком тяжелом состоянии находится хозяйство молодой Советской республики после гражданской войны и нашествия интервентов.

— Вы из Сибири долго добирались? — обратился Владимир Ильич к Жестовскому.

— Больше двух месяцев. Плохой у нас пока транспорт.

— Плохой, говорите. Да. Разрушенный, устаревший. Новый будем заводить. Железные дороги начнем электрифицировать, — сказал Ленин.

Особенно подробно Владимир Ильич интересовался работой коммун и артелей крестьян.

— Вы, конечно, знаете, какое громадное значение придает Советская власть коммунам, артелям и всяким вообще организациям, направленным к превращению, постепенному содействию этому превращению мелкого, единоличного крестьянского хозяйства в общественное, товарищеское или артельное.

Все с жадным вниманием слушали вождя и учителя, боясь пропустить хоть одно его слово.

— Значение всех предприятий такого рода громадно, потому что, если бы прежде, бедное, наше крестьянское хозяйство осталось по-старому, тогда ни о какой прочной постройке социалистического общества не могло бы быть и речи.

Когда ходок с Алтая подал ходатайство коммуны «Свобода» о выделении трактора, Ленин начал подробно расспрашивать его, из кого организована коммуна, как живут коммунары, какие урожаи собираются получить с целинных земель.

— Помните: название сельскохозяйственных коммун, — говорил Ильич, — очень большое, связанное с понятием коммунизма. Хорошо, если коммуны на практике показывают, что в них действительно ведется серьезная работа по улучшению крестьянского хозяйства, тогда, несомненно, поднимается авторитет и коммунистов, и Коммунистической партии.

Владимир Ильич на ходатайство коммуны наложил резолюцию: «Высшему Совету Народного Хозяйства. Отпустить трактор коммуне «Свобода» из трофейных и отгрузить за счет ВСНХ. Ленин».

— Смело начинайте осваивать богатства Сибири, ставьте их на службу трудящемуся народу, — крепко пожимая руку алтайскому крестьянину, сказал на прощание Владимир Ильич.

...Трактор прибыл на станцию Славгород. Это была трофейная английская машина «Рустон-Проктор».

И вот коммунар Терличенко вывел трактор в ковыльную степь, на коллективное поле. Сердца бедняков наполнились великой радостью. Они хорошо знали и твердо верили, что пройдет время и на просторах родной степи загудят тысячи отечественных могучих машин.

На целине прокладывались первые борозды.

Поднимались крепкие ростки большого целинного хлеба.

Совсем немного лет прошло с тех пор. Для истории это — чрезвычайно короткий период. И вот недавно Алтайский тракторный завод выпустил свой стотысячный трактор! Сто тысяч тракторов! Это была мечта Владимира Ильича. Чья пылкая фантазия могла бы представить в то неимоверно трудное время, что минет всего сорок лет — и сто тысяч тракторов будут изготовлены только на Алтае, в Рубцовске, который прежде и на карте не значился.

Так, железной мощью индустрии, самой современной, созданной всюду — и в центре страны, и на ее окраинах, — вошел в жизнь ленинизм. Давным-давно минула та пора, когда господа капиталисты хвалились своей развитой промышленностью. Теперь наш черед!

На основе индустриализации и коллективизации высоко развито достигло наше социалистическое сельское хозяйство. Миллионами гектаров освоенной целины, тучными урожаями хлебов вошел в жизнь ленинизм.

Как триумф новой эры, эры коммунизма, несет наша ракета вокруг солнца вымпел СССР, а другой вымпел, на Луне,

дожидается первых космонавтов из Советского Союза. Торжеством науки и техники, расцветом литературы и искусства вошел в жизнь ленинизм.

Великие рубежи определил XXI съезд Коммунистической партии — съезд строителей коммунизма. И сегодня мы видим, как воплощаются в дела предначертания съезда, заданная семилетка.

Творческим энтузиазмом масс, воодушевленных идеями партии, могучим движением бригад и ударников коммунистического труда вошел в жизнь ленинизм.

Мы творим для жизни, во имя жизни. Мы, советские люди, — великие жизнелюбы, и мы ненавидим войну, и неслучайно наша страна выступает знаменосцем мира во всем мире. Неустойчивой и последовательной борьбой за мир и безопасность народов вошел в жизнь ленинизм.

Учение Ленина, как яркий маяк, озаряет путь людям труда всего земного шара.

Говоря словами поэта:

Ленин
и теперь
живее всех живых,
Наше знание,
сила
и оружие.

ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Муз. В. Пенькова.

Сл. Ф. Голубниченко.

Музыкальный текст песни:

А. (одни) вальсера - движением земляная эх... ду... ду... на... ша... стра...
 Б. Пока будет весна, в гости к нам придет, будет наша страна твоей думы хранить.

А. Пока будут поля, урожаем шуметь, будет звонко земля славу Ленину петь.
 Б. Пока будут поля, урожаем шуметь, будет звонко земля славу Ленину петь.

А. Пока солнце горит над странкою труда, имя Ленина жить будет в сердце всегда.
 Б. Пока солнце горит над странкою труда, имя Ленина жить будет в сердце всегда.

Пока будет весна
 В гости к нам приходить,
 Будет наша страна
 Твоей думы хранить. } 2 раза

Пока будут поля
 Урожаем шуметь,
 Будет звонко земля
 Славу Ленину петь. } 2 раза

Пока солнце горит
 Над странкою труда,
 Имя Ленина жить
 Будет в сердце всегда. } 2 раза

Он любимый отец,
 Наш учитель родной,
 В миллионах сердец
 Будет вечно живой. } 2 раза

ВАЛЕНТИН КРИВОЛАПОВ

ДОРОГА К СЧАСТЬЮ

Хватая настыю мокрый снег,
Лиса упорно не сдавалась.
Но был настойчив человек,
Хоть и его брала усталость.
Лисица выдохлась, легла,
Дрожа бессильно мордой узкой.
Охотник не поднял ствола,
И палец задержал на спуске.
Он отвернулся.
Тоже лег.
И в небо посмотрел с тревогой.
Сообразить никак не мог:
Куда идти?
Какой дорогой?
Развел костер под елью.
Снег
Шипел, на свежих ветках тая,
Мол, заблудился человек,
Спаси его, тайга густая...
— Погреться можно?
И мужик
(Откуда б мог он появиться)
Подъехал, осмотрелся вмиг
И, крикнув, сбросил рукавицы.
— Из ссыльных, что ли, слышь-ко?
— Да.
Мне надо в Шушенское.
— Крепко!
Найдем дорогу — не беда,
Да к ночи дело — вот зацепка.
До утра наберемся сил...
А незнакомец, между прочим,
Про семью Власа расспросил,
Закинул слово про рабочих.

В семнадцатом, когда в село,
Неся волнующие вести,
Письмо из Питера пришло,
Никто не мог сидеть на месте.
Избрать в Совет людей труда
Считал своей заботой каждый.
Впервые Влас узнал тогда,
Кому помог в тайге однажды.
Он говорил, прищурив глаз:
— Сейчас известно даже в школе,
Товарищ Ленин вывел нас
На путь свободный из неволи.
И добавлял он,
Как свечу,
Приподнимая подборок строго:
— Мы помогли Ильичу,
Случалось так,
Найти дорогу.

ГЕННАДИЙ ВОЛОДИН

В СКВЕРЕ

Слова ласке весенней доверься,
Пробивается в поле трава.
Скоро в нашем
 студенческом сквере
Зашумит на деревьях листва,
И, омытая радужным ливнем,
Приподнявшись едва до плеча,
Здесь березка ветвями обнимет
Дорогой монумент Ильича.

Электронная библиотека АЛТИБ, elib.altlib.ru

ЛЮДИЛА ЕВЛАДОВА

ИМЯ ЛЕНИНА В СЕРДЦЕ КАЖДОМ...

1. НЕОБЫЧНАЯ ПОСЫЛКА

Горит свеча, чуть-чуть колеблет тени.
Село до стаяней вьюги замели.
Но здесь, где трудится, где мыслит Ленин,
Здесь, в Шушенском, проходит ось земли...

Люда оторвала взгляд от томика стихов Щипачева и прислушалась. За окном бушевала метель, завывала на разные голоса, бросала в стекла горсти снега и, казалось, весь мир покрыла белой пеленой. Вот так же, наверное, много-много лет назад и в Шушенском бушевали вьюги, заметая пути-дороги. Село затерялось в снежных сибирских просторах. Где-то далеко, за тысячи километров, — Москва...

Уж за полночь, окно бело от снега,
А он все пишет, строчки торопя.
Сквозь вьюги девятнадцатого века,
Двадцатый век, он разглядел тебя.

Люда читает и, как живого, представляет себе Ильича, склонившегося над книгами. Слабо светит керосиновая лампа, глушь, снега. И вьюга за окном. Как сейчас! Впрочем, не совсем. Девочка смотрит на абажур и думает: «лампочка Ильича». А у Ленина в Шушенском ее не было. Да какая же теперь тут глушь? Стоит Люде включить радиоприемник, как их заснеженное село придвинется к Москве и уже не будет казаться отрезанным от всего мира.

Только включить приемник сельзя, все ребята в интернате уже улеглись спать. А вот, пожалуй, с «лампочки Ильича» она и начнет свой доклад о Ленине. Она разыщет самых старых колхозников и узнает, как изменилось их село за эти пятьдесят лет, расспросит, каким оно будет вскоре... Люда закрыла сборник Щипачева, положила на место большой том воспоминаний о Ленине.

— Зина, ты спишь? — Люда Тишкевич осторожно вошла в спальню и дотронулась до плеча подружки.

— Сплю. — сонным голосом ответила та.

— Как по-твоему, если ночью метель прекратится, почта доберется до села? Наверное, доберется... А если нет, так мы и сами сходим на лыжах к станции. Правда? Правда ведь? — шептала Люда.

Зине Загородневой передалось волнение подруги.

— Если и завтра посылка не придет, давай напишем в Министерство связи. Что они там в самом деле?

Зина знала, о какой посылке идет речь. Эту посылку ждали в школе все, даже маленькие первоклассники. Каждый день они спрашивали — не пришла ли?

На одной из школьных линеек было зачитано письмо от старого большевика, соратника Ленина по работе, Тимофея Степановича Кривога. Тимофей Степанович писал, что он достал несколько пластинок с записью выступлений Ильича и на днях отправит их ребятам.

Пройдет несколько дней, и они, ребята далекого сибирского села, услышат голос Ленина, услышат слова великого вождя, обращенные к рабочим и крестьянам, к морякам и красноармейцам в дни, когда на обломках старого мира рождался новый мир. Волнений было больше, чем достаточно. Ребятам казалось, что посылка могла потеряться, что пластинки могут разбиться, и вообще, мало ли какие непредвиденные неожиданности с ней могут случиться.

— Уж коли вам приходят письма и бандероли за тридевять земель, то из Москвы посылка непременно дойдет, — успокаивала ребят девушка-почтальон. Почти каждое утро она приносила в школу письма, бандероли, посылки. Обратные адреса различные: «Москва, Центральный музей В. И. Ленина», «Варшава, музей В. И. Ленина», «Москва, Е. Д. Стасова», «ГДР, Лейциг, Курт Ремер» и многие, многие другие.

Если на карте пунктиром соединить алтайское село Лебяжье со всеми городами и селами, откуда в ответ на письма школьников приходит корреспонденция, сразу станет заметным, что идет она, прежде всего, из тех мест, где жил, работал Владимир Ильич Ленин; из мест, где был Ленин в эмиграции за границей; из городов и сел, где сейчас живут люди, лично знавшие Ленина.

2. И ОЖИВАЮТ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ...

Внешне эта школа выглядит не лучше других сельских школ. Но рядом со старенькой вывеской: «Лебяжинская средняя школа Павловского района» висит другая — «Музей Владимира Ильича Ленина».

Когда в районном центре и в ближайших селах получили пригласительные билеты, написанные аккуратным учениче-

ским почерком: «Ленинский кружок Лебяжинской средней школы приглашает Вас посетить открывшийся в нашей школе музей Владимира Ильича Ленина», то у многих это вызвало нескрываемое удивление.

— Нет, вы подумайте, ведь даже в краевом центре нет такого музея, а тут вдруг в селе! — пожимает плечами приглашенный. — Наверное, просто оформили стенд вырезками из газет и журналов. Впрочем...

Любовь к Ленину так велика, интерес к его деятельности настолько неутомим, что даже холодок недоверия «к самодеятельному музею» не помешал в день открытия прийти всем приглашенным.

На пороге школы встречали гостей по-праздничному подтянутые мальчики и девочки. Лица их сияли гордостью. Преподаватель истории Николай Михайлович Зубарев, волнувавшийся в этот день не менее ребятишек, как настоящий экскурсовод, повел посетителей по музею.

Николай Михайлович идет от стенда к стенду, от витрины к витрине, рассказывает обстоятельно. И оживают страницы истории. Кажется, что будто сам Ильич шагнул сюда, в это сибирское село.

Молча слушают и смотрят колхозники, ребята, учителя. Вот Володя Ульянов еще мальчик, а вот он уже гимназист. Рядом — общая фотография выпускников гимназии, среди которых и Володя Ульянов. В этом разделе, рассказывающем о детских и юношеских годах Ильича, внимание посетителей привлекает портрет Александра Ульянова, казненного за покушение на царя. От нее экскурсовод переходит к репродукции известной картины художника «Мы пойдем иным путем». Юный Ленин словно бы определяет свой жизненный путь — путь революционной борьбы вместе со всеми трудящимися и угнетенными.

Следующий раздел: «Борьба В. И. Ленина за создание марксистской революционной партии в России». Центральное место здесь занимает рассказ о ленинской «Искре», о ее корреспондентах. Снимки газеты, типографии, где печаталась газета, литография наброска ленинской работы «Что делать?»

Всего в музее шесть разделов, охватывающих жизнь и революционную деятельность В. И. Ленина. Здесь снимки, фотодокументы, литографии, газеты тех лет. Каждый экспонат — это документ не только борьбы и жизни Владимира Ильича Ленина, но и биография партии, борющейся за освобождение, за строительство новой жизни в стране.

С большим интересом читаются фотокопии телеграмм, записок, набросанные на листках бумаги Лениным. «Посылайте рыбу, мясо, овощи, вообще все продукты, какие только можно и как можно больше», — читает кто-то вслух телефограмму, отправленную Лениным в Царицын. И будто

сразу встает перед глазами тревожное время гражданской войны.

Николай Михайлович останавливается у пожелтевшего от времени газетного листа. На нем четко выделяются крупным шрифтом набранные слова: «Декрет о мире». А сверху — название газеты: «Известия Центрального Исполнительного Комитета и петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Вверху, сбоку, мелким шрифтом набрано: «№ 208. Пятница, 27 октября 1917 года».

— Подлинник! Не какая-нибудь вам фотокопия, — комментирует мальчонка, боясь, что посетители сами не заметят этого.

Ленин читает «Правду»... Эта фотография широко известна. Экскурсовод рассказывает, как удалось фотографу сделать такой редкий снимок... Адольф Петрович Оцуп пришел к Ленину в кабинет, чтобы сделать несколько снимков.

«Пока я готовил аппарат, — рассказывает Оцуп, — Владимир Ильич взял «Правду» и углубился в чтение. Установив штатив и наведя на фокус, я не стал терять времени и, быстро меняя кассеты, сделал три снимка».

Прочитав статью, Владимир Ильич отложил газету в сторону, извинился, что задержал меня, и попросил начать съемку. Я снял его несколько раз и удалился».

А когда на следующий день Оцуп принес Владимиру Ильичу фотографии, то Ленин очень удивился, когда же это он успел снять его с газетой.

У стенда «В. И. Ленин во главе первого в мире советского государства» одна из колхозниц внимательно вглядывается в большой, прекрасный снимок: Ленин беседует с английским писателем Гербертом Уэллсом. Внимательный прищур ленинских глаз, чуть заметная улыбка. Лицо человека, спокойно доказывающего свою правоту.

— А он что, этот Уэллс, не верил, что ли, Ленину? — спрашивает колхозница Николая Михайловича.

— Видимо, не верил... Книжку свою писатель назвал «Россия во мгле». Он приехал в Россию в тяжелый двадцатый год, когда полчища интервентов терзали страну, кругом была разруха. А Ленин в это время предложил план электрификации России. Уэллс после беседы с Лениным писал: «В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как подымается обновленная и счастливая, индустриализированная коммунистическая держава».

А вот побывал бы сейчас в нашем селе да посмотрел, какая у нас тут «мгла», — сердясь, говорит женщина.

— Что, электричеством бы похвасталась, Петровна? — вступает в разговор степенный дед.

— Нет, жизнь бы ему пашу показать, — уже спокойно отвечает Петровна.

— Ну да, конечно, давно ли радовались первому трактору...

О том, как ленинские идеи претворяются в жизнь, рассказывает последний раздел музея, который назван «Ленин и теперь живет всех живых. Наше знание, сила и оружие». Тут же стенд об изменениях, произошедших в жизни села, где расположился центр колхоза имени Ленина.

А достижения ребят в учебе и труде показаны в разделе «Мы юные ленинцы».

Особенно волнующими минутами были те, когда экскурсовод включил проигрыватель, и голос Ильича, его речь, обращенная к красноармейцам в 1919 году, послышалась в комнате. Даже не верилось, что в тот момент революция была в опасности, со всех сторон Россию сжимало кольцо интервентов, — так спокойно и уверенно звучал голос Ильича.

Посетители музея направляются в один из классов, который сейчас превращен в кинозал. Демонстрируется звуковой документальный фильм «Здесь жил Ленин». Тут же прослушивают экскурсанты и грамзаписи речей Ильича. Значит, пришла все же посылка от Т. С. Кривова!

— Николай Михайлович, — спрашивает экскурсовода одна из посетительниц, — скажите, пожалуйста, а где вы взяли ту редкую фотографию Владимира Ильича с Крупской в Горках?

— Об этом надо вот у них спросить, — кивает Николай Михайлович на группу ребят. — Каждый экспонат, каждая фотография имеют свою историю. Музей создавался по крупицам.

ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С ИЛЬИЧА

Пять лет назад... В небольшой комнате учительской идет заседание педагогического совета. Давно не было таких жарких диспутов, такого взволнованного разговора. Необычайный поворот в обсуждении школьных дел был вызван докладом директора школы Исидора Абрамовича Эйслера, который назывался: «Воспитание учащихся на примере жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина».

Кажется, постановка вопроса не новая. Ведь всегда в любой нашей школе так и стремятся воспитывать ребят. На уроках истории и литературы, на комсомольских собраниях и пионерских сборах речь идет о всепобеждающих идеях Ленина, о том, что эти идеи владеют ныне умами миллионов людей, стали движущей силой нашего времени.

Вспомнили слова Никиты Сергеевича Хрущева, который в одной из своих речей сказал:

«Молодые люди часто задумываются над тем, каким дол-

жен быть человек коммунистического общества. Ответить на это можно: настоящим ленинцем».

— Но ведь для того, чтобы стать настоящими ленинцами, ребята должны знать хорошо биографию Владимира Ильича, тогда они смогут «делать жизнь с него», в большом и малом равняться на него, — говорил Исидор Абрамович. — А у нас в школьной библиотеке есть несколько популярных книг о соратниках Ленина и его краткая биография — ведь этого всего мало.

После долгих обсуждений решили для начала создать в школе ленинский кружок. Руководить им взялся преподаватель истории Николай Михайлович Зубарев.

На первое заседание собралось одиннадцать старшеклассников. Решили не только изучать по книге, но и собрать другие интересные материалы.

Кружковцы на некоторое время превратились в библиографов: они уезжали в районную библиотеку, разыскивали все новые и новые книги о Ленине, поднимали подшивки газет, вырезали опубликованные там воспоминания об Ильиче.

Однажды в газетной статье им встретилось имя Тимофея Степановича Кривова, близко знавшего Ленина и проживавшего теперь в Москве.

На очередном занятии кружка было решено: написать Тимофею Степановичу письмо. На карте появилась первая «питочка» Лебяжье — Москва. Она должна была связать членов ленинского кружка с одним из соратников великого вождя.

Пока ждали ответ на это первое письмо, в кружке работала своим чередом. Каждый из кружковцев по прочитанным книгам приготовил «реферат».

В торжественный день на чтение этих докладов пришли все школьники. Им было даже любопытно, что доклады будут делать не учителя, а их же одноклассники. «Ленин и дети», «Семья Ульяновых» — так назывались некоторые из рефератов.

И только Николай Михайлович знал, сколько трудов стоили школьникам их первые «рефераты», сколько книг, газет пришлось им перечитать. Надо было научиться четко мыслить, выбрать из прочитанного главное. Тут же не обходилось, конечно, без помощи Николая Михайловича и Исидора Абрамовича.

Для того, чтобы помочь ребятам осмыслить величие Ленина и его бессмертных дел, учителям тоже пришлось немало поработать. В первый же год деятельности ученического ленинского кружка была проведена теоретическая конференция учителей, посвященная 85-летию со дня рождения основателя Коммунистической партии и создателя Советского государства Владимира Ильича Ленина.

Так постепенно от работы в ленинском кружке переходили к работе в масштабе всей школы. Одним из первых звеньев в этом интересном деле была переписка со старыми большевиками.

СОТНИ ПИСЕМ...

Старый большевик Тимофей Степанович Кривов не только ответил ребятам, но и послал им несколько фотодокументов, связанных с жизнью и деятельностью Владимира Ильича. Редкие фотографии натолкнули на мысль создать в школе музей Ленина. Но для этого надо было иметь много экспонатов. Начались неутомимые поиски.

В кружке постепенно образовался справочник, в котором записано шестьдесят адресов людей, знавших Ленина. Адреса добывались с трудом, а настойчивые письма из далекого алтайского села летели и летели во все концы Советского Союза. И каждый, кто получал такое письмо, если не мог послать книжку с собственными воспоминаниями о Ленине, писал их от руки.

Посылки и письма пришли от члена ЦК КПСС Андрея Андреевича Андреева, от академика Кржижановского, от бывшего секретаря Ленина по Совнаркому Лидии Александровны Фотиевой. Бандероли с картинами, рассказывающими о Ленине, пришли от художника Николая Николаевича Жукова и многих, многих других.

Когда-то в годы революции путешествовал по стране с большим неуклюжим фотоаппаратом Петр Адольфович Оцуп. Многие неповторимые эпизоды исторических событий запечатлел он для потомков. Он был одним из тех счастливцев, которому удалось несколько раз фотографировать Владимира Ильича. Этот пожилой человек, которому теперь уже нелегко заниматься фотоделом, все же посылает ребятам пятьдесят прекрасно исполненных больших фотографий.

Тем временем в Варшаве, в музее Владимира Ильича Ленина, готовят бандероль с материалами для алтайских школьников. А немецкие пионеры в далеком городе Лейпциге разыскивают Курта Рёмера, у которого когда-то в период эмиграции жил Владимир Ильич.

В один из дней в школу приходит письмо со штампом «международное». Письмо из Лейпцига, написано оно на немецком языке. Конечно, перевод его могла бы сделать учительница, но поступили иначе. В школе объявляется конкурс: только лучшему ученику по иностранному языку будет доверено почетное право перевести письмо.

В работе ленинского кружка стали принимать участие вскоре почти все школьники. Каждый учащийся добивался права подписать письмо тому или иному старейшему комму-

нисту. А когда началась классификация полученного материала и непосредственное оформление музея, тут работы оказалось непочатый край. И все же право выполнять ее нужно было завоевать хорошей учебой, отличным поведением и трудолюбием. У ребят началась горячая пора. Для будущего музея приходилось делать все самим, начиная от маленьких рамок и кончая большими стендами. В каждый отдел хотели внести что-то свое, необычное.

Много вечеров выпивали Женя Рукавишников карту тех мест, где был Ленин в эмиграции. Другие выпивали плакатные фигуры солдат и крестьян, идущих на битву революции. Для последнего раздела «Ленин и теперь живет всех живых. Наше знание, сила и оружие» радиотехники соорудили макет спутника, монтировали электрифицированную карту важнейших строек семилетки.

Музей готовился к открытию. Почтальон по-прежнему приносил в школу бандероли, письма, посылки. Художники, работающие над образом Ленина, посылали репродукции своих картин. В одном из писем народный артист СССР В. Честноков, воссоздавший образ Ленина в фильме и спектакле, написал:

«Я очень рад, дорогие друзья, что у нас с вами одно общее дело: рассказывать людям о вечно живом Ильиче. Кому как не вам, юным ленинцам, бережно хранить память о нем неустанно поддерживать пламя, разгоревшееся из искры рожденной Владимиром Ильичем на рубеже двух эпох — капитализма и социализма».

И так родился музей. Такие комнаты, строгие экскурсоводы и надписи «экспонаты руками трогать воспрещается». Подобная картина возникает у каждого из нас при слове «музей». А только этот музей расположен не в амфиладе комнат, а в широком школьном коридоре. На застекленных витринах с экспонатами нет замков, на стендах с редкими фотографиями и документами нет предохраняющих надписей «руками трогать воспрещается».

И все-таки никто не прикасается к этим священным вещам, хотя здесь не стоит обычная музейная тишина и не всегда ходят тихим шагом. Его создатели и постоянные обитатели чаще всего выражают свои чувства бурно. Здесь жизнь кипит во всем ее многообразии.

ЛЕНИНСКИЕ ВЕЧЕРА

Жить и работать по-ленински — эти слова уже давно стали девизом лебяжинских школьников. Но чтобы жить по-ленински, надо понимать его идеи, надо знать жизнь Ленина и его соратников. Этому помогают ставшие традиционными в школе ленинские вечера.

...Девчушка в алом пионерском галстуке торжественно объявляет:

— Начинаем вечер, посвященный любимым песням Ильича...

Старенькое здание школы наполняет торжественно суровая мелодия песни:

Замучен тяжелой пелюдой,
Ты славною смертью почил,
В борьбе за рабочее дело
Ты голову честно сложил.

Поют не десятки, а сотни голосов и, если бы в школе была большая сцена, то и она едва ли смогла бы вместить этот хор.

Через несколько минут раздвигается импровизированный занавес, начинается отрывок из пьесы «Семья». Володя Ульянов дает клятву идти иным путем, не тем, которым шел его брат Александр — пародоволец. Зрители внимательно следят за событиями, развертывающимися на сцене. И, если бы в эту минуту вдруг загорелся свет, то все увидели бы, что по щекам колхозницы Татьяны Патрикеевны Белогуровой бегут слезы. Ведь это ее Толька играет сегодня роль Володи Ульянова.

Тема следующего вечера — «Книга в семье Ульяновых». Узнать, какие произведения читали в семье Ульяновых в юношеские годы Ильича — вот задача, которая стояла перед членами ленинского кружка.

И снова пришлось просматривать многие воспоминания о Ленине, выискивать названия любимых Ульяновыми книг, стихов, писателей. Были разысканы сборники стихов Минаева, Курочкина, Некрасова. Аня Самсонова, Александр Антонов стали подбирать произведения, которые следовало исполнить на вечере. А Лида Гудкова и Николай Сидлеревич разыскивали пластинки с любимыми музыкальными произведениями семьи Ульяновых. И, конечно, на их просьбу — достать эти пластинки — охотно откликнулись друзья одной из ленинградских школ.

Впрочем, это уже не удивляло ребят: к кому бы они ни обращались, им обязательно помогали даже самые занятые люди. Когда школе понадобился в постоянное пользование документальный фильм о Владимире Ильиче, написали письмо и Министерство культуры — и фильм был получен!

С показа кадров этого фильма и решили начать литературный вечер. Красавица Волга несет своп воды. На экране дом, где жила семья Ульяновых. Мелькают кадры с картинами старой Волги, звучит музыка. Вступает ведущий:

Вдоль на Волгу, чей стоп раздается
Над великою русской рекой...

Так начался рассказ о литературных произведениях, о книгах, которые читали в семье Ульяновых. И в этот момент!

Володя Ульянов становится ребятам еще ближе, еще дороже. Кажется просто невероятным, как это еще совсем недавно многие из них не знали, какие стихи и книги любил в юности Ленин.

Бывает так: войдешь в школу и сразу до десятка маленьких примет видишь — здесь готовятся к такому-то празднику. Зайдешь еще через несколько дней и видишь — от праздника не осталось ничего, кроме пожелтевшей юбилейной газеты.

В лебяжинской средней школе сами будни, все мелочи проникнуты духом большой работы воспитания ребят на ленинских принципах. В учительской на доске рядом с расписанием уроков и другими будничными объявлениями висит листок:

«Товарищи классные руководители, очередной классный час «Умом и сердцем к Ильичу» рекомендуется провести по материалам полосы, опубликованной в «Правде». И подпись: «Завуч Г. Дробыш».

Открывается дверь в учительскую. Молодая учительница, забыв «о солидности» педагога, радостно возвещает:

— Ой, в сегодняшней «Комсомолке» такая интересная статья об Елене Дмитриевне Стасовой! Обязательно надо прочесть в каждом классе.

И сразу же за единственным номером «Комсомольской правды» устанавливается «очередь» классных руководителей.

Еще бы! Ведь в школе даже каждый первоклассник знает, что Елена Дмитриевна работала вместе с Владимиром Ильичем. И когда у нее не оказалось под рукой книги с собственными воспоминаниями о Ленине, она послала ребятам материал, отпечатанный просто на машинке. Зато у нее теперь с ними очень дружеская переписка.

Узнать героические биографии тех, кто делал революцию, помогают ребятам ленинские «линейки». К ним готовятся все. Никогда, например, пятиклассница Катя Дашкова не знала слов старой революционной песни «Варшавянки». А сегодня она поет, сурово сдвинув брови, вместе со всеми ребятами:

...Но мы подыдем
гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело...

Эта песня была популярной во время возникновения ленинской «Искры». Катя Дашкова, волнуясь, читает полученное недавно письмо Ц. С. Зеликсон-Бобровской, в котором она рассказывает о том, как она стала агентом «Искры».

Потом начался рассказ о роли Ленина в газете «Искра». Зина Загороднева читает отрывок из ленинской работы «Что делать?»

Тех, кто распространял ленинскую «Искру», преследовали царские жандармы. Сторонников дела Ленина бросали в

тюрьмы, сослали на каторгу в Сибирь. И вот звучит в зале записанный на пластинку голос Качалова, читающего пушкинское «Послание в Сибирь».

...Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

А ребята думают, что вот и труд Ленина и его соратников не пропал, из искры разгорелось пламя революции. И они — юные ленинцы в алых пионерских галстуках, с комсомольскими значками на груди — пользуются благами новой, коммунистически прекрасной жизни.

СИЛУЭТ ЛЕНИНА

В один из осенних дней прошлого года на школьную линейку прибыли гости — председатель колхоза и секретарь колхозного парткома.

— Ребята, сегодня в краевой газете написано, что наш колхоз одним из первых в крае закончил продажу хлеба государству, — сообщил председатель. — Особенно хвалят четвертую бригаду. Жаль, что нет в той газете имен ваших ребят-девятиклассников, а они нам очень помогли. От имени правления колхоза и партийной организации мы очень благодарим этих ребят.

— По традиции школы особо отличившимся вручаем значки с силуэтом Владимира Ильича Ленина, — сказал директор школы.

Строй замер, ожидая, чьи фамилии будут названы.

— Люда Тишкевич, — назвал Исидор Абрамович первую фамилию.

Люда сделала несколько шагов вперед. Вслед за ней вызвали Николая Сидлеревича, Зину Загородневу и еще нескольких ребят. В эту минуту, пожалуй, каждый из них забыл об усталости, о бессонных ночах, проведенных на току. На груди каждого из них вспыхнул ярким огоньком силуэт Ленина.

Пусть эти обыкновенные нагрудные значки с силуэтом Ленина где-то в городе можно было купить просто в магазине. Но у них в школе этого никто не делал. Значок надо было заслужить хорошей учебой, хорошей работой, хорошими поступками. И недаром в последнем разделе школьного музея много места отведено делам юных ленинцев. На этом стенде, где рассказывается о лучших делах ребят, выделяются ленинские слова: «Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящим коммунистом».

Ребята готовят себя к тому, чтобы стать в будущем настоящими коммунистами, настоящими ленинцами.

Трудовые дела! Разве рассказ о них уместится на одном стенде? Разве расскажешь в скулых цифрах, сколько труда

вложила школьная производственная бригада, выращивая на колхозных полях богатый урожай свеклы. Портреты лучших в учебе и труде помещаются на этом стенде. Одни из них оканчивают школу, а на смену им приходят другие.

Кто лучше? Может быть, ребята из 6 «Б», которые собрали больше всех золы для полей, или те, кто в любую погоду идут на колхозную птицеферму, чтобы накормить тысячу уток?

О своих делах и заботах ребята рассказали в письме и старому коммунисту Григорию Ивановичу Петровскому. И, пожалуй, его ответ лучше всего отражает настроение самих ребят.

«Разделяю вашу мысль, осуждающую тех, кто, окончив среднюю школу, во что бы то ни стало стремится поступить в вузы. Часто это делают те, кто боится труда в сельском хозяйстве или на заводе. А ведь труд — отец, а земля — мать всякого богатства. Ленин говорил и писал, что производительность труда решает вопрос о победе коммунизма над капитализмом. Конечно, нам нужна и интеллигенция, которая помогает трудящимся в науке и технике, посредством изобретенных машин увеличивает производство продукции как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Нам нужна интеллигенция трудовая, а не белоручки», — писал ребятам Петровский.

Вечерние часы в интернате, когда уже приготовлены уроки, когда уже все сделано на завтрашний день, самые лучшие. Тогда каждый может заняться своим делом: почитать, помечтать, а может быть, и поспорить о чем-то.

Люда Тишкевич сегодня не вступает в разговор. Она сидит за столом и выводит на листе ватмана плакат для музея. Буквы складываются в слова:

Имя Ленина в сердце каждом —
Верность Ленину делом докажем.

Люда чувствует, что над ее плечом кто-то наклонился.

— Люда, а если бы написать еще вот эту выдержку, уж очень здорово сказано!

И Николай Сидеревич, не дав ответить Люде, тут же читает цитату из воспоминаний одного делегата третьего съезда комсомола:

«Мы слушали Ленина, и коммунизм из мечты, из далекого, туманного будущего становится осязаемым, живым делом, которое мы можем строить, создавать. Учиться коммунизму: упорно и настойчиво учиться математике и химии, истории и строительной технике, и эти знания сочетать с производственным трудом на предприятии, применять их в земледелии. Быть образованными людьми и тружениками — отдавать все силы во имя победы коммунизма...»

Вошел Николай Михайлович и объявил:

— Ребята, я сейчас видел почтальона. Говорит, нам опять какая-то посылка пришла, завтра надо получать.

— Наверное, скоро и в наших филиалах не хватит места, чтобы разместить все экспонаты, — проговорила Зина.

— А, может быть, это — семена для ленинской клумбы, — высказал кто-то предположение. — Ведь мы же просили посылать нам семян ярких цветов, чтобы у входа в школьный музей летом расцвели слова: «Владимир Ильич Ленин».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АЛЕКСАНДР ДЕМЧЕНКО

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

(Очерки о современниках)

НАВСТРЕЧУ ЖИЗНИ

Все в трепетном свете серебряных блесков: и крутые горы, и заснеженные пихтовые лапы, и долина, и зыбкий туман от незамерзающих ручьев. Все струится, переливается в колючем хрустящем морозном воздухе.

Хорошо!

И что за гордый, неподступный вид у заснеженных гор! Не пошевелят, не двинут бровью эти сказочные богатыри, белых напях не заломят...

Тихий вечер. Казалось, оборвы неосторожным движением серебряную нить ледяной паутины — и проснутся горы, загремит все, зазвенит, запоет. С шумом и ревом устремятся в долину ручьи и потоки. Выпрямятся ели и кедры, сбрасывая тяжелый обледеневший снег. Зеленым пламенем молодой травы вспыхнут горы... Думалось, что так, может быть, стоит только кому-нибудь из них, из трех подруг, Рае, Тоне или Тамаре, захотеть, чтобы так было.

Три подружки. Три молодые швеи с десятой фабрики. Часто после работы они выходили за город и без пути, без дорог, по снежной целине, до позднего часа бродили на лыжах.

— Люблю горить лыжни, — признавалась самая боевая из подруг Рая Сидорова.

Жили три подружки в родном Горно-Алтайске. После школы тут же и на работу устроились. Ну, что еще надо? Вечера свободные. Можно учиться, можно идти в кино, на молодежный вечер. Куда хочешь. Пожалуйста.

В иной вечер Рая вся искрится. И поет, и танцует, и смеется так, что всем смеяться хочется. А другой раз не вытаскишь за рукав из дому. Сидит задумчивая. Вот такая странная черточка есть в ее характере. Станут уговаривать ее подружки, а она подойдет к окну, облокотится и смотрит, смотрит

рит, куда-то. А то станет заводить пластинку. Страсть, как любила она в те дни песенку из кинофильма «Они были первыми». Подсядут к ней подружки, обнимутся и сидят, слушают.

За фабричной заставой,
Где закаты в дыму...

Кончится песня. Вздохнет Рая и скажет:

— Не могу наслушаться. Вот ведь молодежь-то была, девочки, какая. Эх! — И неожиданно пропоет да прямо будто от самого сердца оторвет слова:

Шел мальчишке в ту пору
Восемнадцатый год...

И тихо, задумчиво повторит:

Восемнадцатый год...

— Да, — сказала как-то Рая, — и сейчас можно кое-что придумать, девочки! Пошли за город, а? Там поговорим.

Был зимний морозный вечер. Воздух искрился чешуйками инея. Подруги по берегу Маймы вышли за город. Когда поднялись на гору, Рая, глубоко дыша, сказала:

— В общем, девочки, дело большое. Вот...

Подруги посмотрели на нее с удивлением. О каком деле говорит она? А Рая, улыбаясь, продолжала:

— Ну, как? — Рая взглянула в лицо Тамары Литвиновой. Щеки той горели, глаза с искрой изумления смотрели выжидающе, открыто. У Тони Поповой — та же настороженность, то же молчаливое удивление.

— Одним словом, решила я окончательно. Да. Честное слово!

Подружки переглянулись.

— Вижу, не понимаете, — сказала Рая, и лицо ее стало строгим. Она посмотрела за город, туда, где из седловины зазубренных вершин выходил ущербленный месяц, а вокруг него, точно облетевшее оперенье, разбросались облака. — Я хочу, девочки, настоящего, большого дела. Такого дела, где бы нашлась работа и рукам, и сердцу, и сноровке, и смекалке, и упрямству. Вот какого хочу я дела.

— Это хорошо, Рая. Понимаю тебя, — проговорила, с каким-то восхищением глядя на подружку, Тамара. — Только есть ли такие дела в жизни, чтобы всего человека захватили?

— Есть... Настоящее. Трудное, — горячо проговорила Рая. — Сегодня в горьком комсомола сказали...

Девушки в этот вечер вернулись в город поздно. По тому, как они долго прощались с Раяй у ворот ее дома, как уходили и возвращались к ней, потом уходили снова и опять что-то кричали с дороги, можно было догадаться, что подружки были взволнованы. Оставшись одна, Рая беспокойно думала: «Взбаламутила девчонок. А ну, как не по нутру им будет там! Заклюют. Ведь совсем, совсем самостоятельно при-

дется жить. Тут уж ни мама, ни бабушка — все сама. Все своими руками... Перепугаются — сбегут. Не зря ли я их агитировала? Может, лучше одной уехать?»

Рая постояла у материнной койки, всмотрелась в близкие, дорогие черты. «Ничего, ничего, мама, — прошептала девушка. — Ты сама так учила, чтобы не уходить от ветра, не прятаться от бурь...» Потом пошла к окну, оттянула шторку, и в комнату упали лунные дорожки.

В горкоме комсомола трех подружек принял секретарь. Девушек поздравили с получением путевок. Пришлось Рае даже записаться на радио: корреспондент настоял. А услышать свой голос удалось только за тридевять земель — в Усть-Кане, на третий день. Ехали эти триста километров весело. Всю дорогу пели песни. А как только перебрались через Ябоганский перевал и впереди показались голые сопки да какая-то безжизненная желтовато-серая степь без снега, — приуныли.

— Скучновато же у вас, — сказала откровенно Рая парню, сопровождавшему их в Черный Ануй.

— Да ну, шутите! — искренне удивился тот.

— Какие тут шутки, — вздохнули девушки.

— Это с непривычки, — стал уверять провожатый. — Поживете год — два, и не уедете отсюда. Ведь в том самом Черном Ануе такая красота, что я не знаю, как и сказать!

«Год? Два? — отозвалось в сердцах горожанок. — Год. Два... Да здесь один месяц за пятилетку покажется...»

Рая пробовала шутить, развеселить подруг, но у нее ничего не получилось. Сердце шемили тоска и тревога. А серая бесснежная степь тянулась и тянулась бесконечно. Кузов машины гремел и трясся на замерзших кочках. Кое-где чернели остожья. Качались на ветру головки высокой сухой травы у замерзшего ручья. Повесили носы девчонки. Затосковали от унылого пейзажа. И тогда, привстав и опершись на кабину, Рая громко запела:

За фабричной заставой,
Где закаты в дыму,
Жил мальчишка кудрявый,
Лет семнадцать ему...

Встрепенулись девчата. Подняли головы. Стали подтягивать песню. Боевая, задушевная, она брала за сердце, бодрила, встряхивала.

...Шел мальчишке в ту пору
Восемнадцатый год...

* * *

В колхозе «Путь Ленина» Черно-Ануйского сельсовета девушки попросились на молочнотоварную ферму:

— Будем доярками! Доить, правда, не приходилось, но мы комсомолки.

...Чергинская ферма километрах в четырех от села на небольшой речке Черговушке. И в стороне ферма, а живут на ней девушки весело и дружно. Свой самостоятельный коллектив появился, никогда этого не было раньше. Три подружки из города помогли организовать. Есть библиотека, красный уголок, радиоприемник. Здесь учится молодежь своему мастерству. По двадцати центнеров молока решили добиться на этой ферме от каждой коровы. Инвплаторами соревнования стали три подружки-комсомолки. Три подружки из города.

В июне преобразились долины Усть-Кана. Горы покрылись богатым цветущим разнотравьем. Раздолье на выпасах. Но с умом, с расчетом вели скормливание пастбищ молодой животноводы. Они уже переняли опыт старших. Коровы их с каждым днем все больше и больше прибавляли молока.

В средние лета подружки побывали в городе. Им правление колхоза перед перегоном гурта на высокогорье разрешило короткий отпуск. Шесть дней прожили они в городе. Побывали на фабрике, в саду, в горкоме комсомола и все же закусчали.

— Нет, веселее у нас, в горах. Глянет туда, где что-то уже тобой сделано, — говорила Рая. — Начат трудовой путь... Хорошо начат. Сквозь трудности и неудобства. Не это ли радость!

Девушки прощаются с городом. Долго, трепетно взлетают над их головами белые платочки. А потом в машине раздастся знакомая, немножко грустная, задумчивая, сильная, жизнеутверждающая мелодия — «За фабричной заставой, где закаты в дыму...»

Навстречу жизни, навстречу молодому солнцу летела эта песня. На дорогу подвигов во имя любимой Родины вышла молодежь.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Проня Лукашев был удивительно цепким парнем. Всего два месяца, как пришел он из училища в РТС, а уже хозяйничал в цехе. Работу на станке он, кажется, постиг в совершенстве. И если верить механику, стал незаменимым человеком в мастерской. У станка мог работать, как впаянный. Ни на секунду не переставал гудеть его станок за всю смену. А главное — безотказным был человеком. Шел на сверхурочные. Мог отработать две смены подряд.

— Сил хватит, — говорил Проня, — платили бы деньги...

Жил он тихо, мирно у родной тетки где-то на Луговой, у самой Омутовки. Никто не видел Проню ни в чайной, ни в какой-нибудь шумной компании.

— Спиртного на дух не принимает, — хвасталась племянником тетка. — Не курит. Клад — не парень. Боюсь: достанется, не дай бог, дуре какой-нибудь.

Не без умысла подхваливала Проню и в глаза и за глаза. К получке выматривала она что-нибудь то на базаре, то в магазине, и Проня беспрекословно исполнял ее желание.

После смены он стеснено шел домой, осматривал по-хозяйски изгородь, калитку, запоры и если обнаруживал какую-нибудь неисправность, тут же, отложив «авоську» с недоеденной сайкой, брался за топор или молоток. Любил Проня поражать тетку своими процентами выработки в мастерской. Знал заранее, что тетка, сделав умильное лицо, всплеснет руками и воскликнет:

— Да родной ты мой! Вот отца-то нет в живых — удивился бы! Он первый работяга был. А уж такой домовитый, такой старательный! В него ты, Проша, пошел, с его задатками. С его...

Проня усмехнется про себя: «Отец! Что он умел? А тут механика в моих руках!» — усмехнется и пойдет под душ, который сам же сделал в огороде.

Иной раз, едва перешагнув порог дома, весело бросит:

— Пятьдесят два рубля шестьдесят семь копеек за смену! Вот как наши работают.

— Батюшки! — ахнет обрадованно тетка и зашлепает мятыми домашними туфлями по кухне.

— Еще и больше могу... Это ерунда!

— Да как же это, Проня, ерунда? — поразится тетка. — Это жизнь! — И скороговоркой, заслоня ладшкой рот, будто секрет, говорит: — В первый магазин диваны какие шикарные подбросили. Не диваны, а гляделки. Картинка. Голубенькие стоят, ну поднебесье!

— Диван-то ведь есть — буркнет Проня.

— Ах ты, господи! А в кухне? Разве некуда поставить? Слава богу, места хватит. Вещь, Проня, в доме — это те же деньги.

После сытного обеда Проня ходил по огороду и выдергивал сорную траву. Как-то так получилось, что не сумел прибиться Проня ни к парням, ни к комсомолу. И товарища не завел постоянного. Среди рабочих держался в тени. Что-то подсказывало ему: не лезь, отойди в сторонку, скорее приметным будешь. Не пристрастился он ни к чтению, ни к кино. Зато машины любил. Понимал он их удивительно легко. Каким-то врожденным чувством умел находить в них главное. Раскусив, тут же терял к ним интерес. Только подумывал: «Вот если бы пришлось мне на этой машине работать, сколько бы получал?»

Заработать... Как можно больше заработать — стало главной жизненной целью Прони.

Так вот и жил и работал Проня в одиночку. Был он по своей натуре невозмутим, осторожен и молчалив.

Но вот пошатнулись у парня привычные житейские устои. Пошатнулись с того самого дня, когда в цехе появилось несколько учеников. Механик предложил Проне взять себе одного из них и подучить работе на станке. Проня весь засветился от внутренней гордости: как же, будто старому мастеру, поручают ему такое дело... Но когда на другой день застал у своего рабочего места худенькую, стройную девушку, с глазами хитрящей кошки, оробел, растерялся и не знал, с чего и как начинать.

— Это вы — Прокопий Лукашев? — спросила она деловито, подвывая на спине лямку брезентового фартука.

— Ну, я... — опустил глаза Проня и начал копаться в станке.

— Принимайте: будущий знатный токарь Катя Смирнова!

Говорит, а на лице и улыбки нет, будто взаправду режет. Проня взглянул на нее и стал от смущения сильно сморкаться в угол.

Вот с этого дня и началась пертурбация в Прониной личной жизни.

Катя оказалась дотошной девчонкой. И то ей покажи как следует, и о другом не угаи, выкладывай, что знаешь. Но это бы еще ничего, пусть работает. Так ведь и после смены не отцепишься от нее. Выскочит за ворота мастерской, идет рядом и донимает разными вопросами: «Как ты живешь, Проня? Почему тебя не видно ни в самодеятельности РТС, ни в библиотеке? А как ты думаешь, любил Лев Толстой свою Каренину или нет? Я думаю, все-таки любил? Ведь такая она... такая...»

А какая эта Каренина и за что ее должен был любить Лев Толстой, — не говорила. А Проня разве обязан помнить всех, о ком там пишут писатели? Вообще-то, конечно, неудобно перед этой девчонкой. Проня мычал в ответ что-нибудь неопределенное, отворачивался от ее глаз. «Ну и заноза, прямо-таки в пот вгоняет.» И дома-то не стало от нее покоя. Так и метлесит в глазах ситцевое платье. Платьице легонькое такое — с зеленым горошком по белому полю. Идет, а оно раздувается перед глазами, словно огромный одуванчик, Катя шагает легко, будто летит по воздуху, и все лезет, лезет в Пронину душу. И словами, и голосом, и даже смехом своим. А глаза... Проня их никак не мог разглядеть. Вроде бы серые, что ли. А иной раз, будто иссиня такие, светлые. Да как и разглядывать-то, когда больше отворачиваешься от нее, насмешливой.

Катя хотя и надоедливая страшно была, но сметливая в работе и цепкая. Это удивило Проню. Ведь не совсем это девичья работа, а она ее осваивает быстро, весело как-то и, главное, крепко. И день ото дня становилось ему с ней все

приятнее. А когда подошло время и Катя встала самостоятельно за станок, Проня испытал радость: обучил человека. Но была и потаенная тревога: Катя уходит от него.

Однажды, было это уже после смены, Проня собирался покинуть мастерскую. Как всегда, подошел сначала к доске показателей, нашел на ней свою фамилию, взглянул на огромную цифру, взятую мелом в кружок учетчиком-нормировщиком — «250 процентов» (высший показатель в цехе за день!), — и направился было к выходу, как его окликнул механик:

— Собрание бригады сегодня. Оставайся.

...Проня сидел позади других: похвалить могут за то, что обучил человека, а похвала эта ни к чему. И в самом деле, директор РТС, рассказав о том, как работает станция, назвал в числе первых и фамилию Прони.

— У таких надо учиться, — сказал он.

Проня поймал на себе Катин взгляд. Она была почему-то серьезная, задумчивая. «Что с ней? Недовольна?» — мелькнула у Прони мысль. Потом директор, а за ним секретарь партийной организации стали рассказывать о том, что на предприятиях страны создаются бригады коммунистического труда.

— Ваша бригада могла бы. Правда, не легкое это дело, — сказал директор. — Необычные обязательства должны быть у такой бригады...

«Интересно, что это за соревнование такое», — подумал Проня. А когда секретарь партбюро стал рассказывать, за что должны бороться люди этой бригады, Проня отметил про себя: «Что же, все как у меня: и показатели, и поведение. Разве что не учусь, так я на зубок любую машину в РТС знаю».

— Как вы смотрите на это дело? — спросил директор.

Рабочие высказались в том смысле, что они не возражают.

Стали обсуждать каждого члена бригады. Со всех сторон подходили и, если находили какое пятнышко, спрашивали:

— Исправиться?

Проня исполнился. Конечно, у него спросят: «Будешь учиться?» Пока он раздумывал, директор назвал и его фамилию и тут же добавил:

— Я думаю, товарищи, что он подходящий. Выработка годовая — два плага. Серьезен. Отличного поведения.

— Если не Лукашев, тогда кто же еще? — воскликнул механик. — Кто, я спрашиваю?

Проня сидел потупившись: оно и хорошо, когда хвалят, и неудобно.

Поднялась Катя... Проня поморщился: «Сейчас начнет расхваливать, как учителя своего. Сидела бы... Без тебя решат».

— Конечно, товарищ Лукашев настоящий мастер своего дела, — начала Катя.

«Ну вот, так и знал, — усмехнулся про себя Проня. — Попеслась...»

— Мастер... — продолжала Катя. — И, пожалуй, его можно будет принять в такую бригаду.

— Почему «пожалуй»? — рассердился механик. И все выжидательно посмотрели на девушку.

— А потому: придется с ним повозиться всем, вот, и повозиться крепко! — серьезно сказала Катя.

Проня не смел поднять глаз. Кровь бросилась ему в голову и вздула вены на висках.

— Я поддерживаю Катю, — неожиданно громко сказал секретарь комсомольской организации.

Их попросили объяснить, в чем дело.

— Единоличник он, — сказала Катя тихо и вздохнула, будто ей самой стыдно и обидно, а не ему, Проне, лучшему в РТС токарю. — Единоличник он, товарищи. — И стала расписывать Проню, да так, что все, что считали в нем хорошим, против него же и обернулось.

— Хозяйчик в нем силен, — осуждающе сказала Катя. — Разве думал он когда-нибудь о коллективе? Заработать — вот его струнка. Отбилась от всех. На все ему наплевать. Провалы, которые иногда трясут нашу мастерскую, его не волнуют. Не так разве, товарищ Лукашев?

Проня вскопчил. Лицо его пылало от обиды и стыда.

— Врешь ты все! — хрипло крикнул он. — Завидуешь!

— Глупо. — оборвала его Катя. — Ты докажи, что это не так.

— И докажу!

Проня не пашел, что сказать. Он судорожно мям в руках кепку и повторял бездумно:

— Завидуете... Все вы завидуете. Докажу, докажу!

...Пошло все кувырком в жизни Прони. Что-то потерял будто парень, а что именно — не мог понять. Работал по-прежнему хорошо, но уверенности той не было. На Катю сначала так обиделся, что не мог видеть ее. Он попросился в ночную смену. Токарей не хватало, и ночью работало в цехе всего два станка. «Без лишних глаз», — подумал Проня. Нарушились мирные отношения и с теткой. Ее умильное восхищение им стало претить Проне. А как-то между ними произошел настоящий разрыв, перепугавший ее. Во время обеда она вдруг спросила Проню, что он скажет, если так, в свободное время, добудет он лес и сделает пристройку к дому.

— Тебе не откажут, ты передовик, — сказала тетка. — И вывезти помогут. А пристроить — плевое дело. Кум Васяка поможет. Помочь соберем, в крайности...

Проня с удивлением посмотрел на тетку.

— Это для чего пристройка к такому дому?

— А ты смекни. Районный центр растет. Люди прибывают, а жить им негде. С руками рвут квартиры-то. Вот и сообрази, куда этот прируб потянет. К большим прибылям потянет. Эх, ты, зелень моя, зелень!

Проня почувствовал, как закипело вдруг у него на сердце. Голову обнесло жаром. Он резко отодвинул от себя тарелку с супом, отчего на клеенку плеснулся жир, и, поднявшись из-за стола, метнул такой свирепый взгляд на тетку, что та невольно перекрестилась.

— Нашла дурака. Как же, сейчас вот начну строить! Хватит. К чертям собачьим! К чертям!

Проня выскочил из дому, огородами пробежал к реке, упал на траву и долго лежал вниз лицом. Приподнялся, когда в шею впелись комары. Взглянул и замер: около него, свесив ноги к воде, сидела Катя.

— Зря лежишь здесь, — сказала как ни в чем не бывало девушка. — Земля влажная, простуду схватишь дважды-два. Что стряслось-то? Небось, с теткой не поладил? Ведь ты угодник по части домашнего уюта.

Проня ошалело смотрел на девушку. «Откуда знает?» Оробел было на мгновение, потом опомнился, вскочил и, отряхнув с брюк приставшие былинки, зло сказал:

— Ну, знаешь... Не лезь, куда тебя не спрашивают.

— Вот как! — сказала Катя, смешно вытянув губы. — А я-то думала член бригады, все-таки... И какой еще! Человеком становится.

— Не тебе учить.

— Не ври! — строго вдруг прикрикнула Катя и хлопнула ладошкой по коленке. Потом мирно: — Ты не кипятись. Присядь. Дело большое есть.

Проня потоптался нерешительно. Давно чувствовал, что имеет она над ним власть. Хотя и не раз закипало у него против нее в груди, а та, прежняя Катя, Катя первых встреч, все-таки тянула к себе, властвовала где-то в глубине его сердца.

— Слушай. Не справляемся с ремонтом. Сколько у нас неполадок! Возьми эти подшивники. Пока добудешь из вулки — треть смены уходит. Может, придумать что-нибудь, а? Давай займемся. У меня уже кое-что есть, — Катя торопливо развернула бумагу. Перед глазами Прони зарябил чертеж. Он внимательно посмотрел на него и, ничего не поняв, отвернулся, сплюнул в речку, насмешливо произнес:

— Изобретать начинаем? Давай, давай. А мы посмотрим.

Девушка вскочила. Хрустнула ватманская бумага в ее руке.

— Я думала: ты человек, а ты... — Она махнула отчаянно рукой и пустилась от него бегом.

Проня стоял на берегу и смотрел на тихую заводь. То тут, то там видел он мелких рыбок, медленно пошевеливавших плавниками.

Такой мирный и ласковый вид. А на сердце у Прони... На сердце черт знает что! Повимает, чем задеть за живое, девчонка. Но разве можно простить ей все так, за здорово живешь? Облила грязью, теперь подлизывается.

— Посмотрим, как вы с чертежами справитесь, — прошептал Проня. — А мы без них подумаем. Палочкой на земле, по-своему.

...Задолго до смены Проня готовил инструменты, необходимый материал. Поэтому всю смену работал, не отрываясь по мелочам. От этого правила он никогда не отступал. Он из этого не делал секрета, и бригада переняла его опыт. Однако, в выработке у него и после этого не было соперников. Проня как бы сживался во время работы со своим станком: ни одного лишнего движения, ни одного неверного поворота детали под резцом. Проня мог забыть, думать о другом, а руки, будто автомат, делали нужное дело.

Прошло уже дня два с того вечера, когда он встречался последний раз на берегу Омутовки с Катей. Неладное творилось с Проней, недомогал, температурило слегка. И на душе пакостно. Он чувствовал, что поступил неправильно. Катю, конечно, обидело ехидное, злое замечание по поводу ее рационализаторского предложения. Мысль о новом приспособлении для извлечения подшипников не давала ему покоя все это время. Он уже видел в общих чертах этот механизм, но чего-то не хватало. Какой-то одной детали. Мысленно он представлял уже его работу, но... Это «но» лишило его сна и покоя... Иногда ему казалось: обратись еще раз к нему Катя — и мысль его сработает в нужном направлении. А сейчас к его думам примешивались нервозность, сознание вины своей перед ней и еще что-то, а что — не мог понять.

Сам того не сознавая, замечать стал за собой странные вещи. Идет он на смену, и вдруг кто-то будто толкнет в сердце: «Погоди. Оглянись. Идет. Она идет...» Он оглядывался, но ее не было. Или вдруг во время работы ему послышится ее голос, смех. Оглянит исподлобья цех, на дверь посмотрит, на окна — стыдно станет. Уткнется в станок, работает час — полтора бездумно. И снова то это ее изобретение начнет мнить, то она сама... «И зачем обидел девчонку? — думал он. — Теперь вот мучайся... Может, ты и впрямь твердолобый одиночник? Пристройку тетке помоги... Вещичек новых подбрось в дом. А бригада... что ж, бригада ищет эти самые резервы... Но ведь и они тоже хороши. Обозвать-то обозвали — и такой, и сякой, а больше — ноль внимания». Проня стискивал зубы: становилось невмоготу от этой душевной неразберихи и боли.

Секретарь комсомола Кранин все за ней ходит. Собираются, обсуждают что-то. Может, этот самый ее проект? А может, еще что. Уж очень он внимателен к ней. Сердце Прони замирало,

словно кто сжимал его. «Вот придумаю эту конструкцию и образец сделаю, никого просить не стану. Принесу директору и на стол... Посмотрю на тебя, секретарь, куда ты будешь стрелять глазами».

Днем Проню сильно знобило, а ночью продрог. В цехе гуляли сквозняки. В разбитое окно хлестал косой дождь. Проня поднялся на засаленную табуретку и прибил доску.

До конца смены оставалось еще часа полтора. На востоке сквозь сдвинутые тучи прорезалась робкая заря. Посветлело. Проне хотелось солнца. Жаркого, обжигающего. Но на дворе хлестал холодный дождь, а в цехе по-прежнему ходил сквознячок. Проня уже не мог сдерживать дрожи. Потом внезапно обнесло жаром голову. Перед глазами заходили красные круги. Проня выключил станок и опустился на табурет. В углу, около рабочего шкафика, стоял ручной пресс. Проня несколько раз видел его, но почему-то именно сейчас он пристально стал вглядываться в него. Зачем пресс, чем он его привлек, Проня и сам не сказал бы в этот момент. Но он неотрывно смотрел в его сторону, смотрел, мучительно соображая, зачем он ему понадобился именно сейчас! Да, он нужен был ему. Нужен. Только вот никак не мог вспомнить Проня, почему заинтересовал его так этот обычный пресс с огромным винтом.

— Винт! — вскрикнул Проня. Вскочил — и застыл на месте. Все померкло перед ним. Судорожно хватаясь за станок, задыхаясь, Проня хотел что-то крикнуть, позвать на помощь, но голос отказал ему, он прохрипел невнятно и беспомощно. Черная крылатая тень сомкнулась над ним.

Очнулся Проня от вездельного металлического скрипа. «Станок? Нет... Тот гудит ровно. А этот хлябает, будто на проржавленной оси флюгер: жвык, жвык... Покачиваются жестяные крылышки. Жвык. Звук неприятный, пронзительный, режет слух. Жвык. Жвык. Дзинь...»

Проня открыл глаза. Комната незнакомая. Пахло чем-то, белые занавески на окнах, марля. Над головой лениво ворочался вентилятор. Это он и поскрипывал. Над Проней наклонилось улыбающееся лицо девушки. Он поморщился. Ох, как качается все! Будто висит все на какой-то паутинке! Голова кружится. Кто же это? А вот еще... Этот с усами, в белом колпачке. Он детонько отстранил девушку и тоже нагнулся над ним.

— Ну что, братец, живем? — спросил он весело и положил широкую ладонь свою на его лоб. Проня пошарил языком во рту. Язык был шершавый, сухой и плохо подчинялся ему. Поэтому он улыбнулся только глазами, а сказать ничего не смог.

— Воспаление легких, парень, и вирусный гриппок, — сказал усач весело, будто радость сообщил. — Теперь на поправку пойдешь. Хорошее, брат, у тебя сердце. Быстро поправишься, — говорили те же усы, и Проня понял, что лежит в больнице. — Здоровый парень. Про какой-то винт кричал...

— Винт, — прошептал Проня.

— Тсс... — поднял руку доктор. — Помалкивай.

...Ему ежедневно приносили то яблоки, то шоколад. А однажды тихо открылась дверь, и в палату вошла...

— Катя... — прошептал Проня. — Спасибо, Катя.

Она присела на стул, спросила:

— Ну как?

— Ничего теперь... Винт, Катя, помнишь?

— Винт? — удивилась она.

— Ну да. Кулачки неверные на этих пластинках. Они прижимаются к стенкам. А сверху гайка нарезная.

— В нее винт. Он закручивается и тянет вместе с кулачками подшипник. Так? — перебив его, воскликнула Катя.

Проня, тяжело дыша, глубже опустился на подушку, кивнул ей, улыбнулся. Поняла. Молодец!

— А мы этот стержень придумали, и никак не получалось, все срывались и срывались подшипники... Ладно, об этом потом. Тебе от всей бригады привет.

— Спасибо.

— Я... Мы... каждый день приходили. Нас не пускали к тебе.

Проня не мог скрыть радостной улыбки.

РУКА ДРУГА

Володьку Ручьева исключили из комсомола. Вина его была давней, но разве дело в сроке, если речь идет о человеке, занявшем не только свою честь, но и честь всей комсомольской организации.

Дело не в давности... Так и вели разговор комсомольцы на собрании. Тяжелым был этот разговор не только для Володьки. По лицам ребят, по их выступлениям можно было догадаться, как нелегко осознать, что тот самый Володька Ручьев, который столько лет был с ними вместе, можно сказать, был из одной кружки, ел из одной чашки, оказался вдруг нечистым парнем, смалодушничал, скрыл от ребят то, чего никак нельзя было скрывать.

Нет. Они не будут либеральничать. И Володька понимал, что иначе и не могло быть. Он сам бы предложил исключить, случись такое с кем-нибудь другим. Он больше не мог, не хотел скрывать от ребят. Ведь надо, наконец, сказать все. Даже Лелька... Красней она, ерзай на стуле, бросай умоляющие взгляды на него, он все равно скажет.

Лелька отвернулась к окну, щеки у нее горели.

В президиуме собрания сидела Феня Ермакова, ткачиха. Она гневно смотрела в сторону Лельки. Но когда Володька перехватил ее взгляд, Феня опустила голову.

Ему вспомнились чьи-то слова: «А Фенька вздыхает по тебе, Володька, учти...» Кто говорил? Да важно ли это сейчас? Он задумался в своей любви к Лельке и ничего не хотел видеть вокруг.

Чем только пленила его фасонистая секретарь-машинистка? А может быть, он вовсе не любит ее, может быть, ничего нет у них общего? От этого неожиданного сомнения Володьке стало страшно. Как же так? Неужели ошибся? Но в одном был уверен: Лелька, конечно, и думать о нем перестанет после его откровения. Ну, и пусть. Оч сам не подошел бы к ней теперь. Значит, они не будут больше вместе. Не будут...

Но еще страшнее другое. Вот он, наконец-то, снова прежний, а ведь ребята отошлют его от себя. Прежний ли? — подумают они. Если столько времени скрывал свою вину, то черт его знает, что у него там на душе.

Володьку исключили. Виногато улыбаясь и лохматя шею, секретарь комсомольской организации Коля Дьяченко тяжело вздохнул и сказал:

— Плохо, Володька, дело. Бюро райкома за такое тоже не помилует. Сам знаешь: хулиганская выходка. Может быть, там и посильнее скажут. Во всяком случае, неустойчивость.

Любил Коля немного поважничать и ткнуть указующим перстом. Но неожиданно вспыхнула Феня и сердито оборвала Колю:

— Не каркай, пожалуйста. Небось, у них там свои головы есть. Разберутся как-нибудь.

Коля развел руками.

— Смотри ты! А чего на меня-то взъелась? Ведь голосовала же...

— Ну и голосовала, не отпираюсь, а только... — Феня замолчала, потупилась и махнула рукой. — Ну, все!

Через некоторое время послышался дробный перестук ее каблучков на лестнице.

Володька вышел в коридор, спустился вниз. Стоял душный июльский вечер. Духовой оркестр зазывал в городской парк. Сегодня танцы. Интересно, пойдет Лелька в такой вечер на танцы? Ведь ее тоже исключили. О ней даже почти не говорили.

— Пойдет, — сказал вслух Володька. — Не из таких она, чтобы переживать.

Горечь и обида грызали Володьку. Неужели ребята отвернутся? Сам он, конечно, на дружбу никому навязываться не станет, тем более сейчас.

Ему вспомнился тот злополучный день. Бригада собралась

на утесе, чтобы еще раз взглянуть на водопад. Лелька, неутомная и задорная, ущипнула Володьку за локоть и шелнула.

— Давай исчезнем с дороги, как тени. Идет?

— Зачем?

— Глухой. Ты видел когда-нибудь водопад после захода солнца? Нет? Ну, вот. Умереть можно от красоты.

По лесной тропе к дому ребята растянулись цепочкой на целый километр. Сначала юркнула с тропы Лелька, и никто не заметил этого. Володька прошел то место, где она скрылась, поотстал от ребят и тоже шмыгнул в кусты.

И вот они на берегу шумной горной реки. Лелька со вздохом сказала:

— Смотри, мчится как будто бешеная. А того не знает, что к гибели своей летит. Через сто метров разобьется о камни в пух и прах.

Володька посмотрел в сторону ревущего водопада. Лелька правильно сказала: вдребезги разлетятся воды, но потом... потом будут снова вместе и где-то соединятся с другими реками. Разве плохо? Вот и рождается сила. Он сказал о том Лельке. Она пренебрежительно бросила:

— Ты, Володька, ни чуточки не можешь пофантазировать. У тебя нет чувств красоты.

А черт его знает, может и в самом деле нет. Он не стал спорить с ней. Быстро темнело. Краски заката поблекли. Только на самых вершинах гор еще пламенели розовые облачка, а внизу уже заблестели бусинки росы. Лелька пожимала плечами. Она была в легком шелковом платье, но продолжала восхищаться водопадом.

«Хорошо, что в этих местах комаров нет, — подумал Володька, — забыла бы и поэзию свою». Он стал звать ее домой.

— погоди, Володя, ну, погоди. — Вот скоро луна взойдет, и ты увидишь... Ты такое увидишь, ахнешь! Пошли на скалу. — Она схватила его за руку и побежала вперед. Пока они поднимались на скалу, из-за горы вывалился распаренный, точно сейчас со сковородки, огромный красноватый блин.

— Смотри! Смотри! — воскликнула Лелька, указывая в сторону водопада. И Володька замер: водопад горел. Во все стороны от него летели раскаленные искры. И ему даже слышалось, будто они шипели, падая на воду.

Ну? — прижалась к нему Лелька. — Ну?

— Вообще-то здорово! — согласился Володька.

— Не здорово, а восхитительно! — воскликнула она. — Толстокорый ты, Володька, честное слово!

Может, и так, конечно. Только он же понимает, что не искры это и не расплавленная лава, а водопад, обыкновенная вода, падающая со скалы...

— Володька, я тебя хочу спросить про одну вещь. Только ты говори всю правду. Только правду. Хорошо? — ласкаясь, прошептала Лелька. Глаза ее горели каким-то сумасшедшим огоньком.

— Говори.

— Ты, Володя... Вот... Ты... правда любишь меня?

— Ну... правда, — чувствуя, как обожгло вдруг лицо, пролепетал Володька.

— А-а... Можешь ты, например, во имя любви что-нибудь сделать такое... Ну, необыкновенное, что ли, а?

Лелька тяжело дышала.

— Н-не знаю. Вот ведь еще придумала, как в романе каком.

— Не знаешь! — упавшим голосом произнесла Лелька.

— Ну, хорошо. Могу! — сказал Володька.

— Тогда слушай, — обрадовалась Лелька. — Перешел бы ты, например, эту реку у самого водопада ради меня?

И Володьки дрогнуло сердце. Но он сказал:

— Смогу. Сейчас? — и, отступив от нее на шаг, взялся за лацканы пиджака, готовый снять его в любую минуту. Лелька улыбнулась:

— О, теперь я вижу — любишь! Но неужели ты думаешь, что я и в самом деле могу потребовать от тебя такое? — Она подошла к нему и положила свои руки ему на плечи. «Дурачится», — отлегло от сердца парня.

Было уже прохладно. Луна, взобравшись до вершины горы, сияла серебряным блеском. По воде плетеным пояском стлалась трепетная лунная дорожка. Водопад вдруг стал белым-белым. И только пучина его, ярясь и разбрасывая по сторонам седые космы, затягивалась мрачной синевой.

— Страшно там, — кивнула на омут Лелька. — Страшно. Бр-р! — Она подернула плечами. — Ты присмотришься: словки камни подводные раскалены добела. Ишь, как вокруг них вскипает вода. Видишь?

Володька не ответил. Он молча накинуд на плечи девушки свой пиджак.

Красиво может думать Лелька. Отчего это? Он видит обычно, как и все: вода, камни. От падения вода разбивается вдребезги — вот тебе и кипень. А она говорит о раскаленных камнях.

— Ты знаешь, что я придумала? Это будет поразительно!

— Что ж ты надумала? — насторожился Володька.

— Лодку! — и она указала вверх по реке, где в темноте острой рыбиной, покачиваясь на волнах, стояла лодка.

— Зачем тебе лодку? — удивился Володька.

— О, это будет настоящее зрелище. Смотри, Володька: ты сказал, что любишь меня!.. — она погрозила ему пальцем. — Тс-с... Понял? Возьми пиджак... Дай спички.

И не успел Володька сообразить, в чем дело, как Лелька бросилась вперед и вскоре исчезла в кустах, потрясая в руке коробком спичек.

Внимательно вглядываясь вперед, Володька потихоньку спустился на луг. Лелька взяла охапку сена из копны. «Зачем?» — тревожно подумал Володька и прибавил шагу. Но было уже поздно: Лелька подошла на лодке сено, с силой оттолкнула ее, побежала по берегу, дико вскрикивая от восторга. На гребне водопада лодку приподняло и швырнуло вниз. Сноп искр, будто рой, взвился кверху. Из пучины стреском вырвалось наружу дымное облако.

Когда Володька подбежал к водопаду, пучина уже выплескивала один за другим деревянные обломки.

Окаменевшая от восхищения, стояла Лелька на берегу. Володьке хотелось избить ее, но она сделала такое виноватое лицо, что он только вздохнул.

Дорогой Лелька упростила его молчать. Никогда она не была так ласкова с ним.

На другой же день старик пришел на завод. Он видел днем у водопада заводских ребят.

— Не ожидал от них такой пакости, — говорил он парторгу. — А лодке цены нет.

Володька в тот же вечер признался во всем старику. Карпыч долго сидел, покашливая у костра. Он не ругал Володьку. Даже слова обидного не сказал. Закурил трубку, стал чистить картошку для уха. Володька с беспокойством следил за ним. Наконец, не вытерпел. Надвинув на глаза кепку, встал.

— Ну, вот... Как хочешь, Карпыч, — проговорил он с трудом. — Хочешь, могу уплатить. Вся зарплату отдам.

Старик сурово посмотрел на него, сказал:

— На-ка вот, за водой сбегай. — Он подал Володьке законченный котелок.

...Володька съела уху, обжигаясь, поглядывая настороженно на старика. После ужина дед Карпыч снова набил трубку, подсел к огню, раскурил ее.

— Говоришь, зарплату отдашь?

— Отдам, — с живостью согласился Володька.

— Понятно, — кивнул старик и, сощуриль глаза, неожиданно спросил: — А в бригаде хватит силы сказать обо всем?

Володька опустил глаза.

— А я думал, ты настоящий парень. В такой бригаде работаешь... Видно, не очень разборчивы у вас, что берут кого попало.

Володька покраснел. Не знал, куда и глаза девать. Ведь с совестью хотел договориться. Деньгами купить молчание старика. А он оказался выше тебя. Володька, чище.

— Я помогу вам, Егор Карпыч, новую лодку долбить, хо-

тите, буду каждый вечер ходить? — горячо проговорил Володька.

Старик похлопал его по плечу и легонько подтолкнул.

— Не казись, парень. Вон видишь тропу? — он указал на елань. — Виляет... Всякие люди по ней ходили. С разными характерами. Оттого и петляет, будто хвоя. Не начпай свою дорогу так. Иди прямее, парень.

«Иди прямее! — вспомнил он. — Вот и дошел... Куда там прямее! Сказал рябятам всю правду и вот... за бортом оказался. А мог бы и промолчать. И к старикку не ходить, и от организации скрыть. Кто узнал бы? Лелька молчала, как рыба. А теперь ни ее, ни организации, одним словом, человек за бортом...»

— Ты домой? — неожиданно окликнула Володьку Феня.

— Домой.

— Вот и хорошо! Нам по пути с тобой, — тихо произнесла она, догнав.

— А ты что же не на танцах? — усмехнулся Володька.

Феня промолчала. Когда они вышли к реке, Володька попытался завести разговор о том, что случилось с ним.

— Не надо, Володя, — остановила его Феня. — Ты посмотри, какой хороший вечер!

— Ну, конечно, — с обидой бросил Володька. — И ты влюблена в эту поэзию. Все вы в нее влюблены и ходите вздыхаете. — Он прибавил шаг.

— Володя! — позвала Феня. Но он с досадой отмахнулся от нее и скрылся в переулке.

Утром постучали в окно. Володька вскочил и увидел в палисаднике Феню. Она улыбнулась ему. Знаками показала на солнце и укоризненно покачала головой.

— Я сейчас, — заторопился Володька. И вдруг вспомнил все. «Не ходить? Решить сразу?» — резанула мысль. Но Феня уже опять звала, потираливая его, и он, ничего не решив, вышел к ней.

Феня и в этот раз ничем не напомнила ему о случившемся с ним несчастье. А ему было очень неудобно за свой вчерашний грубый поступок.

— Я натрубил тебе вчера, — начал он.

— Не беспокойся, все понимаю, — сказала Феня. — Я не из щепетильных. Не будем об этом говорить, Володя. Ты знаешь, в бригаде большая радость: пришли сразу три новых станка.

— Врешь? — вырвалось у Володьки, но он тут же спохватился. — Ты не обижайся, Феня. Это я... это от неожиданности, что ли. — Он пожал ее руку. Феня зарделась.

...С радостью взялся Володька за дело. И на каждый новый шаг вперед, на каждую маленькую победу при освоении сложного механизма его поощряла ободряющая улыбка Фени. Он видел ее неподдельную радость и гордость за него.

Володька забылся в работе. Он приобрел уже прежнюю уверенность, спокойствие, как вдруг...

Произошло это так. Однажды после смены Феня поздравила его с новым успехом в работе, они вместе направились к заводским воротам. Возле проходной Феню окликнул Коля Дьяченко. Феня приотстала, а Володька, нахмурясь, прибавил шагу. Но не успел он отойти и десяти шагов от завода, как его догнала Феня. Володька, насупясь, продолжал шагать к дому, будто не замечал ее.

— Да погоди ты. Не беги, — тяжело переводя дух, попросила Феня. — Знаешь, ты быстренько перехвати что-нибудь и в райком. Понял?

Володька похолодел. Только забылось все, и вот теперь снова обрушилось, свалилось на него, как горный обвал.

— Ну, ты что? — подтолкнула его Феня. — На бюро. Понял? Да быстрее. — Она посмотрела ему в лицо и твердо добавила: — Не трусь. Понял?

* * *

Едва Володька перешагнул порог секретарского кабинета, как навстречу ему со стула поднялся... Егор Карпыч. «Ну вот, успел наговорить», — неприятно стукнуло сердце парня. А Карпыч повертел в руках свою войлочную шляпу и спокойно сказал секретарю райкома:

— Ну я, значит, пошел. Прощайте, ребята!

Володька присел на краешек ближнего стула.

— Ты поближе, Владимир.

— Поближе! — услышал он голос секретаря. — Ну, как ставок?

— Станок? — вскинул брови Володька, не понимая, причем тут ставок.

— Можно работать? — допытывался секретарь.

— Конечно... — смял в руках кепку Володька.

— Вот и отлично, — продолжал секретарь. Он перелистнул какие-то бумажки под рукой. — Решили мы, Ручьев, поддержать ходатайство старого большевика-партизана Егора Карпыча Полева...

«Большевика-партизана? — кровь обожгла лицо Володьки. — Вот тебе и старик!»

— Он просит за тебя, — продолжал секретарь. — Поверил. Бригада верит тоже. Одним словом, бюро отменяет решение первичной организации. Но учти, выговор запишем и так просто не снимем. Делом доверие оправдаешь.

Володька вскочил, не дав секретарю закончить:

— Да я на все готов! Увидите, оправдаю!

...Вечером на берегу реки, прижимая к себе локоть Фени, Володька восхищенно говорил:

— Ты смотри, какое небо в воде! Будто ромашковое поле. Правда?

Услышав в ответ тихий смех, Володька обиделся:

— Смешно, да?

Феня, все ещё улыбаясь, посмотрела ему в глаза:

— А думаешь, нет? Давно ли ты сердился: «Поэзия... Все вы этой поэзией заражены!»

Володька фыркнул. Это правда. Но сегодня ему так радостно, он так счастлив сегодня. Ты должна понять это, Феня. А поэзия, может, тут совсем и ни при чем.

ПОДВОДНЫЕ КАМНИ

Никто не ожидал увидеть в этом белокуром парнишке с задумчивыми серыми глазами настоящего богатыря. Кто бы мог подумать, что он и никто больше, повалит на обе лопатки Петра Назарова, лучшего токаря мехцеха! Это было вообще невероятно. Года три подряд Петр Назаров считался рекордистом в цехе. Лучшего токаря трудно было сыскать. И вот совсем на вид незаметный хлопец, только что окончивший десятилетку и какие-то курсы, перевернул все прежние представления о высшей выработке на станке. И ведь надо же подумать: новичка принимали в бригаду с большим скрипом! Бригада в то время еще боролась за право называться коллективом коммунистического труда и, конечно, к новичкам относилась с большой осторожностью. А Вася, дня через три встретившись с инженером, поспорил с ним. Инженер Симонов стал седым на фабрике, и уж кому-кому, а ему-то все верили. И вот этот мальчишка...

Вася настаивал, а инженер ни в какую:

— Не могу разрешить. Я отвечаю. Не разрешу силового резанья. Я за плав отвечаю. Эксперименты в копеечку влезают, резцы лимитируют.

Но Корешков оказался настойчивым, и Симонов, наконец, сдался.

Вася Корешков остался в цехе в ночную. Вскоре туда же пришел бригадир Рыжков. Они долго советовались, а утром вдруг разнеслась весть: Вася Корешков за смену выточил шестьдесят пять втулок. Более пяти норм. Пятьсот процентов! Это было неслыханно. Вася стал зачинателем силового резанья. Инженер Симонов проверил. Все оказалось как надо: и резцы и качество втулок отличное. Петр Назаров при всех пожал руку Васе, но понимал каждый, как это нелегко было ему сделать. Самолюбив был Петро.

Слава лучшего токаря, так долго сопровождавшая Петра, сделала его самонадеянным. Не мог он так просто смешаться с рядовыми. Вот уже и портрет этого Корешкова начали увеличивать, и директор особым приказом поблагодарил его за хорошую инициативу. Однако в том же приказе запретил другим токарям переходить на силовое — осторожным был он человеком.

Петр с виду оставался прежним, а вот с этим чувством — будто при всех выхлестали — не мог справиться. И как он не догадался, что если подавать энергию на станок и резец одновременно, то равномерно сообщенная скорость не дает крошиться дорогому инструменту. Пробовал он на больших скоростях работать, а чтобы догнать до предела, до 800 оборотов, не посмел. Так и работали всем цехом, используя наполовину мощность станков.

Как-то вечером бригадир встретился с Назаровым. Того, как всегда, сопровождал Сенька Слипын. Не понравилось лицо токаря Рыжкову. «Не ладно с Петром, — подумал он, — не ладно. Не поскользнулся бы парень. Дело, действительно, нелегкое — пересилить себя».

— Что, Петро, время вечернее, может, в шахматки сгоняем? — предложил он.

— Не надо нам, Семен Петрович, соболезнования. Не ребятишки, — вместо Назарова ответил Сенька.

Петро промолчал. «Да, гложет парня, — решил бригадир. — Гордость гложет. Может, не тревожить пока? Может, обойдется? Поймет? Успокоится? Вот «адъютант»-то у него ненадежный...»

* * *

Свободными вечерами, а чаще в выходные дни, любил молодой токарь Вася Корешков проводить время в верховьях Омутовки с этюдником в руках. Звеня чешуйчатыми струями, горная речушка спешила к своему устью. «Настоящая пронира», — думал Вася, наблюдая, как она ловко обходила валуны, разбросанные на ее пути неведомой титанической силой. Речушка то ныряла под них, свиваясь вьюнком, то, взбивая сердитый гребень, пенясь и вскипая, обходила их стороной. А валуны лежат себе, крутолобые, лысые, лениво поблескивая на солнце крупинками кварца и едва приметными глазками стекла. Лежат, казалось, в глубокой летаргии, убаюканные журчанием воды, не замечая ни хлопот речушки, ни ее стремительного порыва.

Вася любил попрыгать с одного валуна на другой, взбираясь все выше по склону горы. Омутовка сворачивала в ущелье, а он устраивался на полянке, прислонясь к обломку обшарканной ветрами и дождями скалы и, как всегда, подол-

гу не мог оторвать восхищенных глаз от картины, которая открывалась перед ним.

Здесь в вышине не слышно шума и грохота Катуня, зато отчетливо видна сама река. Вспененная на острых подводных камнях, будто подернутая поземкой, неслась она, вырвавшись из ущелья, подобно сказочному аргамачу, распутившему по ветру хвост и гриву. Потом, круто свиваясь на омутах, вдруг стремительно выпрямлялась и, раздавшись по сторонам, обессилев от дальней и многотрудной дороги, плавно выгибала свою лебединую шею.

Подолгу мог смотреть Вася, не отрываясь, не мигая, на красавицу реку. И всякий раз он подмечал в пейзаже что-нибудь новое. А за Катунью виднелись горы. Изрезанные морщинами, точно гигантский одряхлевший гриб, темнели вдали старик Бобурган. На склонах гор и в долинах жетгела рожь. Потучнел, налившись живительными соками, прибрежный борок, а туда, в горы, откуда несет свои воды могучая река, в силюющей дымке раскрывается ущелье с низкоровным козырьком хвойных лесов. Туда, петляя и блестя трудовым потом, уходит и Чуйский тракт. Бегут, бегут по нему в оба конца, точно игрушечные, автомашины.

Вася брался за карандаш. Придет время, и вот эти этюды пригодятся ему. Он, конечно, засидит за большое полотно. А пока... Пока все для себя.

Вася Корешков — коренной степняк, в горы попал после краткосрочных курсов при ФЗУ. Горы! Когда-то видел он их только на картинах. Вот лермонтовский черкес на боевом коне. Лавина суворовцев скатывается с Альпийской кручи. Нет, он, конечно, напишет совсем другое. Он еще и сам не знает композиции картины. Но она, безусловно, будет. Зря, кажется, только был небережлив с бригадиром Рыжковым, когда тот пришел к нему, как к новичку, на квартиру. Конечно, это хорошо, что бригадир не хочет иметь «белых пятен», как он говорит, в жизни членов бригады. Этюдник лежал на этажерке. Присматривая Васину библиотеку, бригадир наткнулся на него и стал с интересом рассматривать карандашные наброски.

— Рисуешь? — с удивлением спросил он.

— Да, так... для себя.

— Ты что, одиноличник? Нет, браток, такой номер не пойдет, — категорически заявил бригадир. — Сначала для себя, а потом для всех. Увлечение хорошее. Будем приветствовать!

Он улыбнулся в молодые, еще не прокуренные усыки. Пролостав альбом, прихлопнул его широкой ладонью.

— Давай рисуй... Здорово получается. Это ведь прямо удача! У нас каждый чему-нибудь учится по способностям. Лешка Козырин английский зубрит, Сашка Звездин — заяд-

лый рационализатор... Вспомнил! Вася Левшин интересуется рисованием — он в стенгазете рисует. Кружок может возникнуть или, как там у вас называется, у художников, студия, кажется? Так?

— Ну, уж и студия сразу? — улыбнулся и Вася.

— А вот и студия. Возьмем и организуем. Потом выставку устроим. Прямо в клубе заводском. Понял? Берись смелее за карандаш. А краской пишешь?

— Писал дома.

— Ничего себе — дома! — искренне возмущился бригадир.

— А ты что, в гости сюда приехал? Нет! Ну-ка отпиши матери, чтобы прислала твои картины.

Прямой, открытый, несколько простоватый бригадир поправился Васе. Только этюдник, кажется, зря попал ему на глаза. А может, и не зря? В самом деле, как это хорошо: каждый занят в бригаде своим любимым делом. Кое-кто в музыкалке вечерней учится. Девчонки то заочницы, то в кружке кройки и шитья. А вот он с тезкой своим Васей Левшиным теперь — студия...

— Студия... — произнес он вслух. — Что ж, это, кажется, звучит.

Вася сосредоточился. Карандаш быстро забегал по бумаге. Сегодня так удачно ложатся тени на эту Омутовку.

Вдруг какое-то беспокойство охватило Васю. Всем своим существом почувствовал внимательный взгляд постороннего человека. Странно, вокруг одни валуны, скалы, горы. Ни одной живой души, но работать спокойно уже не мог. Свернув этюдник, Вася поднялся и сразу же увидел его. За большим валуном сидел человек. Быстро отвернувшись, он поднялся и прошел за скалу. В сутуловатой фигуре Вася узнал Петра Назарова. Что-то кольнуло в сердце. «Почему он прячется?»

* * *

Утром бригадира Рыжкова вызвали в контору. У директора в кабинете сидел секретарь парткома. Он взял со стола измятую бумажку и протянул ее Рыжкову.

— Поинтересуйся, бригадир.

«Кого мы возвеличиваем, товарищи! — прочитал Рыжков. — Жулика и проходимца возвеличиваем». — Бригадир с изумлением посмотрел на парторга.

А ты читай, читай, — кивнул тот и переглянулся с директором.

«Корешков скрыл о своем прошлом, — читал дальше Рыжков. — Его хотели судить в Камне, где он проживал, но он сбежал. Преступник попал под крылышко бригадира Рыжкова. Позор для всей бригады!»

Записка была анонимная.

— Чепуха! Порочат парня, — твердо сказал бригадир.

— Вот и мы думаем так же. Но сам факт — кто об этом пишет, может быть, член бригады — позорный факт. Значит, мало еще знаем людей, — горячо, взволнованно проговорил секретарь.

— Василий не такой. Уверен. Ведь все это легко проверить.

— Конечно, — согласился с ним директор. — Однако, болтовня, — он покачал головой. — Не было такого у меня на фабрике раньше. Ведь что о бригаде скажут? Узнают в горкоме... А я... я не привык к такому.

Прав ли был директор? Не ложное ли это? Директору честь мундира дорога. А человек? Обиделся Рыжков. Ушел в цех взволнованным. Васе решил ничего не говорить. А тот, ни о чем не догадываясь, предложил учить всех токарей новому методу работы. Рыжков тотчас же дал согласие.

Из Камня райком комсомола прислал отличную характеристику. Рыжков с облегчением вздохнул. Клевета! Но кто способен на это в бригаде? Неужели Назаров?

Вася Корешков был полон творческих планов. Слушая его, Рыжков восхищался его энергией, сообразительностью и упорством. Сегодня молодой токарь снова удивил Рыжкова. Наблюдая за работой смен, он неожиданно сказал бригадиру:

— Зря на старых станках все смены держим. На автоматах тоже две?

Бригадир ответил:

— Две.

— Не по-хозяйски оборудование новое используем.

— Как? — не понял Рыжков.

— А очень просто. Я бы на старые одну смену перевел, а на автоматы три... Выгодней будет. Я вот приброесил — тысяч сто упускаем. Не меньше.

Рыжков сообщил техноруку. Тот взял карандаш, подсчитал.

— Не сто, товарищ, а минимум полмиллиона рублей прибыли от этой перестановки!

Технорук побежал к директору. Тот выслушал, потом задумался и медлительно сказал:

— Поменьше шуму. Дело это не проверенное. Подождем.

* * *

Прошло несколько дней. Как-то к вечеру к фабрике подкатила горкомовская «Победа». А минут через пятнадцать в кабинете секретаря парткома шло небольшое совещание. Директор фабрики, грузный, с квадратными плечами, вытирал платочком бритую голову, возмущенным голосом, вы-

хватывая отдельно фразы из лежащей перед ним бумаги, отрывисто, задышливо читал:

— Не коллектив, а стоячее болото. Руководители заклини в голове с директором и боятся свежего ветра, всего нового боятся, как черт лапана. Передовым людям производства не дают рта раскрыть, сразу машут рукой: «Знаем, дескать, без нас. Все видим и все понимаем. А на самом деле обратное получается. Возьмите вопрос с автоматическими станками... Правильное предложение, но директор зажался. И партком не поддержал ценное предложение. Директор вообще стар-р-оват стал», — в этом месте голос изменил директору. Он вытер лицо, прокашлялся и как-то беспомощно улыбнулся. — Вот, значит, как получается.

— Ты читай, Иван Захарыч, читай, — подтолкнул его инструктор и подмигнул парторгу. — Смотри, до пота прошибло.

— Небось, прошибет. Староват, значит, — нахмурился директор и стал продолжать чтение. — Лыко не вяжет. Лыко... Ну, уж это, товарищи, черт знает что. Вы же видите, анонимка!

— Верно, — подтвердил инструктор. — Но какая? О деле. То, что о лыке, и пропустить можно. Я думаю, надо поговорить откровенно с рабочими, товарищи.

— Стоит, — поддакнул парторг.

— Это Корешков, — сказал директор. — Это он. Обиделся, видишь ли... Он думает, такие дела тяп-ляп решают. Надо обмозговать. А с ним, я думаю, можно откровенно поговорить. Я поговорю. — голос его дрогнул. — Поговорю.

— О чем? — спросил парторг.

— Как о чем? Обо всем этом. Что это за манера такая? Обиделся и крутит анонимку, обзывает. Трус. Только шагнул в жизнь и уже...

— Неправда. Не такой он! — горячо сказал Рыжков. — И почему именно он? Откуда такая уверенность у вас? Странно.

— Не заступайся, — буркнул директор. — Двадцать лет на этом кресле сижу — такого не было. Всех знаю. А вот...

* * *

«Неужели все-таки Назаров? — мучительно думал Рыжков. — Нехороший вид у него в эти дни. Нехороший».

На собрании Петро откровенно улыбался. Бригадир, наблюдая за ним, темнел, хмурился. Все больше и больше приходила уверенность: «Он! Что ж, сам виноват. Вместе радовались его «золотым руками», а он и возомнил. Только почему так подло! Ведь все уверены, что написал это Корешков. Черным ходом решил отомстить. Подло, подло!»

Рабочие единодушно выступили за предложение Корешкова о загрузке автоматов. Директор сдался.

— Что ж, давайте попробуем. Но зачем так торопиться? Я и сам обдумывал это предложение, — сказал он и посмотрел в сторону Корешкова. — Зачем было избирать такой метод нажима? Не понимаю. Приди ко мне. Я всегда приму, выслушаю. Но грязь... анонимки...

Вася недоуменно посмотрел на директора.

— Какую грязь, Иван Захарович? Какие анонимки?

— Не все же их пишут, Иван Захарович! Есть такие душонки... Но не все же, говорю, пойдут на это! — выкрикнул Сенька Спицын.

— Конечно, конечно, — кивнул ему директор. — Я вот тебя, Семен, пять лет знаю. Слышал ты от меня грубое слово?

— Да что там говорить! — хлопнул по руке кепкой Спицын. — А есть такие. Я не знаю, почему бы товарищу Корешкову не быть откровенным?

Вася вскочил. Лицо его горело.

— Это... Это ложь, товарищи. Клевета!

— Опять ложь! Опять клевета! Я уж и не знаю, — Сенька развел руками, — что мне, например, делить с Иваном Захаровичем? А то ведь старше себя и такими словами — «лыко не вяжет» и прочие нетактичности.

— Стой! — прервал его Рыжков. — Откуда тебе это известно?

— Что? — оторопел Спицын.

— А ну говори: откуда ты текст заявления знаешь? — наступал на него бригадир, пристально взглянув на Петра.

Петр Назаров сделал удивленные глаза, сорвался с места и схватил за плечо Сеньку.

— Ты? Шкура!.. Ты?

Петра трясло от обиды. Сенька Спицын побледнел. И тогда все поняли, что произошло.

Спицына за подвох вывели из бригады.

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

Ночью на вершинах гор выпал снег. Туман и легкая изморозь легли в долины. Густые заросли черемухи, облепившей извилистые берега капризной речушки, огибающей город, к утру переоделись в бордовые и красные сарафаны. В одну ночь преобразились и березки. Взбегая по склонам гор, они вдруг зазвенели разноцветными серьгами, раздувая на легком ветру желто-зеленые платица. Лишь сирень в палисадниках домов да в поредевшем парке не только сохранила

свой летний наряд, но, казалось, еще больше налилась густозелеными соками.

«До буранов будет стоять, — подумал Андрей, невольно залюбовавшись гордым и сильным растением. — Вот и человек... Да... Так же должен... Если нужно, и против бури... Против ветра...»

Андрей Русанов возвращался из городского Дома культуры. На город ложились сумерки. Слегка подмораживало. Мутные лужицы затягивались лучистыми перламутровыми кристалликами льда. На автобусной остановке, как всегда в это время, было многолюдно, и Андрей решил идти пешком.

Хотелось собраться с мыслями. Он еще шептал слова, сказанные в адрес сирени, но мысли его были уже о другом.

Вчера он выступал по радио, сегодня — в Доме культуры, но что он сказал нового? То, что его бригада вот уже на протяжении восьми месяцев перекрывает дневные нормы? Разве это новое для завода? А что ты скажешь, если тебя спросят: Андрей, почему не выполняет свой производственный план твой сосед Степан Лазарев? Разве ты не в ответе за его бригаду? Растревоженный, разгоряченный, Андрей не заметил, как подошел к небольшому домику с белыми ставнями. В комнате еще горел свет.

«Читает, небось, ждет», — подумал о жене, и ему почему-то стало не по себе. Уютный домик, обстановка, сад, мягкая характером, любящая жена — все это показалось на миг отчужденным. «Странно, — подумал он, — чем же вдруг стал недоволен ты?»

Андрей снял кепку вытер вспотевший лоб. Ну, а на заводе твоим такой же порядочек и уют? Как же все-таки с бригадой Лазарева? Он присел на скамью у калитки. Перед ним встала фигура Степана. Небольшой, очень подвижный, с белым клоком кудрей над левым ухом, озорными глазами и этим за каждым словом следовавшим к месту и не к месту: «Да? Да?», «Мы приняли обязательства, да?», «Мы решили на бригаде, да?» Откуда у него это? Будто лягает этим словом.

Не раз думал про себя Андрей пойти в бригаду Степана. Думал, а себе даже боялся сознаться, что мог бы он... Мог поднять бригаду на большие дела. Топчутся ведь люди. Пойти? Но кто тебя просит об этом? А разве нужно, чтобы просили? И все-таки... Вот он придет к Лазареву и заявит: «Плохо вы, братцы, работаете. Позор на весь завод. Подумал я и решил вытащить вас из прорыва, вывести в люди». «Он решил нас из прорыва тащить, ребята, да? — тряхнет своей куделей Лазарев и озорно подмигнет парням. — А мы его просили, ребята, да?» Андрей стиснул зубы.

— Да, да, да, — проговорил он запальчиво, вскочив. — Пойду и заявлю прямо в парткоме: да, товарищ Лазарев,

никого не может удовлетворить твое неумение поднять людей.

Андрей постучал в окно.

— Ты, Андрюша? — раздался спокойный голос Ольги.

— Мгм, — нетерпеливо мыкнул Андрей. В комнатах стояла тишина. Только со стены медленно и важно отбивал массивный маятник свои: тик-так, тик-так.

В плетеной койке, разбросав пухлые ручонки, посапывала маленькая Наташа. Щеки ее покраснелись.

— Не заболела? — забеспокоился Андрей, подходя к ребенку.

— Ну, скажешь тоже... Наворожи, — обиделась жена. — Тебя все ждала.

— Засиделись, — сказал он.

— Знаешь что, Андрюша, — встрепенулась вдруг Ольга. — Ты в этом месяце получишь премиальные?

— А... тебе зачем? — Что-то неприязненное шевельнулось в его душе.

— Да вот я все о том: хорошо бы купить на всю комнату ковер. Ползает ведь Наташка, а пол холодный. Ковры есть.

Андрей посмотрел на пол, который был покрыт теплыми шерстяными половиками. Она перехватила его взгляд, поморщилась.

— Половики... Стыдно даже. Да и тонки они.

Ничего не сказав, Андрей сел к обеденному столу. Ольга подала ужин.

— Ты бы подогрела поджарку-то, — буркнул Андрей.

— Сколько можно подогревать? — обиделась Ольга. — Обещал к одиннадцати, а уже скоро двенадцать.

— Ну, ладно. Ну, хорошо, — Андрей глотал без всякого аппетита. Ольга села напротив, посматривая на мужа. Он явно чем-то встревожен. Еще не было так, чтобы он за столом совсем не замечал жены.

— Ты что? — спросила она.

— А ничего.

— Но я же вижу!

— Что ты видишь? — в глазах его блеснула смешинка.

— А то, что... то, что не такой ты, как всегда. И разговаривать даже не хочешь.

— О чем говорить? — Он пожал плечами. — О коврах да о дорожках?

— Ну, конечно! Я уже совсем выжила из ума. — Ольга резко поднялась со стула и ушла в комнату. Андрей прислушался. Вот скрипнула кровать. Мягко упала на пол подушка. Раздалось приглушенное всхлипывание.

Вот так, — горько усмехнулся Андрей и, отодвинув от себя сковородку с засушенной поджаркой, сумрачно посмотрел в окно. Вот и пойдешь в эту отстающую бригаду. А кто

будет премиальные зарабатывать? Да и зарплата с прогрессивкой. Ведь наполовину ойдет. Может, наплевать на все это? Какое тебе дело? Пусть, парторг вместе с завкомом и директором головы ломают. Почему я должен поступиться всем: и авторитетом своим — ведь неизвестно, сколько времени тянуть придется бригаду, — и деньгами?

Андрей посмотрел на печь, где прогревала свои кости престарелая мать, на койку, где, укрывшись одним одеялом и прижавшись друг к другу, спали его и Олин братишки.

Шесть человек в семье. Нет, с чего это ты вдруг стал таким сознательным? Никто тебе этого не предлагает, никто тебя не неволит. Какое ты имеешь право садить семью на ваек?

Андрей долго ворочался в постели. С женой хотя и помирился, но беспокойство одолеть не мог. Он представил себе, как расскажет ей о своей думке, как она начнет корить его. Да, именно она будет корить.

Где-то глубоко в сознании гнезвился протест против всего этого наносного, временного. Разве он когда-нибудь всерьез думал о деньгах? Разве главное это во всей его жизни? Даже когда он был учеником слесаря, разве разряд тревожил его так, как жажда познаний и желание работать во всю силу?

Андрей откладывал со дня на день осуществление принятого им решения, боясь перешагнуть условные, подсказанные ложным самолюбием преграды. Не хотелось, чтобы это выглядело торжественно и во всеуслышание. А как это сделать иначе? Поговорить один на один с Лазаревым? Высмеет, сраму не оберешься на всю жизнь. Ну, хорошо. А если ты еще раз подскажешь ему его недостатки? Может, поймет, возьмется за дело по-другому, тогда и тебе не надо будет думать обо всем этом и Ольгу не растревожишь.

Ольга... Как все-таки получилось так, что ты проглядел ее, ты, думающий о других, о большом общественном деле? Как могло случиться, что твоя жена стала другой, и то, что раньше ей казалось хорошим, нужным, теперь видит совсем по-иному? Андрей не говорил еще с ней о своей думке, но чем ближе был к ней, тем больше убеждался, что не поймет она его, не поддержит. Ты посмотри, как стала приглядываться к тебе, к каждому твоему движению. Присмотрись к ее глазам, осторожным словам и намекам. Она тебя в чем-то подозревает, но ведь и действительно давно ты не был с ней открытым. Все молчишь больше. Даже отвечаешь невпопад. Нет, надо предпринимать что-то, Андрей. Нельзя играть в молчанку.

Вечером Андрей принес премиальные. Ольга тотчас же за-

собиралась в магазин. Идти с ней отказался, сославшись на усталость. Как было приятно в первые годы их совместной жизни приобрести вместе какую-нибудь хорошую вещь. Теперь ты видишь в этом что-то плохое. Куда все делось?

* * *

Сегодня в смене Андрея почти весь день проторчала у станков молодой инженер Нина Павлова. Проводила хронометраж. Маленькая, со взбитым пучком волос на затылке, она показала Андрею нахохлившимся после дождя воробышком. Только глаза, серьезные, серые, и настойчиво требовательный взгляд, выдавали ее, видно, недюжинную натуру. Строгость и простота как-то легко и естественно сочетались в ней, и никто не обижался на нее, если она, заметив промах у токаря, говорила, не повышая голоса, уверенно и твердо:

— Не спеши. Куда гонишь стружку? А ну-ка, возьми кронциркуль!

Чем больше приглядывался к девушке Андрей, тем больше она ему нравилась.

«Может, поговорить с ней откровенно? — подумал Русанов. — Она сейчас преподает что-то в вечерке. Кажется, математику и черчение».

Андрей вышел на улицу и неожиданно столкнулся с Павловой.

— Товарищ Русанов? — не то обрадованно, не то удивленно подняла черные ободки бровей Нина. — А я вас, между прочим, хотела видеть.

— И я вас, только не между прочим, а по-настоящему, — улыбнулся Андрей.

— И вы? Ну, вот и чудесно. — Она огляделась, будто ища чего-то.

— Вот сюда, — указал Андрей на беседку у автобусной остановки. Она молча кивнула ему и пошла вперед.

— Знаете, а ведь в бригаде этого, как его... — она прищурила глаза, вспоминая.

— Лазарева?

— Да. Представьте себе, хронометраж показал... Ничуть ведь не хуже ваших работает!

— Я знаю.

— Так в чем же дело? — воскликнула девушка. — Почему срываются часто? Сам Лазарев виноват?

Андрей пожал плечами.

— Когда надо, черта свернут, а больше так... Лишь бы до плана дотянуть. А бывает, что и того не дают. — Он подумал и добавил: — Бригадир, по-моему, много значит.

Подошел автобус, и на тротуар торопливо сошла Ольга.

Оглядевшись, она увидела Андрея с девушкой. На короткий миг остановилась, будто обо что-то споткнувшись. «Так вот в чем дело! Вот почему он стал таким!» — выплеснули ее глаза. Потом Ольга резко вздернула плечами и молча пошла к дому. Заметив ее, Андрей вскочил.

— Извините... жена, — торопливо проговорил он. — Я ведь встречать ее вышел. Если можно, мы поговорим еще с вами, хорошо?

— Конечно. Это наше общее дело.

Андрей догнал Ольгу и пошел с ней рядом.

— Зачем ты так, Оля?

— Ах, вот оно что! Может, и перед ней надо было расшаркаться! — Голос ее дрожал. Она нервно кусала губы.

Андрей, поняв состояние жены, тихо и строго сказал:

— Поговорим всерьез, Оля. Я тебе все-все скажу. Так нельзя дальше...

— Значит... Значит, это уже всерьез? — чуть не плача, сказала Ольга.

— Что всерьез? — удивился он.

— Ну как что? Ваши отношения с ней! Разве я не вижу.

— Не понимаю тебя...

Он не знал, как убедить Ольгу. Да и не хотелось. Мешало что-то. Раздражало.

Выручил председатель завкома Мурашов. Вот уж никак не думал Андрей, что так получится.

Стоял погожий воскресный день. Снежок слепил глаза. Андрей собирался посидеть в читальном зале городской библиотеки.

— На деловой разговор собираешься? — не скрывая ехидцы, спросила Ольга. Андрей посмотрел в окно, на запорошенный снегом сад, на серебряные блестки инея, опустившего ветви деревьев, улыбнулся.

— Не предвидится. Наговорились в цехе. И вообще, Оля, напрасно ты... Хорошая, деловая она девушка, не станет с нашим братом, женатиками, канитель водить.

— Знаю я их. Так и норовят в семью чужую ворваться.

— Только не эта... Брось ты. Кто-то, кажется, к нам, — Андрей кивнул в сторону двери. Оттуда донесся скрип половиц и затем осторожный стук.

— Да, да! — крикнул Андрей.

Вошли двое: невысокий пожилой мужчина и молоденькая девушка. Ольга растерянно посмотрела на гостей. В девушке она узнала инженеря завода.

— Встречайте нежданных, негаданных, — весело сказал Мурашов, снимая шапку и быстро оглядывая кухню.

— Пожалуйста. Раздевайтесь! Давайте сюда пальто. На вешалку, — предложил Андрей. — Оля, зови гостей в комнату.

— Мы и здесь можем. А раздеться... что ж, Нина Алексеевна, пожалуй, разденемся, а? Хозяева гостеприимные попались! — добродушным баском проговорил председатель завкома. — Только, чур, никаких чаев! Идет? Мы не надолго.

— Вот именно. Не беспокойтесь, — сказала девушка.

— Ну, что это за гости, которые от чая отказываются? — обиделся Андрей. — Оля, а ну развернись! — захопотают они. — Мы вас таким вареньем угостим!.. Ее вот производство, — он кивнул на жену. — По своим рецептам варят.

— Хвали, хвали, — зарделась Ольга. «Как он загорелся! — шевельнулась мысль. — А может, все это ерунда? Девушка, видно, серьезная. Неужели наберется нахальства на дом идти ради встречи?» Тревожно, ох тревожно на сердце Ольги!

Мурашов перебрал домашнюю библиотеку Андрея, похвалил за связь с бибколлектором, заглянул в комнату.

— Хорошо живешь, Андрей Петрович. Культурно и безбедно, — сказал он.

— Пора бы. Кажется, две инженерских зарплаты получаем.

— Скромничаете, батенька. Инженер на окладе. У тебя, чай, прогрессивка на две инженерских ставки, а? — он посмотрел в сторону молодого инженера.

— За дело государство не скупится, — сказала девушка.

— Если бы так трудилась другая бригада, -- вздохнул Мурашов и выразительно посмотрел на хозяина.

— Кого имеете в виду? — спросил Андрей.

— Кого? Будто и не знаешь, Андрей Петрович.

— Мы говорили с вами об этом, — напомнила инженер, скрывая в глазах хитринку.

— Догадываюсь.

— Ведь, понимаешь, какое дело? — встрепенулся Мурашов. — Если бы в бригаде Лазарева удалось поднять производительность труда хотя бы на два — три процента, — завод получил бы десятки тысяч рублей прибыли. Вот оно дело-то какое, Андрей Петрович.

— Понимаю, — подтвердил Андрей и вдруг решительно проговорил: — Хозяина там нет. А ребята... Ребят поднять нетрудно. — В глазах Андрея прорезалась стальная искра.

— Верно, Андрей Петрович, верно, — хлопнул по коленке хозяина Мурашов. — А он есть, настоящий хозяин-то. — Мурашов подмигнул девушке.

«О чем это они? — подумала Ольга. — Уж не думают ли?..»

Андрей взволнованно посмотрел на гостей.

— Не знаю. Но мне всегда казалось, что не так воспитывает людей Лазарев.

— Именно! — воскликнул Мурашов.

— Я же вам говорила! — бросила в его сторону девушка, — Андрей Петрович видит правильно.

— Что ж... Я бы... Я, — Андрей поднял глаза и вдруг встретился с глазами жены. Ольга смотрела на него восхищенно, радостно. «Говори, говори, Андрей!» — приказывали ее глаза.

— Я бы, кажется, смог. Я давно думал, но...

— Что но? — насторожился Мурашов.

— Но все побаивался, как это вдруг самому назваться?

— Вот чудак! Взаимоотношения Лазарева строятся на ложном представлении о дружбе и товариществе. А почему тебя мучает ложная скромность? — Мурашов погрозил Андрею пальцем и вдруг, посуровев: — Я видел тебя... Следил за твоим состоянием. Все мы видели. Ты должен решиться, Андрей Петрович. Это твой долг...

Ольга, обтирая руки о фартучек, шагнула от печки к столу. Лицо смущенно горело.

— И я... Я тоже видела. Только не понимала его. Молчит, переживает. А что мучается? В себе переваривает... Я уж бог знает, что стала думать. — Ольга, счастливо улыбаясь, посмотрела на Павлоу. — Правда! Вот честное слово!

Андрей удивленно вскинул брови. «Ольга! Неужели?» Он был готов броситься к ней, обнять, стиснуть в своих крепких руках и целовать, целовать... Но сдержался, тихо сказал:

— Спасибо, Ольга.

— То-то, брат, — Мурашов снова стукнул его по коленке.

Горно-Алтайск, 1959-60 гг.

Электронная библиотека АГУНБ, eib.aunb.ru

ЕВГЕНИЙ КАШИРСКИЙ

МАГИСТРАЛЬ

Не осень свежестью багрянца
Мне сердце тронула до дна,
А гордое название станций —
Дубрава, Мир и Целина.*
Широкий плеск пшеницы чистой,
И среди нив, разрезав даль,
С отливом ярко-серебристым
Степная наша магистраль.
И эти станции-подростки
Здесь службу верную несут
На главных хлебных перекрестках
Дороги Камень — Карасук.
Отсюда золотою лавой,
Вгоняя шпалы в полотно,
Бегут без усталости составы,
Идет алтайское зерно.
И машинист русоволосый,
Привычно глянув из окна,
С улыбкой просто произносит:
— Дубрава, Мир и Целина.
Под голубым Сибирским небом
Поет упругих рельсов сталь,
И мы не зря дорогой хлеба
Зовем степную магистраль.

*

* Название станций на Средне-Сибирской магистрали.

ЗДРАВСТВУЙ, ИРТЫШ!

Строители Средне-Сибирской магистрали вышли на Иртыш. Новая дорога Карасук — Иртышская, протяженностью 195 километров, соплужена на год раньше срока.

(Из газет.)

Дорогу сделать велено.
Буди степную тишь.
Звучал призыв уверенно:
— Даешь, друзья, Иртыш!
Бросала степь целинная
В лицо мороз и зной.
Звенящей сталью лилия
Врезалась в край степной.
Песок и камень тоннами
Ворочали, и в такт
Нам рельсы камертонили —
Держать вот так,
вот так!
И шел походкой сказочной
В пургу, и в дождь, и в град
Шестой путеукладочный
Строительный отряд.
Росло бригад содружество,
Их дел не утаишь.
И вышло наше мужество
С победой на Иртыш!

ИВАН КУДИНОВ

СТАРАЯ ТЕОРЕМА

Рассказ

Женщина стояла на крыльце и сквозь стекла очков смотрела на Андрея.

— Вам кого?

— Анну Федоровну...

Женщина сняла зачем-то очки и сошла на ступеньку ниже. Она была не из тех, которые привлекают с первого взгляда. Природа несоизмеримо отнеслась к созданию ее портрета — светлые, искрящиеся на солнце, словно пересыпанные золотином, волосы, а глаза большие, черные, лицо продолговатое, с едва обозначенными линиями морщинок.

— Анны Федоровны нет, — сказала она и тут же добавила: — Два года как нет...

— Нет?.. — удивился Андрей, и вдруг смысл сказанного дошел до него. — Значит, Анна Федоровна...

— Умерла, — сухо перебила его женщина, словно не позволяя произносить это слово никому постороннему.

И лицо у нее было в эту минуту каменно-неподвижно. И вдруг женщина спохватилась:

— Ой! Что же я вас держу у порога! Вы проходите, пожалуйста.

— Спасибо. Я только на одну минутку...

— Нет, нет, будьте гостем, — с неожиданно покоряющей настойчивостью проговорила хозяйка. — Я сейчас вскипячу чай. А вы, наверно, учились у моей мамы? Я так и подумала.

Она торопливо разожгла керосинку, поставила чайник и собрала на стол.

— Моя фамилия Фирсов, — сказал Андрей. — Мы даже не познакомились.

За столом, когда женщина (ее звали Лариса Викторовна) разливала в фарфоровые чашки крепко заваренный чай, Анд-

рей почувствовал себя неловко и подумал о том, что надо вернуться на станцию и полуденным поездом уехать обратно. Но Лариса Викторовна, словно разгадав его мысли, с той же мягкой ненавязчивой настойчивостью, предупредила:

— Вы не стесняйтесь, Андрей... Простите, не знаю вашего отчества.

— Называйте просто Андреем. Моего отца тоже звали Андрей.

— Коли хотите, Андрей Андреевич, оставайтесь. Если хотите, — повторила она.

И Андрей остался. Возвращение в город ничего хорошего не обещало. Не усидит он дома, непременно заглянет на завод. А там этот злополучный станок... Нет, лучше уж он отдохнет в деревне, на лоне природы, будет ходить на рыбалку. Жаль, что спиннинг не захватил с собой. Главное, обо всем на свете забыть, ни о чем не думать. Отдыхать, отдыхать!

И все-таки Андрей не почувствовал спокойствия, душевного равновесия. Мысль о станке преследовала его всюду. Где допущена ошибка? Неужели найти правильное решение невозможно...

Спал Андрей, как в давнем детстве, на чердаке. Утром будило его коллце. Тонкими струйками оно просачивалось во все щели. Андрей подставлял под эти струйки ладони и ощущал их теплоту. Потом он слышал скрип лестницы и, затрав дыхание, ждал, когда в квадратном окне чердака появится лицо Ларисы Викторовны.

— Доброе утро, Андрей Андреевич. Я пошла на занятия. Завтрак на столе...

Он не успевал ее даже о чем-нибудь спросить. Он клялся перед собой, что завтра встанет раньше Ларисы Викторовны, а на завтра снова просыпал. И снова ждал, когда скрипит лестница... И снова оставался потом наедине со своими тяжелыми раздумьями. И удивлялся, почему он не может уехать отсюда, ведь ничто теперь после смерти старой учительницы Анны Федоровны его не связывает ни с этим домом, ни с этими местами...

Год назад, закончив техникум и поступив на завод, Андрей мечтал, если не горы свернуть, то, по крайней мере, полностью механизировать выпуск кирпича. Город строился, кирпича не хватало. А на заводе многие процессы выполнялись вручную, чуть ли не первобытным гончарным способом.

— Безобразие, — говорил Андрей старшему механику. — Полуавтоматы бездействуют. Безобразие!

— Мы на эти станки, молодой человек, угрохали уйма денег. В утиль они годны, больше никуда.

— Ах, в утиль! — кипел Андрей. — Вам денег жалко? А люди? А стройки? Бюрократизм!

Стармех ворочал большой бритой головой, словно проверяя, прочно ли она держится на плечах, и незлобно говорил: — Забываешься, молодой человек...

И, храня на лице невозмутимо холодное спокойствие, уходил.

В углу цеха пылились полуавтоматы, и Андрей решил переконструировать их. Он еще покажет этому толстолобому стармеху.

Тогда и в голову не приходило, что затея может оказаться напрасной. Все расчеты по усовершенствованию полуавтоматов неизменно упирались в тупик. Андрей бросал и начинал снова. И снова — тупик. Он похудел, словно больной. И наконец, не выдержал, отступил.

— Все. Точка!

Собрал ненужные теперь листы, испещренные чертежами и расчетами, скомкал и с какой-то злой решительностью бросил в печку.

— Отдохнуть бы тебе, Андрюша. — посоветовала мать. — Ваял бы отпуск...

Сцепив за спиной руки, он ходил по комнате, злой и взъерошенный: обидно было, что не рассчитал сил, заварил кашу и вот — расхлебывай теперь.

— Теперь только и осталось — в отпуск. Двинуться куда-нибудь в тайгу... А может, на Кавказ? В Сочи, в Мацесту... — не скрывая иронии, говорил Андрей. — Ежедневные процедуры, утром гимнастика, морской воздух, после обеда мертвый час... А?

Андрею казалось, что после нашумевшей неудачи на заводе будут относиться к нему с недоверием. «А что, может, и впрямь взять отпуск?» Через неделю он получил отпускные, зашел попутно в парикмахерскую и вернулся домой посвежевший и веселый...

— Знаешь, мама, я раздумал дышать морским воздухом... Поеду в нашу Каменку, к Анне Федоровне. Вот обрадуется: бывший ученик приехал!

* * *

Ночью Андрея мучила бессонница. Было темно и душно, как перед грозой. За рекой неумоимо и бесконечно скрипел коростель.

Андрей ворочался, до опьянения курил и думал о своей жизни. Ничего хорошего у него не было — одни неудачи. В техникуме полюбил девушку. Жизнь не представлял без нее, а она вышла замуж и уехала. После этого Андрей раз и навсегда решил ни с кем не заводить интимных отношений. Друзья смеялись:

— В монахи решил записаться? Нет, брат, ничего не выйдет. Жизнь свое возьмет.

— Свою жизнь сам устраиваю, как хочу, так и жить буду. Говорил и сам себе не верил: если это так, не уехала бы она с другим.

Андрей ворочался и стонал от обиды: «Поговорить бы хоть с кем. Интересно, спит или не спит Лариса Викторовна. О чем она думает?»

Утром он проснулся от привычного скрипа.

— Доброе утро, Андрей Андреевич. Я пошла на занятия. Завтрак на столе...

— А я опять проспал, — с грустной усмешкой сказал Андрей. — Хотел раньше вас встать. И опять проспал.

Лариса Викторовна помедлила и спросила:

— Вам, наверное, скучно у нас... в деревне?

— Нет, дело не в этом.

Он смотрел на эту молодую, пожалуй, некрасивую женщину и мысленно раскаивался, что не уехал тогда обратно. По крайней мере, он чувствовал бы в душе только горечь от неудачи, а сейчас к этому чувству примешалось еще что-то волнующее и непонятное, как бывает, когда занавес еще не открыт, но музыка уже взяла тебя за душу и зовет вперед, навстречу той жизни, которая пока за занавесом...

— Андрей Андреевич, вы любите математику?

— Кажется, да, — удивленно ответил он.

— Если хотите, приходите на мой урок. Если хотите, — повторила она.

Андрей, как и тогда, в первый день, опять не смог отказаться, хотя идти на урок математики ему совсем не хотелось.

* * *

Он вошел в класс с тем величайшим благоговением, с каким обычно входят в комнату музеев. На него удивленно и настороженно смотрели десятки пар ребячьих глаз.

Последняя парта была не занята, и он сел за нее. Это была обыкновенная парта с откидными крышками, с облупившейся краской, залитая чернилами и во многих местах поцарапанная. Но для Андрея она была не просто парта, а начало всех начал: здесь, за этой партой, человек делает свои первые открытия, отсюда он уходит в жизнь. И странно, что до сих пор ни в одном музее не стоит вот такая обыкновенная, поцарапанная и залитая чернилами парта.

«О-о! Да здесь, оказывается, какой-то шифр!» — Андрей заметил на парте написанные карандашом и уже почти стершиеся слова. Он с трудом прочитал их: «Правление Менгли Гирея, 1479—1515. Экспедиция Семена Дежнева, 1648. Присоединение Украины к России, 1654».

«Шпаргалки!» — улыбнулся Андрей и на мгновение представил себя мальчишкой, таким же вихрастым школьником,

как сидящий впереди белобрысый паренек. И в довершение ко всему услышал голос Анны Федоровны:

— Сегодня мы повторим пройденное... Три признака равенства треугольника. Кто расскажет первую теорему?

Андрей встrepенулcя, поднял голову. Лариса Викторовна стояла у доски и вытирала испачканные мелом пальцы.

Совпадение было удивительным. Три признака равенства треугольников... Он никогда не забудет эту старую теорему и тот урок. Тогда точно так же Анна Федоровна стояла у доски и ждала, когда Андрюшка Фирсов ответит на вопрос. Он не мог вспомнить ни одного из трех признаков, и Анна Федоровна поставила ему двойку.

— Анна Федоровна, я ведь знал... — горячо, сквозь слезы говорил Андрюшка. — Я забыл. Я вспомню. Поставьте мне точку, а потом спросите...

Но Анна Федоровна была неумолима.

— Точка — это не оценка. Я поставила тебе то, что ты заслужил...

Как будто это было вчера.

Лариса Викторовна подошла к столу и раскрыла журнал:

— Гвоздев.

Сидящий впереди Андрея белобрысый паренек встал и пошел к доске.

— Первый признак? — он помолчал, глядя на потолок, словно на нем был написан ответ, и уверенно начал:

— Первый признак: если две стороны и угол... — он замолчал и уже менее уверенно снова начал: — Если две стороны и угол...

Андрей весь подался вперед и мысленно подбадривал Гвоздева: «Ну что же ты, ну говори же! Неужели ты забыл, Гвоздев, что если две стороны и угол одного треугольника соответственно равны двум сторонам и углу другого треугольника, то они равны между собой... Забыл?»

Гвоздев молчал.

— Не знаешь? Садись.

Гвоздев обреченно пошел на свое место. Лариса Викторовна обмакнула перо в чернильницу, и рука ее на мгновение застыла над журналом.

Андрей, затаив дыхание, следил за ней. Казалось, сейчас решается что-то очень важное, от чего зависит многое в жизни.

Перо высохло. Лариса Викторовна снова обмакнула его и твердо вывела двойку.

Андрей облегченно вздохнул и увидел, как опустились плечи Гвоздева.

И вдруг Андрей подумал о том, что двойку, которую поставила ему когда-то Анна Федоровна, он так и не исправил.

Поставил себе точку. Отступил. Нет, так нельзя. Так нельзя жить, Андрей Фирсов!..

Ночью опять не спалось. Андрей вздыхал и думал о Ларисе Викторовне, о том, что ее, наверное, тоже обходит счастье и что он, сухарь и псевжа, ни разу не поинтересовался ее жизнью. А может, так лучше. Какое ему дело до того, как живет эта, в сущности, незнакомая и чужая женщина. Но он думал о ней и чем больше думал, тем меньше оставалось сомнения в том, что он не может, не имеет права оставаться здесь ни одного дня. Что-то случилось, но он еще не знал — что?

Андрей слез с чердака и долго стоял, не решаясь будить Ларису Викторовну. Было еще совсем рано. Сырой туман пластами висел над землей, и сквозь его тяжелую завесу пробивался и никак не мог пробиться утренний свет. И такая тишина была, словно весь мир погрузился в дрему. Ни звука. Уснул коростель за рекой. Спит, наверное, и Лариса Викторовна — утром всегда крепко спит.

Андрей постоял еще с минуту, потом протянул руку к двери и тихонько, несколько раз стукнул.

Тотчас же в комнате отворилась дверь, и в сенях вышла Лариса Викторовна.

— Это я, — сказал Андрей. — Извините, что побеспокоил... Я уезжаю.

Они внимательно смотрели друг на друга, словно хотели прочесть в глазах те очень важные, очень нужные слова, которых не успели или не смогли сказать за все эти дни.

— Уезжаете? Так рано... Вам не понравилось у нас?

— Что вы, наоборот! — послешно возразил он. — Мне очень понравилось у вас. И вы, Лариса Викторовна... ну, как бы вам сказать... вы замечательная. И я вам очень благодарен.

— За что же?

Он помолчал.

— Это очень сложно, я не могу вам сразу сказать. Но когда-нибудь скажу, непременно скажу. До свидания.

Андрей взял ее маленькую прохладную ладонь и крепко пожал. Лариса Викторовна была без очков, и Андрей впервые заметил, что у нее не только большие, но очень глубокие черные глаза.

— Если вы разрешите, я приеду еще... Вот переконструирую ступки и приеду.

— Приезжайте, — сказала она и осторожно высвободила ладонь. — Если хотите, конечно.

Андрей шел бором. Утренний свет пробился, наконец, сквозь толщу тумана. Далеко позади, там, где осталась родная Каменка, проснулся и торопливо, будто наварстывая упущенное, заскрипел коростель.

Радостное и беспокойное чувство овладело Андреем. Никогда он с таким наслаждением и полнотой не дышал, никогда у него не было такого огромного неудержимого желания сделать все недоделанное. Это чувство, подобно утреннему свету, пробившемуся сквозь толщу тумана, заглушило в нем все мрачное, заскорузлое и распахнуло душу...

Что же случилось? Ведь, в сущности, он расстался с чужой и почти незнакомой женщиной.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ВАСИЛИЙ СМИРНЫХ

СЫНУ

Спи, сынок, тревог не зная.
Улыбнись во сне.
За окном луна большая
Бродит в вышине.

Не спеша она крадется
В облачную сеть.
Может быть, тебе придется
На нее лететь.

Набирайся силы, Вовка,
Счастлив твой удел.
На земле хорошей столько
Непочатых дел!

ПШЕНИЦА

Земель разбуженных царица,
Полей бескрайних красота.
На ветерке шумит пшеница
Золотогрива и густа.

Ее мы видели заранее
Еще в том памятном году,
Когда с путевками в кармане
Держали путь на Кулунду.

Теперь друзьям иное снится:
Простор Луны, далекий Марс,
Где не шумит еще пшеница,
Где явно не хватает нас.

РЕВНОСТЬ

В деревне все нас считали неразлучной троицей. Троица — это Илья, наш атаман, или по-рыбацки «башлык», я — правая рука его и третий... а вот за третьего не хотелось бы и говорить. Добро бы тоже пацан, а то ведь девчонка. Звали ее Катькой, обзывали «чирушкой». Худенькая, проворная, она и впрямь походила на маленькую вертлявую уточку.

Прозвище у нас в деревне зря не дается, плавала она, эта Катька, и ныряла ничуть не хуже любого парнишки, только за Ильей не могла угнаться. Впрочем, Илья был непревзойденным пловцом во всей деревне, да, пожалуй, и в районе не было ему равных. Бывало, нырнет — жди через минуту — полторы на самой середине реки. Выскочит из воды, отбросит со лба волосы и без передышки саженками кроет до берега, только вода за спиной пенится.

Для меня лучше его никого на свете не было: лицо у Ильи чистое, открытое, лоб широкий, взгляд смелый, светлорусые волосы, густые и волнистые, а брови, как углем подмазаны. Роста он среднего, зато плечи и грудь впору любому дяде. К рыбалке Илья пристрастился рано и до того, что про школу забывал. Даже в седьмом классе остался на второй год, но от этого славы своей в наших глазах ничуть не терял.

— Война, кормилец матери растет, — как бы оправдывали его взрослые.

Малыши за ним оравой ходили, да только лишь я один сумел обратить на себя внимание. Зато и старался же. Шевельнет Илья бровью — первым за дело хватаюсь, готов был целыми днями грести на лодке, только бы при нем быть.

И кто не уступал мне в этом рабском порыве, так это Катька. Как ни старался я отшить ее от Ильи, страшал, и не раз, но все бестолку. Да и Илья к ней относился, как к парнишке. Хотя обычно говорил о девчонках после презрительного плевка. Он уважал смелых, а может, причина и в другом — отцы их большими приятелями были.

Вот так и повелось: куда мы с Ильей, туда и она. Мы на спор Обь переплываем — и она за нами. Илья на четыре года старше меня, а с Катькой мы ровесники и, конечно, ссорились из-за Ильи постоянно. И не раз у меня были сныяки, а у Катьки царалины.

Но это, конечно, случалось позднее, при Илье мы дипломатично терпели друг друга, Илья и сам не любил драться и нам не позволял.

Года через два после войны он закончил семилетку и — так как старших классов в нашей песчановской школе не было, а до района и города не менее десяти километров, — решил заняться рыбалкой. От отца, погибшего на войне, осталось ему небогатое наследство — с десяток сетей и бредень, на них то и решил Илья испытать свое счастье.

В Песчановке половина жителей коренные рыбаки. До войны тут была даже рыболовецкая артель, но когда взрослые ушли на фронт, а в деревне организовался леспромхоз, артель сама собой распалась, и только дряхлые деды да мы, ребятишки, выезжали в погожие дни на плес, чтобы вечером порадовать семью свежей рыбой.

Одному рыбачить несподручно, но Илье искать партнеров и не пришлось — мы — я и Катька — сами напросились.

Хватка у нашего башлыка оказалась, как у заправского рыбака. Бывало, заежжам в затон, так уж чтобы ни укрючина не скрикнула, ни весло не стукнуло. Мигнет Илья — и мы не дышим. А он поведет по затону глазами, насторожится, даже воду зачем-то понюхает, или вылезет на песок и сидит, не шелохнется. Уже закатное солнце, золотом разливаясь по затону, скрывается за излучиной, ветерок дохнет рябью, замрет, а он все сидит и к редким всплескам рыбы прислушивается.

— Колдует, — шенчет Катька, и не понять, смеется ли она, или всерьез говорит, известно: девчонка.

Покажу ей кулак для порядка, и опять замрем оба. Зато не бывало случая, чтобы Илья промахнулся. Как начнет подтягивать бредень — заклинит в нем вода, щуки, те через край начнут шмыгать.

— Живо, черти! — скомандует Илья, а мы и рады стараться, чуть прогоны не рвем. За ночь Катькина бабушка пережарит добычу, а чуть свет бежим на станцию. Выкатится из утреннего тумана поезд — и пошла торговля. Петерки, десятки так и сыплются в Катькин кармашек.

Я стою от нее в стороне и время от времени подношу новые порции. С продуктами еще туго, поэтому рыбу берут нарасхват.

Илья торговать не ходит, он обычно поджидает нас у реки, зашивает иглою порванный невод да насвистывает любимую песенку:

Шаланды полные кефали
В Одессу Костя приволил...

— Ну, как дела, купцы? Порядок?

Выручка делится на четыре кучки. Две из них, по общему согласию, ныряют в карман широченных, как у грузчиков, штанов Ильи, по одной достается нам. Илья приравнял меня к девчонке! Сколько раз потом намекал я ему, чтобы он заменил Катьку каким-нибудь пацаном — мало ли их шляется по деревне без дела? Не хочет. И чего в ней нашел хорошего?

Ну смелая, ну плавает хорошо, а силы-то все равно меньше, чем у меня?!

А может он ее лю... Я не хочу сказать даже про себя это еще непонятное слово. Кто знает? Ведь слышал же я от взрослых, что Катька непременно будет красивой девушкой.

А будет ли? Это еще неизвестно. Сомневаясь, я всматривался в нее по-новому, стараясь отыскать признаки будущей красоты. И ничегошеньки в ней красивого не находил: шуплая, глаза, правда, голубые, как небо в летний день, а косы, как веревки, вокруг шеи вечно болтаются, даже ципки на ногах еще не вывелись!

Хитрющая она — всегда меня опередить норовит, известно, к Илье подлизывается. Нет, на месте Ильи дня бы ее не терпел, и неужели не видит, как она мне противна? И все же упрекать Илью было не за что. Ничем не отличал ее от меня, так же покрякивал на рыбалке, так же, подшучивая, посылал в такое место, где Катька неожиданно ныряла «с головой».

Скоро о нашем пиратстве узнала вся Песчановка. Многие хвалили Илью:

— Молодец. В отца пошел. Тот тоже хорошим башлыком был в артели.

Другие предупреждали:

— Смотри, застукает рыбнадзор, распрощаешься с неводом и штраф уплатишь.

В ответ Илья только встряхивал чубом, и тошнее резко очерченные губы его кривила презрительная усмешка:

«Не пугай, мол. Сами-то слабо...»

А застукать Илью было не так-то просто. Бывало, еще и моторной лодки рыбнадзора не видать, а он уже головой крутит, по звуку слышит, кто едет.

Стрелой скользнет наша долбленка в потаенный заливчик или под раскидистый куст над самой водой — ниш свист.

Но как-то пришлось нам встретиться и поближе. Выскочила моторка из-за косы неожиданно, за ветром и не слышно было ее, повернула в нашу сторону. А мы только-только рыбу в лодку вытряхнули.

— Спокойно, — скомандовал Илья. — Плещите друг на друга, купайтесь.

А сам лодкой невод ко дну прижал и с хохотом кинулся навстречу моторке, будто ухватиться за нее хочет. Рулевой резко повернул, чтобы не утопить Илью. Один из сидящих поднялся было заглянуть в нашу лодку, но чуть не упал при этом и погрозил озорнику пальцем. Развернувшись, моторка легла на прежний курс.

Другой раз нас застали на переметах. На них мы ловили запрещенную в это время стерлядь, выручили нас блесны, припасенные на всякий случай. Илья так азартно дергал свое коротенькое удилще и так удачно изобразил попавшуюся щуку, которая, конечно, «сорвалась», когда он уже занес над водой сачек, что с моторки только сочувственно покачали головой и, не останавливаясь, прошли мимо.

Глядя на нас, в деревне соблазнилось легкой добычей несколько подростков, но все они потерпели полный крах, и только наша троица безнаказанно пиратствовала на всем плесе.

Илья ходил по деревне петухом. Хромовые сапоги, военного образца брюки и гимнастерка делали его настоящим женихом. Стали посматривать на него все песчанские невесты и их мамы.

Немало рыбки покушали пассажиры, и, кто знает, сколько бы продолжалось наше браконьерство, если бы не получил Илья повестку в армию.

Два дня шумел край нашей деревни, провожая атамана. Немало было выпито, перепето песен и стоптано каблучков.

Не вытерпела, выскочила на круг и Катька-чирушка, да только многих слез обошлось ей это. Не думал я тогда, как зло подшутил над ней, захлопнув гармонь, когда она, подбоченясь, подплывала к атаману.

Все вокруг засмеялись, чирушка покраснела сначала, а потом стала бледнеть. Но доконал ее, я думаю, сам Илья, ненамеренно доконал. Засмеялся точь-в-точь так же, как смеялся, когда она отступалась в омут — ничуть не обидней, а она глянула на него мокрыми глазами — и только косы ее мелькнули. Выскочила и пропала из глаз на несколько лет. Даже провожать Илью не вышла.

Я подумал: и поделом — не суйся не в свои сани, тоже мне, поклонница нашлась...

Скучно стало без Ильи в Песчановке. Отходил я последнюю зиму в школу, а весной, ну, места себе не нахожу. Деревня наша раскинулась по-над берегом. Только выйдешь на крыльцо — сразу река в глаза бросается, а с ней душевные воспоминания связаны, каждая коряга, каждая коса знакома...

Попробовал было сколотить тройку наподобие нашей, но

на второй же вылазке перессорились и разошлись. Дело в том, что каждый из нас хотел взять на себя роль Ильи. Пожалец, что нет Катьки, теперь-то без Ильи, думаю, не враждовали бы. Как уехала она в город после того вечера, так больше ее и не видел. Одни сказывали, что встречали ее в форме ФЗУ во время демонстрации, другие видели у ворот какого-то завода, да только всем верить не приходится, а мне в том особой надобности и не было. Как-то повстречал на улице ее бабушку, хотел спросить из вежливости, да вспомнил, что туга она на оба уха, спроси что — вся деревня знает будет, пойдут суды-пересуды, и прошел мимо.

Зато к матери Ильи бегал чуть ни каждый день, читал редкие письма и все забегал наперед, искал глазами хоть строчку о себе, а только редко вздрагивало мое сердце: скуп был на слова Илья. В одном из писем сообщил он, что от стрессовой службы открутился и сейчас ловит для части рыбу, а в конце, в приписке, словно подзатыльник мне отвесил. Спрашивает, чем, мол, занимается Мишка, поди, все баклуши бьет?

Это я-то! Два дня переживал я эту страшную обиду, а потом пошел в леспромхоз, устроился на курсы трактористов.

В учебе да работе незаметно пролетело три года. К тому времени, как вернуться Илье, считался я кадровым рабочим и неплохим трактористом.

Премировали частенько и, не в похвальбу себе будь сказано, ставили в пример другим.

Еще с Ильей привык работать. Я ведь с Катькой хоть договора и не заключал, а соревновался на совесть. Так и тут не хотелось быть последним и все, натура у меня к тому же приучена.

Приехал он в июле, в самый сезон рыбалки. Я к тому времени специально отпуск взял, высмолил лодку, подремонтировал снасти. Встретились на станции, где прежде с Катькой рыбой торговали.

Вышел он из вагона, оглянулся кругом, вздохнул всей грудью, и даже в глазах повлажнело вроде. Меня увидел и — чего сроду не случалось — обнял.

— Здорово, Миша, вырос, вырос. А где остальная команда?

Подумать только, и про Катьку вспомнил. Подобрел атаман — ничего не скажешь.

И опять зашумела деревня. Как-то в одну из веселых ночей вышел я из комнаты проветриться и в темноте столкнулся с кем-то.

— Полегче, не наступай на ноги, медведь, все равно в кумовья не позову, — услышал я вроде знакомый девичий голос.

Присмотрелся — нет, вроде не наша, не деревенская — по одежде.

— Да кто это?

— Разуь глаза, соперницу не узнаешь? Может, опять вместе невод тянуть будем?

— Чирок? Ты зачем сюда?

— Да уж, конечно, не за тобой, не бойся, Илью позови.

— Ну, знаешь. Нужна ты смуг...

— Нужна, не нужна без тебя разберусь, ты позови — и подталкивает этак повелительно.

Постоял в сенях, подумал. И не утерпел, подставил ей снова ножку, когда выскочил из комнаты.

— У тебя мешок есть? — спрашиваю.

— Зачем это?..

— Большой привет Илья передал — во что положишь?..

— А это от меня передай, если так, — и вкатила мне такую пощечину, что я за косяк ухватился. По характеру и рука у Катьки оказалась.

На другое утро встали мы с Ильей рано.

— Умываться на реку! — скомандовал он. — Э-э, да у нас культура — трамвай появился, — кивнул он на нарядный белый катер у берега. — Айда, посмотрим.

Когда мы подошли, пассажиры уже поднялись на палубу. На берегу оставалась лишь одна рослая, со вкусом одетая девушка.

— Не задерживайте судно, входите. — торопил матрос, берясь за трап. Но она словно боялась взойти на узенький шаткий мостик, растерянно оглядывалась.

— Вы что остаетесь, что ли? — возмутился матрос.

— Чья такая? — спросил Илья.

Этот вопрос девушка, видимо, услышала, резко повернулась к нам. Илья вскрикнул — Катька?!

У меня вдруг засадила щека. Ночью я не разглядел ее, а теперь удивленно пучил глаза.

Предсказание сбылось. На что уж Илья был разборчив в девичьей красоте, и тот застыл на месте. По Катькиному лицу пробежала тень обиды и презрения. Сердитый матрос нетерпеливо дернул трап, и край его плюхнулся в воду. Внутри катера затрепетало сердце мотора. Судно дернулось, и в этот момент, легко взмахнув руками, Катька вспорхнула на палубу.

— Катя! Куда ты, зачем? — кинулся к ней Илья.

Она обернулась. В глазах ее стояли слезы, но губы были упрямо закушены.

— За мешком, — коротко бросила она.

— За каким мешком? Не понимаю... — раздосадованно обернулся ко мне Илья. Но я-то все понял и успел отвести глаза.

Я еще раз посмотрел на Катьку и неожиданно для себя пожалел, что она уезжает.

Трамвай медленно отваливал от берега, за кормой его забурлила, вспенилась вода. В это мгновение я вдруг увидел, как в глазах Илья блеснул тот бесшабашный огонек, который обычно появлялся у него, прежде чем сигануть в воду с высоченного яра. Он даже по-мальчишески гикнул и с разбега, как был без пилотки, махнул на катер.

По правде сказать, это был отчаянный прыжок. Даже я испугался за Илью, а о Катьке и говорить нечего — кинулась к нему, точно он не с берега, а с луны прыгнул, вспыхнула. А как засверкали у нее еще не просохшие глаза!

Трамвай быстро удаляется. Я вижу, как Илья долго не выпускает из своей руки Катькину руку и не отрывает от нее глаз.

Лица их начинают мельчать, сливаться. Наконец, они вспомнили обо мне. Илья машет рукой, и я еще могу различить, что Катька задорно, как в детстве, показывает мне язык.

Подпоясанный полотенцем, стою, как дурень, и, кривя губы, тоже машу им.

Хорош Илья, бросил друга, сменял на девчонку — закипает досада.

Вот ведь как могут прострелить насквозь девичьи глаза даже такого парня.

На другой день бродил я около реки, как потерянный. Чтобы как-то скоротать время, решил опробовать новый спиннинг. Отъехал от деревни с полкилометра вниз и только кинул блесну, чувствую, затрепыхалась на крючке рыба. Проснулась во мне рыбацкая страсть, забыл на время все свои огорчения. Окунь клевал, что называется, с ходу, не допуская блесну до дна. В азарте не видел и не слышал, как подошел трамвай, как недалеко от меня появилась, видимо, влюбленная парочка.

Черт его знает, и как им было охота без усталости бегать по песку и хохотать на всю реку. Со стороны беспричинное веселье всегда раздражает, а тут, может, из-за них и клев прекратился.

Таких парчей, как этот, что на песке, Илья бывало называл презрительным словом «бабник» и при этом непременно презрительно сплевывал в сторону.

Чтобы не видеть их, я смотал удочку и взялся за весло, но парей на берегу неожиданно свистнул.

Я встрепнулся, как легавая от выстрела, и, что называется, сделал стойку.

Нет, не мог я ошибиться. Это Илья. Так заливисто умел свистеть только он. Ну да, вот он машет мне. Все недавнее раздражение растаяло, как туман от солнца.

Едва нос лодки ткнулся в песок, я выскочил и на этот раз облапил Илью первым. Потом взглянул на нее. Но лица ее не увидел, она сушила длинные распущенные волосы, а когда, точно почувствовав мой взгляд, откинула их, я попятился.

— Катька?

— Екатерина Ивановна, — спокойно поправила она.

— Чехвалова... — влюбленно улыбаясь ей, добавил Илья. Это была ее фамилия.

Должно быть, в тот момент я выглядел дико, потому что Катя, одернув купальник, вся насквозь пронизанная веселым солнцем, спряталась за спину Ильи и капризно запротестовала:

— Илюша, этот медведь хочет меня съесть...

— Не бойся, Катенька, он же ручной, — в тон ей ответил Илья, и они долго хохотали, но мне, признаться по совести, было совсем не весело.

В деревню все трое возвращались на лодке. Катька на носу, я на корме, Илья за веслами. Греб он широко, играючи, с подергом — так, что Катька при каждом взмахе невольно клевала носом. Но она не скрывала своего восхищения, любуясь тем, как на плечах и руках Ильи вздувались и перекатывались желваки мышц.

Немного не доезжая деревни, Илья бросил весла, закурил. Затянулся и вместе с дымом выдохнул:

— Троицу воскресим?

Это был не вопрос — скорее утверждение.

Я видел, как с беспечного до этого лица Катьки будто волной смыло улыбку, глаза насторожились.

— Ну, чего молчите, черти?

Он обернулся к Катерине.

— Катя, конечно, согласна?

— Я думала, ты забыл старое? — неуверенно сказала она.

Илья удивленно вскинул брови.

— Забыл? А зачем его забывать? Разве плохая троица была? Помните, как ловко надували рыбнадзор? — Он весело рассмеялся, но ни я, ни Катька его не поддержали.

— Дети мы еще были, Илюша, — я видел, что глаза Катьки ищут моей поддержки, и добавил: — Война была...

Катька чуть заметно кивнула мне.

— Ша! Нытики, — Илья, как бывало, властно повел бровью. — Детство, война кончилась, а жить-то надо? У матери вон домишко заваливается, надо к зиме новый поставить — пятистенный.

— Эх ты?! — невольно воскликнул я.

— А что? И поставлю. К зиме семья, думаю, прибавится. Правда, Катюша?

Катька закусила губу, потупилась, но почему-то не покраснела, хотя Илья явно намекал на женитьбу, скорее по ее лицу пробежала тень досады.

— Вы, конечно, уволитесь, — продолжал Илья, — купим новый невод и развернемся...

То ли оттого, что мною давно так никто не командовал, не распоряжался моей судьбой, а скорее оттого, что Илья даже не поинтересовался моим мнением, впервые в душе шевельнулось к нему неприязненное чувство.

— А рыбу кто продавать будет? — В Катькином вопросе явно слышалась ирония.

Илья обернулся к ней.

«А ты?» — было словно написано на его лице.

Но он почему-то не сказал этого, должно быть, понял, что не побежит теперь Катька к утреннему поезду, не будет собирать в кармашек фартучка трешки и пятерки.

— Была бы рыба, сбыт будет, — ответил уклончиво.

— А деньги, на четыре кучки? — на этот раз глаза ее открыто смеялись, и зря не взглянул на нее Илья.

— Теперь можно и на три...

Глядя на Катьку, я прыснул первый.

— Чего вы? — спохватился Илья.

— Не будем мы с Мишкой рыбачить, Илюша. Я учусь и он тоже, — ответила Катька. Она опять взглянула на меня как на единомышленника. — А дом и стронть незачем: в городе готовую квартиру дадут...

— Зачем в городе? Леспромхоз даст, — перебил я, тревожась, что Катька переманит его к себе на завод.

— Выходит, отказываетесь рыбачить?

— Да ведь стыдно, Илюша, как ты не поймешь этого?

— Ах, вот оно что? — протянул Илья. — Птенцы оперились? Помочь не хотите? А как я вас всю войну кормил, забыли?

— Да разве мы отказываемся помочь? — обиженно проговорила Катька.

— Денег дадим, — подтвердил я. В этот момент решил отдать все свои сбережения на мотоцикл, только бы не слышать слов упрека.

— А рыбачить не будем, да и тебе не советуем.

— Ах, да. Ты же комсомолка, — насмешливо протянул Илья, как будто только сейчас заметил на платье комсомольский значок.

Катька высоко вскинула голову, точно издали, вприщур, смерила Илью взглядом.

— Да.

— А ты? — обернулся ко мне Илья.

Я еще не был комсомольцем, но устав уже несколько дней был со мной. И поэтому кивнул утвердительно.

— Так, так, — Илья задумался.

Нашу лодку снова поднесло к тому месту, где они только что купались.

— Ну что ж, плакать не буду, найду партнеров, — тряхнул чубом Илья.

Катька вдруг сорвалась с места, прыгнула на берег.

Илья словно опомнился:

— Куда ты, Катя? Ну не хочешь рыбачить — не надо, а зачем ссориться? Иди в лодку.

Но Катька словно не слышала этих слов, осторожно заравнивала ногой недавние следы больших мужских ног.

Илья поднялся, готовясь последовать за ней.

— Не надо.

Илья сел. Течением лодку развернуло кормой к берегу.

Трудно сказать, что толкнуло меня в этот момент тоже выпрыгнуть.

— А ты куда?

— Порыбачу еще, — нашелся я.

— Предатель, — злобно сказал Илья.

Я стоял по колено в воде, лодка проплыла мимо. Близко, близко перед глазами прошло искривленное злобой, совсем некрасивое сейчас лицо нашего атамана. Я ждал, что он ударит меня. Но он резко опустил сжатую в кулак руку, схватил весло и гребнул так, что жалобно скрипнула уключина.

Я оглянулся. Катька уходила в лес. Мне показалось, что плечи ее вздрагивали. Догнать ее, успокоить?

Долго и напрасно кидал блесну. Рыба не клевала, да и не до рыбы мне было. Я все еще был ошеломлен и потрясен всем так внезапно случившимся.

По шороху песка за спиной понял, что вернулась Катька. Шаги затихли совсем рядом. Я ждал.

— Скажи, Миша, я правильно поступила? — спросила она.

— Мы не могли сделать иначе, Катя.

— И как это его не перевоспитали, — вздохнула она.

— Он и там рыбачил. Ослеп от блеска чешуи — не видит настоящей жизни.

— А может, вернется?

Я осторожно повернул голову.

Еще влажные Катькины глаза с безнадежной грустью всматривались в противоположный берег. Но я не разделял ее желания, наоборот, теперь определенно считал, что в нашей тропе один лишний.

ОЛЕГ ПЕТРОВ

ОХОТНИК КАЙЛА

Рассказ

Дед Кайла сторожко шагал по зверовой тропе, которая вилась по-над берегом реки, взбиралась на склоны сопок, спускалась в низины. Тропа была еле заметна, по кой-где ясно различались следы козьих копыти. Кургузый, сморщенный, как сухой гриб, дед Кайла медленно, чуть приволакивая, переставлял ноги, изредка останавливался и поводил из стороны в сторону головой, которую по самые глаза скрыла облезлая меховая шапка.

Следы коз дед оставлял без внимания. Зато кучка земли, взрытой из-под мха, явно заинтересовала его. Он свернул с тропы и некоторое время разглядывал рыхлую землю, беззвучно шевеля губами. Потом снова вернулся на тропу и пошел дальше. Раза три или четыре он останавливался подле нетолстых, но крепких деревьев, подступивших к самой тропе, примеривался к ним прищуренным тусклым взглядом уставших глаз и поглаживал жиденькую монгольскую бородку, похожую на истрепанный клок пакли.

В тайге было сумрачно, пахло прелью, смородиновым листом. Река, еще неделю назад такая ленивая, теперь стремительно несла свои воды, бешено клокотала на порогах. И то, что река стала такой буйной, радовало старика. Он-то теперь хорошо знал, отчего она стала такой.

Дед Кайла повернул и пошел назад. Он шагал чуть быстрее. Усталые глаза его щурились и вспыхивали веселым молодецким блеском. Деду чудилось, будто он снова, как в былые годы, щедро глотает и никак не может насытиться настоенным на хвое и смородиновом листе воздухом.

Шагалось ему легко и споро. Дед Кайла спешил вернуться к своему жилью, потому что там его ждала новая, непохожая на прежнюю работа. Старый Кайла очень гордился ею! Он был теперь водомерщиком в экспедиции.

Еще не видя балагана, старик услышал нетерпеливое по-

визгивание собаки — то радовалась возвращению хозяина сильная, мышинной масти, лайка Гальян.

Старик сходил к реке, замерил уровень воды и, вернувшись, отцепил собаку. Лайка повертелась вокруг него, полизала шершавые руки и спокойно улеглась, положив острую, с седым подпалом морду на лапы и не спуская глаз с хозяина, который раскрыл тетрадь, помусолил карандаш и вывел в одной из граф корявые цифры. Затем старик принялся чистить пойманную утром рыбу. Он ловко взрезал пухлые животы хариусов, ловко, сразу все, вытаскивал внутренности и складывал их на кусок коры. Когда вся рыба была очищена, дед прежде всего вытряхнул потроха в ведро. Он каждый день вываливал туда рыбы потроха, и содержимое ведра резко пахло тухлятиной.

Поставив вариться уху, старик сел подле костра и тихо-нечко, нараспев, принялся что-то мычать. Должно быть, он забыл все песни, что знал раньше. Раньше он знал много песен. Он никогда не пел их одинаково — не из-за слушателей, нет. У него почти никогда не бывало слушателей, когда он пел, кроме разных собак, — теперь всех собак, что слушали его песни, и не вспомнишь. Просто ему нравилось менять слова в песнях, он и менял их, когда принимался петь.

Пушистое облачко в бездонном небе рождало у него песню о властелине тайги, старом Сартакпае. Далеко за белыми горами закурил Сартакпай свою трубку, пуская в небо пушистые облачка дыма, и стал перебирать ожерелье из корней жизни, что висит у него на груди. Каждую весну старый Сартакпай берет один корень и бросает его в реку. И тогда, сбрасывая ледяные оковы, оживают реки, распускаются красивые цветы, радуются и никак не могут нарадоваться, щебечут птицы... О многом пел раньше дед Кайла.

Сейчас он сидит подле костра и чуть слышно мычит себе что-то под нос — сморщенный, как сухой гриб, старичок. Он сидит лицом к узкой долине, сплюсненной двумя грядами сопки, хранящей дремотную тишь, манящей туда, вперед, где далеко-далеко чуть раздаются сопки в стороны, где, если б вернуть старику молодые глаза его, увидел бы он белки гор.

Раньше пел о таких долинах охотник Кайла. Вот забрел в долину марал и затрубил надменно, вызывая на бой соперников. И тогда охотник Кайла, всем охотникам охотник, переломил берданку, вынул из нее патрон и протрубил вызов еще надменнее. И так трубил, пока не вышел на него гордый нетерпеливый марал и не пал замертво перед охотником Кайлой...

Старик сидел возле костра, и ему очень хотелось спеть песню. Но старых слов не любил он, а новых не было.

Вдруг лукавая улыбка ярче, чем пламя костра, осветила

высохшее лицо старика. Дед Кайла скрылся на мгновение в балагане и вернулся назад, к костру, с пухлой тетрадкой в руках. На одном из чистых листов тетради старик провел две линии. Рисунок был похож на ствол уродливого дерева, толстого до середины, а с середины — тонюсенького-тонюсенького. К этой середине дед подрисовал толстый, почти такой же, как и ствол дерева внизу, сук.

Деду очень хотелось кому-нибудь показать эту свою картинку. Но рядом никого, кроме Гальяна, не было. Старик закрыл тетрадь, несколько мгновений сидел молча и вдруг запел дрожащим хриповатым голосом.

Дед Кайла пел про высокие белки гор, где всю весну лежит и не хочет таять снег. И только когда в гнезде копылухи* запищат желторотые птенцы, и хозяин рек, могучий таймень, кончит метать икру, и кусты дикой смородины украсятся ожерельями маленьких зеленых ягод — только тогда потекут ручьи с далеких белков, запрыгают, зашумят на камнях, спеша друг к другу. И, соединившись, по прошлогоднему пересохшему руслу проложат себе говорливый путь сквозь тайгу к реке Пыжас. А река Пыжас станет сердитой, потому что ей будет тесно в берегах.

И обо всем этом, конечно, очень хочет знать молодой инженер. Иначе зачем он направил сюда деда Кайлу?

Новая песня понравилась старику больше тех, что он пел раньше. Но песня утомила его, и дед пошел в балаган устраиваться на ночлег.

Странно спал по ночам дед Кайла — свернувшись клубочком в углу балагана, бок о бок с Гальяном, он слышал все, что совершалось в ночи. Слышал испорхи ночных птиц, сонный лепет потревоженных ветерком деревьев. А в ранний зябкий час он слышал, как с легким шорохом на небо крадась утренняя заря. Солнце выкатывалось всегда в той стороне, где были не видимые деду белки, но шорохи утренней зари шли к старику совсем не оттуда. Они шли с деревьев, окружающих балаган, и ничего удивительного тут не было. Вчера солнце, прежде чем уйти на отдых, рассыпало по деревьям свою золотистую пыль, а сегодня эта пыль рано-рано утром с легким шорохом устремилась навстречу солнцу. Если это не так, то почему же тогда солнце сегодня светит точно так же, как и вчера?

А еще недавно старику казалось, что он может обойтись без тайги.

Года полтора назад охотник Кайла зашабашил, осел с третьей по счету женой в поселке строителей лесозавода. Они купили дом, обзавелись скотиной и зажили поначалу мирно, покойно. Старуха его, Ирашка, как называл ее дед,

* Копылуха — глухарка

была донельзя рада этому. С утра до вечера копалась она в огороде, хлопотала по хозяйству. Дед Кайла помогал ей усердно и истоиво.

Но вскоре старик захандрил. Вставая, он без всякой охоты завтракал и тотчас принимался жаловаться на различные недуги, одолевшие его. Ныли ноги, ломила поясница, кто-то невидимый все жестче и жестче стискивал по ночам грудь, и дед просыпался с натужным ощущением тяжести, навалившейся на него.

Старик стал привередлив и вспыльчив, чего раньше с ним не бывало, хотя строгость и крутой нрав мужа Ирашка испытывала на себе не единожды, хотя и привыкла она к тому, что в любом деле и в любом вопросе его слово — свято и непререкаемо.

Теперь дед стал другим. Правда, Ирашка иногда думала, что это ей лишь кажется. Разговаривали они не часто, но бывали дни, когда старик принимался с прежней строгостью контролировать ее.

— Ирашка, борова кормила? — спрашивал он, сурово задирая бородку и глядя на жену косым прищуренным взглядом.

— Кормила, как же не кормить, — с готовностью и радостно отзывалась Ирашка.

— Смотри у меня! — страдал дед, и Ирашка думала в таких случаях, что старик ее несколько не изменился.

А дед Кайла целыми днями сидел в доме, нахохленный, злой, поглядывал в окошко, зябко поеживался, грел и никак не мог согреть верной трубочкой шершавые руки с вздувшимися венами. Его несколько не интересовали ни боров, ни корова, ни картошка, отчего-то хиревшая в огороде, ни прохудившаяся изгородь. Все это было никчемным и ненужным ему, потому что этого никогда не было в его жизни.

В молодости дед Кайла добывал золото. Жилось ему тогда тяжело, а когда уж и совсем невоготу стало, он сдружился с одним охотником и ушел с присков промыслять белку да соболя.

Тайга никогда не надоедала ему. Он кочевал по многочисленным падам сначала с первой женой, потом со второй, потом с третьей. Первую жену он прогнал, потому что она не рожала ему детей, вторая обрадовала сыном, но вскоре умерла, третья пришла уже просто хозяйкой, покладистой и покорной.

В бесконечные часы сиденья возле окна вся долгая жизнь в тайге представлялась старику донельзя короткой, мелькнувшей ярко и быстро. Зато дни в поселке строителей были тягучими, нудными, и дед чувствовал, как эти постылые дни все туже и туже, все больнее и больнее, словно безжалостная железка капкана, сжимают его.

Бывало, когда он свеживал соболя, иль белку, иль марала, его вдруг пронизывала холодная, как льдинка, мысль: а каким будет мой конец? Думать об этом не хотелось, но мысли, проворные и навязчивые, не спрашивая, услужливо рисовали ему последние картины его жизни.

Вот он рухнул под страшным ударом медвежьей лапы... Так погиб, повстречавшись с медведем, единственный его сын...

Нож застрял у него в чехле, и он не сумел так же быстро, как тогда, в Кедровой пади, воткнуть его в бок рыси, прыгнувшей ему на шею, когда он неторопливо шагал к своему зимовью...

Он снова оказался в центре таежного пожара, который возник от ударов молний и надвигался на него со скоростью ветра. Ведь не каждый же раз поблизости будет быстрая речка и не по каждой речке всегда удастся благополучно проплыть вниз по течению десяток километров.

Подобных картин старик тогда видел много, но никогда он не видел скамеечки возле окна и своей головы, вдруг бессильно упавшей на подоконник...

Однажды старик проведал, что в поселок приехал зачем-то охотник Казанак. Стояла теплая майская весна, но дед Кайла надел свои лучшие меховые лимы, разостлал на полу шкуры росахви, медведя и марала, пачистил до блеска испытанную берданку — и так встречал охотника Казанаква, за которым послал Ирашку. Казанаква был моложе старика, и идти деду Кайле самому к Казанакву было зазорно, противно всем таежным законам и обычаям.

Они долго сидели с Казанаквым, посалывали трубочками, вспоминали бывшее время, сдержанно хвастали друг перед другом бывлой добычей (а Казанаква и нынешней), и дед отчетливо чувствовал, как слабеет пружина капкана...

— Яша, — неожиданно ласково и просительно сказал старик, — возьми меня с собой. Места знаю, ай-ай, какие места знаю!

Казанаква удивленно посмотрел на деда и засмеялся веудержимо раскатисто, обидно.

— Ц-ц-ц, — цокал он языком. — Плохо, дед Кайла, башка твой совсем плохой стал. Э-а-а, ц-ц-ц... Почему забыл: старый лось одна места лежит, никуда не ходит!

— Ирашка! — тонким голоском закричал старик. — Гони его, шайтана, гони, язви тебя!

До самого вечера старик беспричинно кричал на Ирашку и последними словами проклинал охотника Казанаква.

Потом он присмирел и снова целыми днями молча сидел у окна. Даже когда узнал, что в поселок приехала экспедиция, которой требуются бывалые таежники-проводники, долго не мог решиться старый Кайла, хоть и подмывало его по-

пробовать этот, может быть, последний шанс — боялся отказать. Но все-таки решился. К начальнику экспедиции шел, высоко подняв голову с жиденькой бородкой, старательно прямил вислые плечи — казалось деду, шагает он молодежато, как некогда хаживал после удачной охоты.

В проводники его не взяли, но, поддавшись чуть не слезным мольбам, зачислили в экспедицию водомерщиком. Помог деду Кайле молодой инженер-гидролог — упрямый начальник.

Кайлу определили водомерщиком на реку Пыжас. Работа у деда была немудреной. Три раза в день — утром, днем и вечером — замерял он уровень воды в реке. Вот и все.

Скоро должен был приплыть на лодке молодой инженер Володя Сербский проверить работу старика и заодно провести необходимые гидрологические изыскания.

* * *

В последние дни дед Кайла готовился встретить молодого инженера. Поэтому он встал чуть свет, сел на чурку возле балагана, достал стариннейшую жестяную банку из-под мопансье, раскрыл ее, и взору его представилось нечто весьма славное — мелкая крошка крепчайшего пахучего самосада. Старик раскурил короткую кривую трубочку, закашлялся долгим, дергавшим все тело кашлем, и, несмотря на это, блаженство разлилось по его высохшему лицу.

Дела возле балагана отняли у него часа три. Потом старик снова отправился в тайгу. На этот раз он шел, обремененный поклажей. За спиной у него притулился мокрый мешок, распространяющий такой запах тухлятины, что даже привычного деда Кайлу слегка поташнивало, а Гальян все время зорко следил, чтобы как-нибудь ненароком не оказаться позади старика. На плече старик нес круги металлического тросика.

Гальян был совсем хитрым, полным горделивого собачьего достоинства. Полосатые бурундуки, стремглав забравшиеся на деревья, насмешливо цвиркали оттуда на него, но Гальян даже носом не поводил — бурундуки в тайге для него не существовали. Он презирал их за великую глупость. Если бы нос мог говорить, то, наверно, поведал, как раньше не единожды убеждался в этом. По весне, бывало, его хозяин отправлялся на промысел бурундука. Это был легкий и потешный промысел. Хозяин садился на колоду и прикладывал к губам дудку-манок. Гальян надолго превращался в статую, и ему стоило большого труда не расхотаться по-своему, по-собачьи на всю тайгу.

Хозяин издавал звуки, похожие на частые вкрадчивые гудки паровоза, и к нему со всех сторон спешили глупые бу-

рундуки. В поисках распевшейся «бурундучихи» зверьки чуть ли не влезали на колени к хозяину. Дудка умолкала, а тугодум-бурундук застывал на колоде столбиком. Хозяин не спеша подводил к его голове маленькую тонкую петлю, висевшую на конце палки, дергал палкой, как удочкой, и бурундук отправлялся в сумку. Потешней этого Гальян ничего не видел.

Потому-то он бежал, не обращая внимания на насмешки бурундуков. Но вот пес почуял что-то, оцетинил шерсть и зарычал, беспокойно глядя на хозяина. Они вышли на зверовую тропу. Старик, согнувшись чуть больше, чем обычно, шагал по ней спокойно и сторожко, и возбужденному Гальяну пришлось не забегать вперед, а идти позади хозяина.

В том месте, где в реку впадал бурный приток, они присели передохнуть. Они сидели друг против друга — старик и собака, совсем одни в невозмутимой тайге.

Потом старик окунул мешок в воду и пошел назад, волоча мешок по траве. Гальян бежал впереди, то и дело останавливался и глядел на хозяина умными хитрыми глазами. Так они вернулись к одному из деревьев, облюбленных стариком вчера. Это была стройная крепкая пихта, зеленая стрела, вознившаяся в голубое небо. Старик сделал на одном из тросов петлю и привязал ее к дереву. Петля перегородила тропу.

Точно такие же петли появились еще в двух местах на тропе. Одна из них нашла себе место в каком-нибудь полчаса ходьбы от балагана.

Вечером старик, как колдун, смотрел на пляшущие огоньки костра и негромко пел новые песни. Одна из них начиналась словами о костре, поселом и верном друге охотника, а в конце говорилось в песне про шкуру зверя, которую лестно иметь каждому охотнику и которую дед Кайла подарит молодому инженеру, очень хорошему человеку. Этот человек помог ему снова попасть в тайгу, дал пороху, дробь. А когда он подарит молодому инженеру шкуру, то тот, конечно, не пожелает остаться в долгу...

* * *

Зверь ревел разъяренно и устрашающе. Это был рев отчаяния и злости, от него мчались, запрокинув головы, маралы и козы и долго еще не могли сдерживать свой стремительный бег, хотя уж и тихо было вокруг; от него, притаившись в укромных местах, дрожали бурундуки, поджав под себя лапки.

Единственным из четвероногих, кого не испугал этот рев, был Гальян. Он услышал его раньше старика и, взвизгнув отчаянно и победно, ринулся в тайгу. Не было на свете силы, которая удержала бы сейчас собаку.

Дед Кайла тоже не чуял под собой ног. Сердце у него колотилось отчаянно, не от страха, нет — слишком проворно двигались его стариковские ноги. «Признала матушка-тайга, кормилица!» — радостно думал дед Кайла.

Зверь рычал уже сдержанно и озабоченно. Трос от его рывков натягивался струной и все сильнее давил заднюю ногу. Налитые кровью глаза зверя следили за собакой, которая ловко уворачивалась от него и ухитрялась то и дело вырывать клочья шерсти.

— Молодец, Гальянушко, — шептал старик, прижимая берданку плотнее к стволу дерева. — С этой стороны заocchi.

Крупное тело зверя прыгало на маленькой мушке, а старик все ждал и ждал. И лишь когда зверь, распрямившись, поднялся на задние лапы, бешено сверкая красными глазками на собаку, старик послал ему в левый бок круглую литую самодельную пулю, пробивавшую насквозь несколько сухих досок. Зверь взревел и рухнул. Он бился на земле, вырывая корни, вгрызался лапами в землю, словно хотел спрятаться в ней. Земля не принимала его, и он затих.

Старик послал в этого неподвижного зверя еще одну пулю. Она снова подняла зверя на ноги и тут же бросила бурю тушу навзничь. Медведь лежал, вытянув шею, и на морде у него пузырилась розовая пена.

Осторожный Гальян, стремительно наскакывая, вырывал у него клочья шерсти и тут же отпрыгивал назад. Старик приблизился к медведю, держа наготове берданку. Зверь явно затихал. Старик поднял длинную сухую жердинку и стал толкать бурю тушу в бок. Жердина вязла в густой шерсти неподвижного зверя. Тогда старик вытащил широкий охотничий нож и смело шагнул вперед.

Тотчас же какая-то неведомая сила подняла истекающего кровью зверя и он навис над стариком — огромный, страшный, перехитривший извечного врага — человека. «Эх!» — выдохнул старик и, извернувшись, снизу всадил нож в брюхо зверя, дернул его кверху и тут же рухнул на землю от удара медвежьей лапы.

Конеч... Вот и все, что успел подумать старик. Тот самый конец, который когда-то представлялся ему. Где-то совсем рядом старик словно в полусне слышал злобное рычание, чувствовал саднящую боль в левом плече и боку. Сколько прошло времени, прежде чем он открыл глаза, старик не смог бы сказать в точности. Наверно, немного, потому что когда он открыл глаза, он увидел рядом, совсем рядом с собой, лежащего на боку медведя. В морду зверя последней отчаянной хваткой впился Гальян. Из брюха медведя текла кровь, но он был еще жив и легко, хоть и медленно, оторвал от себя израненную собаку, прижал ее к земле лапой. Что-то

хрустнуло в собаке, и она завывала тонко и жалобно. Старик собрал последние силы, приподнялся, взмахнул пожом, упал на зверя... И надолго замер, уткнувшись своей жиденькой бородкой в мягкую медвежью шерсть...

* * *

Молодой инженер-гидролог Володя Сербский, помогая лодке шестом, кричал мотористу:

— Очень интересная река! Такой своеобразной реки здесь больше нет! Когда мы забрасывали сюда деда Кайлу, в этой реке было вдвое меньше воды.

Навстречу им медленно подвигались две гряды сопок. Они веерообразно охватывали лодку, и казалось, сопки вот-вот замкнут круг и не выпускают людей обратно.

На одном из поворотов реки они увидели балаган деда Кайлы.

— Эге-гей! — закричал Володя.

Вспорхнула какая-то птичка, качнулась мохнатая ветка, все так же привычно постукивал мотор.

— Промышляет дед, — подмигнул Володя, взял новенькую двустволку и раз за разом с удовольствием бабахнул в небо. Гул выстрелов потонул в реке. Володя неотлучно таскал с собой ружье, но дичи ему почти не попадалось, и Володе было обидно, что никак не удастся пострелять вволю. Он заложил новые патроны и, не обращая внимания на улыбку моториста, еще раз за разом бабахнул в небо.

Лодка причалила около нескольких реек, вбитых возле берега одна за другой. К этим рейкам была протоптана широкая тропинка. Трава была так примята, будто по ней протаскивали тяжелый куль.

— Ого! — глядя на тропу, удовлетворенно сказал Володя. — Старик не забывал свое дело.

Они вытащили груз и пошли к балагану. Почти сразу же они натолкнулись на залаченную смятую тетрадь. Володя быстро листал ее — цифры, цифры, цифры. На последнем листке они были написаны поперек граф, корявые цифры, выведенные неумелой рукой.

Они бросили груз и побежали.

Дед Кайла, скорчившись, лежал в углу балагана, на поблекших пихтовых ветках. Он тихо стонал и дышал тяжело, раскрыв рот. Он лежал на правом боку, и первое, что увидел Володя, — это неумело перевязанные клочьями рубахи плечо. На повязке растекались пятна засохшей крови.

Морщинки, сбежавшиеся к глазам старика, дрогнули, медленно поползли в стороны. Старик пошевелил губами.

— Молодой начальник приехал, — шептал старик. — Книжку-то твою потерял я, начальник. Непутевый стал...

— Вот она, книжка, вот, — быстро и громко сказал Володя, показывая старику тетрадь.

— А я думал — потерял. Совсем старый стал. Ты ее посмотри, начальник. И на тропу сходи... Торопись только, как бы звери шкуру не попортили... Гальянушку похорони, начальник... Слышишь, закопай Гальянушку...

Старик прикрыл глаза. Кажется, заснул... Сегодня к вечеру он уже будет в поселке. Вниз по течению переезд займет не более пяти—шести часов.

Пока дед Кайла спал, Володя листал смятую тетрадь. Корявые цифры, с трудом уместившиеся в нужные графы. Стороннему человеку они ничего не сказали бы. Гидрологу они говорили многое. Наблюдения деда Кайлы подтверждали высокий подъем воды в Пыжасе в конце июня. Теперь об этом можно говорить точно и уверенно.

Но главное еще не разгадано. Почему именно в конце июня, когда весенний паводок уже давно кончился, прибывает вода? Почему?

Гидролог рассеянно листал тетрадь. Несколько раз он машинально останавливал взгляд на рисунке, напоминавшем дерево с толстым сукком. И вдруг «толстый сук» ожил. Ну, конечно же, «ствол» — это река Пыжас, а «толстый сук» — приток, какой-то приток, прибавляющий воду в конце июня.

Володя быстро развернул карту. Может быть, этот приток берет свое начало в белках Тайминского хребта? В конце июня там, в горах, тает снег. Но на карте не обозначено никакого притока. Как же быть? «Толстый сук» может брать начало только на Тайме. Если так, то все ясно...

— Дедушка, — громко позвал Володя и, слохватившись, прикрыл рот ладошкой.

К балагану, согнувшись под тяжестью медвежьей шкуры, подходил моторист.

ПЕРЕДОВИКИ СЕМИЛЕТКИ

А. ПРОЗОРОВ

ИВАН АРЦЫБАСОВ, МЕХАНИК-ДОЯР

Далеко от больших дорог в Кулундинской степи затерялся поселок с причудливым названием Кайгородка. Раньше о нем на Алтае мало кто знал. Но вот после декабрьского Пленума ЦК КПСС в этот поселок не перестают прибывать делегации за делегацией.

Давайте совершим и мы экскурсию в Кайгородку. Правда, добраться сейчас нелегко. Зимы на Алтае холодные, а нынешняя выдалась на редкость капризная: то бушует пурга и в двух шагах ни зги не видно, то ударят сорокаградусные морозы. Бездорожье.

Но хоть и не близок путь от Барнаула до Кайгородки, а при современных средствах сообщения можно добраться часов за десять. До районного центра Хабаров в летнюю погоду регулярно совершают рейсы пассажирские самолеты, а там на лошадке рукой подать до Кайгородки.

Должен оговориться, что каких-либо особенных чудес вы там не увидите. И все же побывать стоит! Единственное, что поразит вас с самого начала, — это простота, с которой решил Иван Арцыбасов нелегкую проблему.

Обычный, ничем не выдающийся и не отличающийся от сотен других, скотный двор. А в нем коровы — сибирские помеси с симменталками, способные при хорошем кормлении и уходе давать три — три с половиной тысячи литров молока за лактацию. Почти полторы сотни коров — 145.

Но если все обычно, то стоило ли отправляться сюда на морозе, по бездорожью за тридцать земель?

Не будем спешить. Познакомимся сначала с Иваном Алексеевичем, как теперь все его уважительно называют в совхозе.

Ровно в пять утра на других фермах собирается народ. Приходят доярки, скотники, заведующий фермой, учетчик, зоотехник. К стаду в полтораста коров собирается не меньше 18—20 человек.

На ферме в Кайгородке рабочий день начинается иначе. Из красного уголка в белом халате выходит стройный, симпатичный юноша, за ним — ему под стать — две девушки. Это Иван Арцыбасов и его помощницы Галя Калашникова и Валя Житник. Примерно за час или полтора они втроем (именно только втроем) подоят всех коров, зададут им корм и сдадут молоко на сепараторное отделение.

Как же они успевают? Это уже небезынтересно. И потому из Михайловки, Ключей, Панкрушихи, даже из Горного Алтая едут сюда делегации за делегацией, чтобы перенять приемы работы Ивана Арцыбасова и применить их у себя.

Такая популярность человека — редкий случай. Тем более в наше

время. Ведь у нас столько открытий, столько достижений! И все же люди, умудренные большим житейским опытом, едут на выучку не куда-нибудь, а именно к Ивану Арцыбасову. Кто же он такой?

...Жил мальчик с хорошим русским именем Ваня. Жил он все в том же поселке Кайгородка, что затерялся в бескрайней Кулундинской степи. Ходил в школу, окончил семь классов. И решил этот мальчик, ставший юношей, пойти учиться на курсы механизаторов. Освоил профессию комбайнера, получил «С-4» и начал работать всем на загляденье.

Что еще о нем сказать? Кроме машин, любил он музыку, хорошо играет на гармошке. Когда заиграет вальс «На сонках Мамыжурни», перед глазами, словно наяву, встают безвестные погибшие герои-богатыри, грудью ставшие на защиту родной Отчизны. Таким полюбила его Лида, девушка гордая и неприступная. Они поженились. Это было четыре года назад. А в октябре прошлого года Лида металась по комнате, не зная, как лучше ее украсить. Ванюшка, ее Ваня, после трехлетней разлуки возвращался из армии домой.

Писатели много раз создавали картины встречи любимых после разлуки, и, кажется, встреча не похожа одна на другую. Я не был при встрече Ивана и Лиды и поэтому не буду ее выдумывать. Это ни к чему. Знаю только, что встретила его Лида хорошо. Оба они были счастливы.

А на четвертый день после встречи произошло следующее событие. Лида, работавшая дояркой, поздно вернулась с фермы. После ужина она подала Ивану районную газету со словами:

— Смотри, какие чудеса на белом свете творятся: мужчина стал коров доить. Вот потеха!

В газете была напечатана статья Ивана Андреевича Швыдко, механика-дояра из соседнего Мартовского совхоза о том, как он стал доить сто десять коров с помощью машины. Иван закончил читать и задумался. А Лида, присев рядом, продолжала удивляться:

— Ну не чудак ли этот Швыдко?

Ивану вдруг стало не по себе. Статья механика-дояра вызвала у него совершенно иные чувства. Он снял руки жены с плеч и, как бы между прочим, проронил:

— А я бы тоже пошел доить...

— Ой, Ваня. Да засмеют тебя! — испугалась Лида.

В ту ночь они совсем не смыкали глаз: мирились и ссорились, ссорились и опять мирились. А утром Иван пришел к управляющему отделением и попросился послать его в Мартовку посмотреть, как работает Иван Андреевич Швыдко.

По дороге в Мартовский совхоз Ивана Арцыбасова терзали сомнения, поняла ли Лида его до конца. Веками складываются обычаи, нравы людей. В сибирской деревне еще до сих пор бытует традиция: воду из колодца должна носить женщина, доить коров — тоже ее удел. Так было сто лет назад, так часто сохраняется и до наших дней.

Доводил мужа о том, что женщине очень тяжело доить коров, что с машиной сподручнее возиться мужчине, Лида воспринимала, как правильные, нужные. Но примириться с тем, что пойдет на ферму не кто-то другой, а ее Ваня, она долго не могла:

В армии командиром был, взводом командовал, а теперь коровами...

Иван решил так: изучит опыт работы Швыдко, придет домой, соберет универсальную доильную станцию и под видом пробы агрегатов начнет доить коров. А когда все у него паладится и люди поймут, что это очень хорошее дело, никто уже и осуждать его не станет.

Целую неделю Арцыбасов прожил в гостях у Швыдко. Иван Андреевич — коренастый крепыш, бывший тракторист совхоза — встретил его,

как самого дорогого гостя. Оказывается, и ему пришлось выдержать не меньшее «сражение» в своей деревне. Швыдко радовалось больше всего то, что первым его примеру последовал молодой, статный парень.

И вновь встреча с женой. На этот раз не такая сердечная. Но Иван теперь был убежден, что Лида все же поймет его, причем очень скоро, и снова станет прежней.

Целыми днями он возился с аппаратурой. Чистил, собирал по отдельным деталям станцию. Большие недели потратил на то, чтобы приучить коров к механической дойке. А когда добился, что коровы сами в определенный час по очереди стали заходить на доильную площадку, обратился к дояркам:

— Кто будет со мной работать?

— Те сначала не поняли. Они думали, что Арцыбасов только наладит станцию, научит их с ней обращаться и пойдет работать на комбайн.

— А ты, Валя, разве не пойдешь в бригаду? — робко спросила его Галя Калашникова.

— Да на кого же я эту машину оставляю? — улыбаясь, показал он на станцию. — Буду вместе с вами трудиться.

Тут же решили, что Ивану будет помогать Галя Калашникова и Валя Житник. Девушки они старательные, грамотные и сами изъявили желание изучать электродойку. В этот же день восемь доярок получили новое назначение: на ферме им делать больше было нечего.

А вскоре Иван Арцыбасов пришел к управляющему и попросил ликвидировать должности заведующего фермой, учетчика и трех скотников. Все дело брал в свои руки. Правда, руками-то он мало работает, а заставляет машины и доить, и поить коров, и развозить корма, и чистить помещения.

Прошло полгода. В заснеженную Кайгородку из районного центра прискакал гонец... Он привез радостную весть. Комсомольца Ивана Арцыбасова приглашают на краевую партийную конференцию. Крайком партии просит Ивана Алексеевича подготовиться и рассказать делегатам конференции об опыте своей работы.

Это было его первое выступление перед такой широкой аудиторией. Говорить он не мастер. Но посмотрели бы вы, с каким затаенным вниманием слушал переполненный зал краевой драматического театра речь простого юноши!

Вот он рассказывает, что механизация доения позволила высвободить только на одной кайгородской ферме совхоза восемь доярок и послать их в другие отрасли хозяйства.

Нетрудно подсчитать, что начатое Иваном Швыдко и Иваном Арцыбасовым патристическое движение поможет высвободить от тяжелого ручного труда только в нашем крае около семнадцати тысяч доярок.

Иван Алексеевич говорит, что совхоз имени Анатолия, где он работает, выигрывает за год 145 тысяч рублей на экономии зарплаты, а по краю — это десятки и сотни миллионов рублей.

А когда Арцыбасов стал рассказывать, что втроем они управляют за семь-восемь часов со всеми делами, что готовятся к поступлению на заочное отделение Славгородского сельскохозяйственного техникума и станут зоотехниками, все делегаты долго аплодировали ему.

Вот, в сущности, и все. Просто, даже очень просто. И все же, несмотря на бурю и морозы, в далекую Кайгородку едут к Ивану Алексеевичу учиться. Там, на его ферме, открыта школа передового опыта механического доения коров. И руководят этой школой не ученые, а практики — Иван Алексеевич Арцыбасов и его учитель Иван Андреевич Швыдко.

ПУБЛИЦИСТИКА

Ф. ИВАНОВ

ПИСАТЬ О СОВРЕМЕННОМ

— Каким должен быть человек коммунистического общества? В чем заключается героизм в наше время и применимо ли вообще понятие героизма для определения поступков молодого человека или девушки, участвующих в трудовой жизни?

Как часто можно услышать эти или подобные им вопросы в кругу молодежи — студентов и рабочих, учащихся и молодых специалистов. Нередко по этим вопросам возникают жаркие споры и, к сожалению, во многих случаях так и остаются нерешенными.

Естественно, что юноши и девушки, стараясь найти ответ, обращаются к литературе, театру, кино. Они хотят найти на страницах книг, на сцене, на экране образы людей, по чувствам и поступкам которых можно было бы выверять свои собственные дела и мысли.

Надо сказать, что до сих пор в литературе так же, как в театре и кино, не создано яркого, впечатляющего образа нашего молодого современника, который бы по силе и художественной убедительности был равен образам, скажем, Павки Корчагина или Олега Кошевого, но был показан не в особых военных условиях, а в обычной трудовой жизни.

Кстати сказать, немало могли бы сделать в этом направлении и писатели Алтая — свидетели героического подвига комсомольцев и молодежи, освоивших не-

обозримые просторы целинных степей.

Не потому ли это происходит, что писатели, говоря о миллионах гектаров освоенных земель, о сверхплановой продукции, бледно и сухо говорят о чувствах людей, формировании их характеров, не создают полнокровных живых образов.

Наш современник — это конкретный человек — колхозник, рабочий, интеллигент — носитель характерных черт эпохи. И говорить о нем в полный голос, показывать его ярко, во весь рост, нельзя, не говоря о современности, не показывая условий, в которых формируется человек — активный творец этих условий.

Пламенный порыв жизнетворчества — вот что отличает наше время, нашу социалистическую эпоху. И богатству жизни наших дней должна отвечать высокая художественность произведений литературы и искусства.

XXI съезд партии призвал деятелей литературы, театра, кино, музыки, изобразительного искусства еще выше поднять идейно-художественный уровень своего творчества, быть и впредь активными помощниками партии и государства в деле коммунистического воспитания трудящихся, в пропаганде коммунистической морали, в развитии многонациональной социалистической культуры.

«Решающим условием, обеспечивающим рост нашей литерату-

ры искусства, — писала 16 февраля этого года «Правда» в передовицкой статье «Современность — главная тема», — является их тесная связь с жизнью народа, с политической коммунистической партией. Только страстное и глубокое заинтересование изучением художником окружающей действительности, его активное участие в жизни своего народа, в строительстве самого справедливого и гуманного строя — коммунизма — рождает большое искусство, получающее широкое общественное признание».

В результате социалистических преобразований творчество советских людей развернулось как никогда широко, получило огромный размах. Каждый день нашей жизни приносит нам новые научные открытия, поражающие мир, каждый день советские люди совершают героические подвиги. Мы, современники этих событий, воспринимаем их с чувством великой гордости за свой народ.

Вспомним, хотя бы кратко, блистательные вехи недавнего времени: советские спутники Земли, наш «лунник», атомолет «Ленин», автоматическая космическая станция, управляемая с Земли и сфотографировавшая обратную сторону Луны.

Все ярче вырисовываются зримые черты прекрасного будущего, благородный облик человека коммунистического завтра. Всю страну всколыхнул патристический поступок Валентины Герасовой, которая добровольно перешла в отступающую бригаду, хотя это и повлияло на ее личный заработок. Тысячи и тысячи советских людей последовали этому замечательному примеру. Могучим весенним потоком разлилось по стране значительное движение современности — соревнование за звание коллективов и ударников коммунистического труда. На каждом шагу можно встретить в нашей стране подлинных героев — творцов новой жизни, не жалеющих своих сил и энергии во имя построения коммунизма.

Перед тобой, писатель, портрет Леонида Ускова — свиаря из

Беловского совхоза Троицкого района. За три года работы свиарем Леонид Усков получил 3500 центнеров привеса и сдал государству 5400 центнеров свиинны. Решения декабрьского Пленума ЦК КПСС, пример знатного свиновода страны Ярослава Чижя, про которого тов. Н. С. Хрущев сказал, что фамилия у него Чиж, а полет орлиный, вдохновили Леонида Ускова на новые, славные дела, на взятие новых рубежей. Во втором году семилетки он дал слово откормить 2700 свииней, сдать государству 300 центнеров свиинны, снизить себестоимость центнера мяса на 100 рублей. Вдумайся в эти цифры! Замечательный пример патристического служения Родине, своему народу подает Леонид Усков!

А не приходилось ли тебе, писатель, встречаться с Алексеем Антоновичем Степичевым — рабочим аппаратурно-механического завода? Страстное желание сделать как можно больше для родного государства, творческое отношение к своему труду отличают этого человека. Только одно из внесенных им рационализаторских предложений даст экономию 70—80 граммов цветного металла на изготовлении небольшой детали. Казалось бы, немного. Но Алексей Степичев мыслит широко, по-государственному. За год это предложение даст 250 тысяч рублей экономии.

Вчитайся, пожалуйста, в купленные строки биографии Надежды Ивановны Артамоновой: «родилась в 1908 году, с 1919 по 1924 год жила в деревне, занималась крестьянством, 1924—1929 гг. совмещая работу, училась в средней школе. 1929—1933 гг. — студентка Иаановского института текстильной промышленности». Затем начинается творческая трудовая деятельность: инженер-практик, начальник цеха, мастер, заместитель директора фабрики, директор фабрики. С 1951 года Надежда Ивановна главный инженер Барнаульского меланжевого комбината.

Это ли не яркий, впечатляющий

пример, свидетельствующий о великой силе социалистического строя, открывшего широчайший простор для творческой деятельности перед всеми членами общества.

Новое особенно рельефно выступает в сравнении с прошлым. Когда-то в годы реакции великий русский писатель А. П. Чехов говорил: «Странное существо — русский человек! В нем, как в решете, ничего не задерживается. В юности он жадно наполняет душу всем, что под руку попало, а после тридцати лет в нем остается какой-то серый хлам.»

И в этом горьком признании не безразличное отношение к русскому человеку, а осуждение условий, порожденных царизмом.

Калечили, душили человека эти условия.

Н. Ядринцев — публицист-сибиряк, путешествуя по Алтаю, много встречался с переселенцами, искателями легендарного Беловодья — загадочной земли, куда не заезжает засадатель, где люди не испытывают «тягости и тяжкого крестьянского горя».

Вот как они чувствовали себя на земле — царской вотчине:

«Чем более они осваивались с этими местами, чем более осматривались в это приволье, тем менее им хотелось расставаться с ним. Иногда мы видели, как пораженные этим привольем, этой тучной почвой, они подолгу стояли, опершись на посохи, устремив жадные взоры на этот девственный чернозем. Они облюбовывали эти места и в то же время робко осматривались. Их охватила тайная робость и страх, что вот их погонят отсюда и не дадут высмотреть то, чего они жаждут. Эта робость и боязнь, как мы заметили, не оставляла даже поселившихся и обстроившихся.»

Освоенные целинные земли советским народом — реальное воплощение мифического «Беловодья». Сюда, на необъятные сибирские просторы, пришли люди, освоили девственные черноземы, построили села с клубами, школами, больницами, детскими садами и яслями, а кое-где даже с водо-

проводом и канализацией. Они спокойны — их труд будет вознагражден, и он вознаграждается каждодневным улучшением условий их жизни.

Они пришли сюда не с лошадыю, спина которой «представляла сплошную язву, как будто ее расклепали вороны...», а с мощной разнообразной техникой.

И еще пример.

Вот отрывок из биографии «человека страшной жизни», как назвал Горький барнаульского поэта Ивана Тачадова, именем которого названа одна из улиц Барнаула.

«Первые проблески памяти рисуют мне дерущихся пльных отца и мать. Помню и смерть матери, не будучи трехлетним, не понимал своей утраты, даже был доволен, что благодаря этому отпустили играть. Шести лет мне чуть не пришлось отправиться поезд за матерью, и черви, расплодившиеся в моих ранах, а также паразиты и грязь и смрад очень тому способствовали, но я только оглох на оба уха. Семь лет я в девятнадцать дней окончил курс образования в отцовском университете по новейшему способу преподавания, чтению — по обтрепанным листам календаря, письму — палкой на песке. Пятнадцати лет ходил в Семипалатинск на святой ключ Абалакской божьей матери просить исцеления от глухоты, но простудился, кулясь в холодном ключе, и, не солоно хлебавши, вернулся домой. Восемнадцатилетним юношей я занял самостоятельно, научился пилкать на скрипке, стал играть на вечерах, работал и читал все, что попало, с ненасытной жадностью.»

Насегда ушла в прошлое эта бессмысленная рабья жизнь. С первых дней Советской власти в нашу жизнь неуверенно вторгается новое, светлое.

Я вспоминаю, как в село, в котором я вырос, привезли впервые радиоприемник. Это было в середине двадцатых годов. У сборни (так тогда звали помещение сельского Совета) поставили высокую антенну, в помещении установили

ящик. Все село собралось послушать и посмотреть «чудо». Старухи плелались, открещивались от «женской силы», молодежь поосторгалась, мы, мальчишки, заглядывали во все щели ящика, отыскивая спрятавшего в нем человека.

А как встречали первый трактор, первую автомашину! Какими героями для чувствовали себя первые трактористы и шоферы! Теперь же любая техническая новинка, даже большие научные открытия, никого не удивляет — настолько мы привыкли к стремительным, падающим несем мир темпам развития нашей страны. Порой мы, захваченные будничными делами, даже не замечаем, как далеко шагнул наш народ, как неизмеримо он вырос. И твой долг, писатель, ярко и образно показать наш рост, духовный рост советского человека, благотворную силу идей ленинизма, воплощаемых героическим трудом советских людей в реальную действительность.

Побеседуй с членами бригады коммунистического труда Лидии Бялясовой, узнай об их интересах, культурных запросах, об их отношении к произведениям литературы и искусства, и тебя поразят широта их кругозора, страстное стремление к знаниям, их горячее желание овладеть огромным богатством культурного наследия.

Зайди в университет культуры клуба меланжевого комбината, посмотри, кто сидит в зале слушает лекцию о творчестве Рембрандта или Глинки, Чехова или Горького. Ведь девять десятых слушателей — это радовые рабочие — ткачихи, прядильщицы, слесари, токари. При этом клубе работает самый лучший симфонический оркестр. Слушая чудесную музыку Чайковского или Верди, заметишь, что в оркестре играют и денник Рупь и зарядчица Шубина. Ты не раз видел выступления хореографического кружка этого клуба. Он исполнял подвечные пляски из оперы Бородинна «Князь Игорь», сцены из балета Чайковского и Глиэра. А знаешь ли ты, кто танцует на

сцене? Это ремонтница Нэлли Наумова, контролер Люба Смышляева, слесари Геннадий Зенин и Владимир Малков.

Зайди в институты, школы рабочей молодежи, техникумы — там учатся рабочие. Ударник коммунистического труда Григорий Тихомиров начал учебу во второй школе рабочей молодежи с четвертого класса и успешно окончил школу. Ныне Тихомиров пятый раз избран депутатом городского Совета.

Посмотри. Вот только что сошел с паровоза человек. Это Павел Никитович Староверов — лучший машинист депо, депутат краевого Совета депутатов трудящихся. Он идет домой, а там его уже ждет письмо с приглашением на заседание исполкома краевого Совета, где ему предстоит быть активным участником в решении вопросов дальнейшего развития сельского хозяйства, промышленности и культуры края.

Почтине богата наша советская земля замечательными людьми, которые, право же, достойны того, чтобы стать героями рассказов и очерков, романов и поэм. И твой долг, писатель, написать о них. Так напиши же страстно и убедительно, ярко и образно, раскрой характер нашего современника, творца новой жизни, подлинного героя наших дней. Не бойся возвеличить его, ибо «подлинное искусство всегда преувеличивает или преуменьшает» (Горький).

Но помни при этом, что право на жизнь имеет только такой художественный образ, который был бы глубоко типичным, характерным для нашего времени. Наш современник — это прежде всего член коллектива, органически связанный с ним. И, думается, что предметом внимания художника должен быть не герой-одиночка, а коллектив, создавший героя. Созданный писателем в своем произведении образ должен покорять читателя не только благородством чувств и мыслей, но и своей реальностью, достоверностью характера.

Писателю предоставлено право дополнять широкое знание действительности художественным домыслом, придавать произведению наиболее совершенную форму. Используя это право, писатель должен уметь, осмысливая явления сегодняшней жизни, смело и уверенно заглядывать в завтра, утверждать своим творчеством новое, передовое, вести вперед.

При этом не надо бояться, что тебя обвинят в преувеличениях и обмане, как обвинил в одной из своих статей древнегреческий ваятель писатель Солохон. Он сожалеет, что ни Леохар, ни Проксителъ не оставили образов, которые находятся «у границ в отпуску и у любви в отставке» (Пушкин). Он испугался идеализации. А вот Чернышевский не боялся ее и был за идеализацию, которая исключала бы из произведения искусства ненужные для полноты картины подробности, каковы бы ни были эти подробности.

Мы живем в замечательное время, когда наша страна вступила в период развернутого коммунистического строительства. В этих условиях становится очень важным формирование нового человека с чертами коммунистического характера. И художественной литературе, как мощному средству культурного воспитания масс, в деле формирования человека коммунистического общества принадлежит одно из ведущих мест.

Следовательно, призвание литературы и искусства состоит не в пассивном описательстве, созерцании нашей действительности, а в активном вмешательстве в жизнь, борьбе за утверждение нового, борьбе со всем тем, что еще подчас мешает нам, тормозит движение вперед.

В жизни, к сожалению, встречаются еще факты пренебрежения общественным долгом, расхищения социалистической собственности, бюрократизма, подхалимства, пьянства и других чуждых нашему строю явлений.

Обрушь, писатель, всю силу

своего обликающего слова, своего мастерства на посетелей пережитков прошлого, обнажай их подлинное лицо, беспощадно бичуй их.

Писать о современности — значит живо и оперативно обличаться на все важные события жизни. А подумай, не просмотрел ли ты, писатель, такое явление, имеющее огромное значение для будущей страны, как перестройку школы. Если бы ты вовремя, пристально взгляделся (кстати, сделать это, конечно, не поздно и сейчас) в глубокие, сложные процессы, происходящие в школе, ты бы увидел не только то, как учащиеся 9—11 классов осваивают новые профессии, не только их гордость, глубокую благодарность к старшим. Внимательно взглядываясь, ты не прошел бы мимо и того факта, что некоторые папаша и мамыша, стремящиеся уберечь своих Юрочек или Эмочек от «грязной» работы, успели «спрятать» свои чада в школы, работающие пока по старым учебным планам. Если надо, я назову тебе и фамилии этих людей, в сознании которых еще живучи менцапские взгляды.

Но вот еще одно явление нашей жизни. Тысячи бывших солдат и офицеров будут менять свои военные специальности на мирные. Вот майор Остащенко Петр Федорович. Он демобилизован в связи с сокращением вооруженных сил, проводившимся раньше. Офицер не посчитал «низким» для себя пойти на рядовую работу в заводе, потом на курсы. Он заново начал свой трудовой путь, имея уже большой жизненный опыт. Теперь он начальник цеха завода геофизической аппаратуры. А старший лейтенант Бевзов Анатолий Васильевич, демобилизовавшийся в 1953 году, поступил рабочим на рязановод. Без отрыва от производства окончил институт сельскохозяйственного машиностроения и теперь — инженер-технолог.

И эти примеры еще и еще раз подтверждают, что красота жизни — в людях наших! Так ут-

верждай же эту красоту, высокие помыслы советских людей в своих произведениях.

«Дело наших литераторов, — писал М. Горький, — трудное сложное дело. Оно не сводится только к критике старой действительности, к обличию, заразительности ее пороков. Их задача —

изучать, оформлять, изображать и, тем самым, утверждать новую действительность.»

Писатели «должны искать вдохновений и материалов в широком и бурном потоке труда, создающего новые формы жизни, им следует жить как можно ближе к творческой воле нашей эпохи».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

КОРОТКИЕ РЕЦЕНЗИИ

И. КАЗАНЦЕВ

ВЕРНАЯ ДОРОГА В ЖИЗНЬ

Передо мной небольшая книжка Н. М. Толубенко «Дорога в жизнь», выпущенная в 1959 году Горно-Алтайским издательством. В ней рассказывается о выпускниках средней школы села Кебезень Горно-Алтайской автономной области, которые решили всем классом пойти работать в Кокшенинский совхоз.

Это решение было принято не случайно. Выпускники хотели сохранить школьный коллектив и после окончания десятилетки, потому что видели в этом огромную силу. Поэтому недаром одна из девушек, отвечая на вопрос, куда пойти после школы, сказала: «По-моему, хоть куда, но только бы вместе, ведь недаром поется:

Вместе нам веселее,
Вместе мы вдвое сильнее,
Легче вдвое дело любое
Спорится у друзей.

Доброе дело десятиклассников не нашло поддержки у некоторых родителей. Мать одной из девушек заявила: «Ничего у вас не выйдет из этой затеи. Износите последние свои вещи да еще замуж походите, вот и вся затея». Но выпускники школы доказали, что они умеют преодолевать трудности, умеют крепко держать свое слово.

Девушки в совхозе работали доярками на животноводческой ферме. Ребята помогали механикам ремонтировать сельскохозяйственную технику, а осенью пошли учиться на курсы шоферов. Все, кто ушел работать в

совхоз, выдержали трудовой экзамен.

Вступление десятиклассников в трудовую жизнь Н. М. Толубенко показывает как радостное событие, которое можно сравнить с чудесной весной в горах голубого Алтая: «Несмотря на то, что стояла июль, сюда только что пришла весна. Словно сад, цветет черемуха. Тут же встречается кандык. На фоне зелени выделяются огоньки; недаром им дали такое название! Ярво-оранжевые, они словно огнем вспыхивают то там, то здесь среди цветов.

Как лотом все узнали, на белки весна приходит позднее.

— Девочки, а мы в этом году встречаем вторую весну, как в сказке. Не так ли? — проговорила Светлана...»

В утверждении правильно сделанного выбора жизненного пути выпускников средней школы, силы коллектива состоят достоинства книжки «Дорога в жизнь». Однако в ней имеются и недостатки.

Автор описывает преодоление трудностей обильно, абстрактно, не показывает это на конкретных примерах, лицах. Вот, например, как рассказывается о девушках, которые осваивали профессию доярки: «Впоследствии девушки не без удивления вспоминали дни, когда делали свои первые шаги в новой профессии. Первое время самая простая вещь — подонть корову и то не получалось у них. Молоко приходилось выдавли-

вать, оно лилось мимо ведра, соски высаскивали из рук. После первой дойки заметно устали с непривычки».

Рассказывая о жизни девушек, И. Голубенко допускает неясность. Вместе с подругами собралась ехать в совхоз Люся, которая говорила Тане: «Таня, скажи откровенно, что случилось. Дома не отпускают? Что ты молчишь? Значит так, не отпускают... Ну и пусть! Не горюй... В коллективе не пропадешь. В дорогу нечего будет взять, ну и не надо! На первую полочку будем покупать сообща самое необходимое...» Но в совхоз Таня поехала без Люси, ее «не оказалось дома». И далее автор пишет: «Мать ее сказала, что Люся еще вчера уехала на два месяца с братом работать в другое село... С неприятным осадком возвратилась Таня домой. Не может быть, чтобы Люся ее обманула. Неужели так нехорошо получилось!» И в дальнейшем автор не упоминает о Люсе ни единым словом. Так и осталось непонятным, что произошло с Люсей, почему она вдруг изменила свое решение и не поехала в совхоз вместе со своими подругами.

Автор попытался раскрыть положительную роль учителей в жизни десятиклассников, решающих поехать на работу в совхоз. Но это получилось у него не совсем удачно. На страницах книжки учитель иногда выглядит не воспитателем, зовущим на борьбу с трудностями, а пассивным человеком, не умеющим увлечь бывших школьников, постоянно оглядывающимся назад. Учителя почему-то то и дело предлагают детям подумать, не делают ли они опрометчивый шаг, не следует ли им пересмотреть свое решение и остаться. Вот, например, как директор школы заканчивает свою речь на комсомольском со-

брании: «...кто по каким-либо соображениям не может решиться со всеми ехать, передумал, надо сразу сказать. Лучше сейчас сказать и остаться, чем потом приехать, т. е. подросту сбежать с работы. У кого-нибудь, может быть, действительно уважительная причина не ехать — надо прямо встать и сказать». В таком же духе говорит и другой учитель, который сопровождал ребят до самого совхоза: «...кто чувствует, что не выдержит, пусть сразу же сейчас решает и едет обратно со мной».

Язык книжки неровен. Наряду с ярко написанными встречаются сухие страницы. Иногда попадаются просто неудачные, малограмотные фразы. Вот, например, как начинается первая глава «Десятиклассники»: «Как быстро летит время!.. Вот и девятый класс остался позади. Они уже превратились в семнадцатилетних девушек, а ребята уже стали совсем взрослыми». Читая эти строчки, сразу спотыкаешься: кто «они»? Десятиклассники? Но ведь среди них есть и ребята и девочки. В таком случае разве мальчики могут превратиться в семнадцатилетних девушек? И еще: «Постепенно песня видоизменяется, в текст ее добавляют новые слова, она растет и ширится, завоевывает все большую популярность в народе». Образно можно сказать о песне, что она «растет и ширится», но, конечно, не в таком смысле, не в таком контексте. Как песня может «расти и шириться», понять в этой фразе трудно. «Иван Павлович, улыбнувшись, вызывает следующую фамилию». Вызвать можно человека, но не фамилию, фамилию можно только назвать.

Этих недостатков могло бы не быть, если бы издательство предъявило к автору более высокие требования и оказало большую помощь.

ИНТЕРЕСНЫЕ НАХОДКИ

ВОЛНУЮЩИЕ ПИСЬМА

«Писать письма — вещь очень трудная и ответственная. Письма — зеркало души, отражение мыслей, чувств, настроений, переживаний (мимолетных и глубоких)... Письма должны быть искренними, нужными, как отдушны.»

Так писал любимый композитор советской молодежи Исаак Осипович Лунин в одном из своих дружеских посланий студенткам Барнаульского педагогического института Вере Анисовой и Лене Стрельниковой. Девушки обратились однажды в редакцию журнала «Советская музыка»

с вопросом: «Как понимать музыку?» Ответил им И. О. Дунаевский. Так завязалась между ними на несколько лет дружеская переписка.

В январе этого года, в день 60-летия со дня рождения И. О. Дунаевского, педагог В. Анисова и работник краевой библиотеки Е. Стрельникова рассказали о ней на страницах газеты «Молодежь Алтая».

«Он становился нам с каждым письмом все дороже и ближе, — пишет Е. Стрельникова и В. Анисова, — потому что это уже была не просто переписка, а дружба с человеком большого и горячего сердца. Мы задавали ему самые сокровенные вопросы, просили помочь разобраться в сложном себе, в окружающих людях. И Исаак Осипович помогал, советовал, учил жить, дружить и любить, учил быть настоящим человеком.»

Письма И. О. Дунаевского с разрешения их адресатов были напечатаны в «Молодежи Алтая» (№№ 22—27 1960 г.).

Мы перепечатываем сегодня эти письма в нашем альманахе. Некоторые из них приводятся в более полном виде, чем в газете.

Исаак Осипович пишет о любви и дружбе, воспитании характера и чувствах, об отношении к людям. Его письма и есть своего рода отдушины. Именно такие, искренние и нужные, о которых он сам говорит.

Многие юноши и девушки найдут в них ответ на свои вопросы, сомнения, мысли. Не нужно только воспринимать слова из писем, как учебные формулы. Они не рассчитаны на широкий круг читателей. Есть в них и спорные утверждения. Одно ясно: письма эти вызывают молодежь на большой, хороший разговор о тончайших, самых сложных движениях человеческой души, о самом дорогом, светлом и чистом.

О ВОСПИТАНИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ВКУСА

18 июля 1952 г.

Воспитание должно давать закуску будущих стремлений, мечтаний и даже страстей. Оно должно будить в человеке того «чертика» пытливости, любознательности, которые сами неизбежно будут толкать человека на непрерывное расширение его запросов, на совершенствование его личности, которое невозможно без познания культуры во всех ее проявлениях. Вы пишете: «... мы сами должны хорошо разбираться в музыке, понимать ее и умом, и душой». Если еще можно научиться понимать музыку умом, то научить понимать музыку душой никак нельзя. Понимать душой — значит понимать всеми чувствами, вибрирующими созвучно с чувствами, заложенными в самой музыке. Понимать чувством — значит откликаться на музыку теми ощущениями, образами, мыслями, думами, которые в Вас эта музыка будит. Этому учить нельзя. Этому учит сама душа человеческая, ее способность сопереживать вместе с композитором даже тогда, когда слушатель слышит в музыке не то, что слышит в своей музыке композитор. От степени богатства души слушателя, от умения «иллюстрировать» своей фантазией слышаемую музыку зависит и сила восприятия музыки...

Мы часто слушаем песню или романс и получаем наслаждение, если музыка сливается со словами, полностью их выражает, а вместе с этим и выражает образы и чувства, заложенные в словах. Мы остаемся в досадном неудовольствии, если между музыкой и текстом существует разноречие, если одно оказывается недостойным другого, если слушатель морщится, говоря: «Эх, не такую музыку надо было бы к этим словам»... Все это относится к музыкально-текстовым, т. е. вокальным произведениям. Несколько сложнее восприятие программных симфонических произведений. Композитор не может быть точным во всех деталях программы. Он музыкально выражает лишь главное в программе. Можно и не слышать в «Средней Азии» Бородина поступи верблюдов, когда в музыке

идут басовые ноты, строго ритмически чередующиеся. Но общая атмосфера произведения, его эпическая истома так хорошо чувствуются, восточная и русская темы так умно сплетаются на фоне этого зноя, что Вы верите композитору, что это именно картина Средней Азии... Изумительно точным в этом отношении является выражение в музыке программы произведения в гениальной «Сечи при Керженде» Римского-Корсакова... Здесь композитор достиг неповторимой выпуклости, яркости и, я бы сказал, философской иллюстративности образов сражения русских с татарами...

Совсем трудно обстоит дело с восприятием и пониманием непрограммной симфонической и камерной музыки... Здесь нет писаной программы, но здесь есть авторский замысел, имеющий свою сюжетную последовательность. Он выражен (замысел) только в звуках, в музыкальных темах в их развитии, последовательности, взаимосплетенной в различных формах отдельных частей этого замысла, составляющих одно целое...

Что же нужно все-таки, чтобы восприятие музыки подчинить организованным мыслям, эстетическим формам? Для этого нужно многое, начиная от вдумчивого слушания и кончая изучением музыки. Вдумчиво слушая музыку, нельзя не заметить, что в произведении имеется отличие тем, что темы помещаются в разных тональностях, что они развиваются, т. е. удаляются от своего основного, начального изложения, что они вступают в противоречия, в борьбу между собой, что победа остается за той, которую композитор показывает, как главную. Это есть форма произведения, его конструкция, зависящая от содержания, от замысла. Простейшая форма — это одностаянная, т. е. однотемная песня. В ней нет потому ни особенного развития, ни борьбы противоречий. Сложнейшая форма — это сонатная форма, в которой и пишется симфония или инструментальный концерт. Внимательно слушая музыку, заметите, что в одном и том же крупном произведении темы могут и должны повторяться в довольно строгой последовательности. Вы заметите, что существуют разные темы, разные ритмы. Они существуют для выражения мелодии в разных ее состояниях, т. е. для выражения разных чувств. Одним словом, в музыке нет ничего такого, что бы не служило задачам выражения чувств и идей. И форма, и размер такта, и тональность (строй), и темп, и ритм — все это не случайно берется, а в строгом соответствии с задачами, которые ставит перед собой композитор.

ВСЕ СВОЕ ТВОРЧЕСТВО Я ПОСВЯТИЛ МОЛОДЕЖИ

Старая Руза, Моск. обл. 25. I. 53.

Дорогие мои, славные, хорошие друзья!

Вот видите, я уже обращаюсь к вам с большим словом «друзья», и это действительно так, ибо это искренне. И еще потому я так обращаюсь к вам, что вы радуете меня своими письмами, своими мыслями и стремлениями, благородство и ясность которых я почувствовал с первых строк вашего первого письма. Вы не представляете себе, как это радостно, как это важно для меня... как художника, посвятившего все свое творчество молодежи. Именно вы и такие, как вы, вдохновляете меня на творчество... Вам и таким, как вы, я принадлежу безраздельно и как человек и гражданин, и как творец, и люблю вас огромной любовью большого и преданного друга.

После этого «лирического» вступления я хочу прежде всего извиниться перед вами за машинку и объяснить, почему я не пишу чернилами, т. е. своєю правою рукою (человеческий почерк всегда теплее печатного). Я нахожусь весь январь в доме творчества Союза композиторов, в Ста-

рой Рузе (100 км. от Москвы)... Здесь я беседую с собой, со своей музой, обдумываю всякие вещи и планы. Здесь я дышу невыносимой по красоте природой. Зима у нас пока мягкая, снегу много. Кругом волшебная картина... Но самое главное — тишина и покой, великолепно действующие на нервную систему и мысль. Не преувеличу, если скажу, что один день в Рузе по продуктивности равен 10 дням в Москве. И вот, занимаясь сейчас партитурами некоторых новых сочинений, я очень много пишу. Партитура — очень интересная по процессу работа, но очень «писабельная», поэтому рука очень утомляется. Вот почему я в таких случаях прибегаю к машинке, а мне не хочется задерживать свое желание поговорить с вами.

В вашем последнем письме вы спрашиваете, какие песни я написал в последнее время? Представляю вам полный отчет за 1952 год.

Шесть песенных номеров, сольных и хоровых для «Тихоокеанской» сюиты, посвященной 30-летию Тихоокеанского флота и написанной мной по просьбе командования Флотом. Сюита получилась удачной.

Далее следуют отдельные песни: 1) «Вечер вальса», 2) «Пионерская лагерная», 3) «Наш галстук».

Три песни из моей музыки к пьесе Симукова «Девушки-красавицы»: 1) «Лед идет», 2) «Песня молодежной бригады», 3) «Воспоминание».

Три песни из моей музыки к радиопередаче по рассказу С. Антонова «Первая должность»: 1) «Песенка о высоте», 2) «Шумят селые кедр», 3) «Московские огни».

Отдельно от этого всего — моя работа над клавиром «Золотой долины», которая продолжается и поныне.

Прошу отчет мой утвердить, так как вне зависимости от того, что вам может понравиться или не понравиться, все эти песни выполнены добросовестно, в чем могу вас заверить.

В вашем последнем письме вы спрашиваете, как создавались песни «Широка страна моя родная», «Лунный вальс» и выходной марш из «Цирка».

На такие вопросы обычно бывает трудно отвечать. Песня о Родине была создана сначала, как музыка, а Лебедев-Кумач подтекстовал ее в большей части. Сначала музыка возникла широко и распевно в медленном движении, а потом уж она модифицировалась в марш по требованию фильма. Первые контуры «Песни о Родине» были созданы летом 1934 г. на старой квартире у Орловой, а ныне полуразвалившемся домике на Гагаринском переулке в Москве, в то время, когда Орлова еще не была такой большой знаменитостью и жила с родителями в весьма скромной старинной московской квартире.

У Орловой (тоже старинного) сидел я, слева Александров, справа Лебедев-Кумач. Когда появилась мелодия, все ее запели сразу, мы орли, кричали, радовались удачной находке. Лебедев-Кумач тут же набросал первую строчку, которую подсказала ему музыка. Строчка начиналась так: хороша страна моя родная. А я ему сказал, что шпрота музыкального дыхания требует не «хороша», а «широка». На том все и порешили. Мы были молодыми, горячими. Мне было 34, Александрову — 31, Кумачу — 36. Чудесное время, чудесные годы. А теперь мне скоро 53, Александров на днях празднует свое пятидесятилетие, «Любочке» Орловой тоже... надуть (о женском возрасте не принято рассказывать), а моего чудесного Василия Ивановича, моего друга и верного творческого соратника, уже нет в живых... Проглочу маленькую предательскую спазму в горле и пойду дальше.

В картине «Цирк», как вам известно, по самому характеру сюжета и образу действующих лиц имеется много западно-европейской музыки... В те времена я ее сочинял и был в этом стиле довольно силен... Результатом этих моих умений и является «Лунный вальс» и «Выходной марш». «Лунный вальс» возник не сразу, а через несколько этапов всяких вариантов, сегодня нравившихся, а завтра отвергаемых с кислой улыбкой. Работали сообща, коллективно, Александров очень музыкален, превосход-

но играет на испанской гитаре, купленной им в Мексике. Кумач очень хорошо чувствовал дыхание музыки... Слова «Лунного вальса» были сочинены им после написания музыки.

Марш также не вытанцовывался. Я чувствовал и знал необходимость насыщения его драматическим содержанием, ибо наряду с обычной иллюстрацией помпезного циркового выхода знаменитой артистки, надо было этой музыкой выразить всю глубину ее переживаний, так сказать по Сташиславскому — подводный, подстрочный текст. Мне это удалось на славу. Темы марша в том виде, в каком вы их знаете, «ударили мне в голову» около знаменитого мозаичного храма «Спасителя на крови», стоящего и поныне в Ленинграде, на канале Грибоедова и воздвигнутого на месте убийства царя Александра 2-го.

Вот и все. Надеюсь, что мой рассказ вас удовлетворит, хотя он и пространный. Иначе не могу беседовать с вами...

Ваш И. Д.

Р. С. Так прикажете прислать кое-что из нового? Играете ли вы на чем-нибудь? Например, на рояле? Что вы скажете по поводу прочитанных брошюр? Что вы из них извлекли?...

ГОРДИТЬСЯ ТЕМ, ЧТО ПОЛЕЗЕН ЛЮДЯМ

(ИЗ ПИСЬМА В. АНИСОВОГО.)

Москва, 11 июля 1953 г.

Дорогая и милая Вера! Я как раз нахожусь сейчас в Москве, куда почти еженедельно выезжаю из своей летней творческой «резиденции» в Старой Рузе. (Именно в Старой Рузе и в прошлом году с Вами письменно познакомился.) И как раз пришло Ваше письмо, на которое хочется Вам ответить из Москвы, а не откладывать до Рузы, откуда я письма боюсь посылать, а жду какой-нибудь okazji в Москву.

О дружбе Вашей с Леной я напишу особо. А вот по поводу переписки нашей хочу сказать несколько слов. Я не согласен с Вами в вопросе об интересе, который вызывает нашу переписку. Конечно, можно допустить, что письма москвича могут быть более интересны, чем письма барнаульца «принципиала». Но разве у нас идет переписка, посвященная городским новостям и впечатлениям? Ведь мы начали наше знакомство с большого и важного вопроса, определяющего Ваши духовные и душевные *запросы*, характеризующего, кстати, и личность тех, кто на эти вопросы хочет получить ответ. При чем же тут Барнаул или Москва? Да и так уж ли мы отгадываем друг от друга, коль скоро Вы уже слышали по радио тех самых «Декабристов», которые я по радио же слушал из Рузы? Правда, я видел 2 редакции оперы на самой сцене Большого театра, но это не меняет существа дела.

...Что с того, что вы пишете «виднейшему композитору»? Вы боитесь, стесняетесь оказаться профанами, невеждами? Но кто же в данном случае может помочь вам покончить с недостаточностью знаний, с дефектами взглядов и воззрений в художественно-эстетических вопросах, как не «виднейший» автор, художник, сталкивающийся со всеми этими проблемами ежедневно, ежечасно, постоянно, во сне и на яву?

Вам, будущим педагогам, надо знать, как приятно педагогу видеть пытливость, заинтересованность, любознательность ученика. Как приятно человеку знающему отдавать накопленные знания и опыт тому, кто подлинно и горячо интересуется этими знаниями! Я вспоминаю свои гимназические годы и нашего инспектора гимназии Анатолия Хрисифовича. Это была ходячая энциклопедия, это был человек огромной эрудиции, но он не преподавал сам в силу каких-то личных свойств или обстоятельств, а был инспектором, т. е. наблюдающим за нашим поведением и нравственностью в гимназии. Когда к нему подходил ученик и спрашивал, к примеру, как будет сослагательное наклонение..., то он (инспектор) весь преобладался, вытягивался во весь свой и без того большой рост и гордо, ни

на секунду не задумываясь, громко и чеканно отвечал ученику. Именно *сразу!* Гордился и своими знаниями, и тем, что может быть *полезен* людям. И это глубоко по-человечески понятно. Так и мне было приятно, когда вы обе спросили у меня о том, как научиться понимать музыку. Вопрос широкий, большой, не совсем уложке поставленный, но вызвавший у меня чувство необычайной теплоты к вам. Я вас представлял хорошими, большими советскими девушками, которые пылливо, заботливо собирают отовсюду, где только можно, зерна, кирпичики того большого и светлого здания, которое именуется внутренним миром человека. И я вас полюбил, вы мне стали близкими, милыми. Конечно, я отвечал вам так, чтобы нигде не затронуть вашего собственного, ни где не навязать вам ничего спорного, представить вам широту охватов и чувствований, какие любви вам.

Развили ли вы это начало?.. Увы, нет или почти нет! Вам некогда? Охотно верю. Но среди любых дел и занятий никогда не остывает человеческая душа и ее потребности. И никогда не умолкает голос дружбы, если она составляет вам глубокий интерес. Я это знаю на сотнях примеров личных встреч и переписки.

Мне ведь тоже некогда...

Писать письма — вещь очень трудная и ответственная. Письма — зеркало души, отражение мыслей, чувств, настроений, пережитых (мимолетных и глубоких). В письмах не видишь глаз, не слышишь интонации речи. Поэтому письма, строчки должны полностью заменять это все так, чтобы не могло быть неясностей, недосказаний и т. д. Но прежде всего письма должны быть искренними, нужными, как отдушны. И этому искусству тоже надо учиться, ибо это тоже один из путей самовоспитания.

...Вы меня извините за придирчивость. Но, мне кажется, лучше так, чем иначе. И если вы обе хотите дружбы и знакомства со мной, то пусть путь к этому будет расчищен от всяких недомолвок и взаимного непонимания.

Очень горячо вас обеих приветствую и желаю хорошо отдохнуть.

Ваш И. Д.

Пишите!..

ТЕРПЕЛИВО СОБИРАЙТЕ КРУПИЦЫ ЗНАНИЙ, ВПЕЧАТЛЕНИЙ, НАБЛЮДЕНИЙ

(ИЗ ПИСЬМА Е. СТРЕЛЬНИКОВОЙ.)

Старая Руза, 28 июля 1953 г.

...Вы ищете правильного пути в отношениях к людям и с людьми. Вас мучает неуверенность в правильности Ваших отношений к людям, в целесообразности и нужности тех требований, которые Вы предъявляете к людям, как основе вашей дружбы с людьми и, очевидно, уважения к ним. Ничего нет удивительного в том, что Вы еще не смогли выработать этого нужного постоянного критерия. Это дело нелегкое. Я постараюсь Вам ответить на то ГЛАВНОЕ, что Вы ищете, исходя из моего жизненного опыта и из тех взглядов, которые я исповедую.

Общество состоит из людей, среди которых нет двух человек совершенно и абсолютно одинаковых. Что-то их разнит, различает даже при очень больших других сходствах. Предполагается, что человек, входящий в общество, т. е. человек, уже обладающий известным сознанием, должен иметь некоторый запас собственных взглядов (пусть не всегда правильных) впечатлений от виденного,думанного, прочитанного, привитого воспитанием и средой. Этот человек может иметь какие угодно собственные представления о всех без исключения понятиях и явлениях жизни,

но должен обладать при этом элементарным чувством осторожности. Эта осторожность состоит в том, чтобы приучить себя думать, что не во всем ты можешь быть правым, что не все люди думают и чувствуют, как ты, и что поэтому твоя задача заключается в терпеливом присматривании к людским достоинствам и недостаткам, а не в желании обязательно видеть всех по своему подобию. В обществе и в отношениях к людям нельзя стоять в позе гордого одиночества и «непонятности», а надо соединяться, сливаться с обществом, неся в него то лучшее, что ты считаешь существующим в тебе. Жизнь человека, т. е. его деятельность и общение с людьми, состоит из тысяч процессов столкновений, слияний, расхождений, смыканий и т. д. Это настолько понятно, что жить следует с максимумом доверия к самой жизни, к людям и к проявлениям их качеств. То, что кажется человеку страшным (например, обида, разочарование, сомнение), на самом деле является нормальным процессом развития и становления того самого пути к людям, который Вы ищите и пока еще не нашли просто потому, что находитесь в этом самом процессе сталкивания, отталкивания и проч.

Вы сами иронизируете над своим делением людей на положительных и отрицательных. На людях, как Вы справедливо видите, нет дощечек с такими определениями. Человек сложнее и труднее, чем просто положительный и просто отрицательный. И потом возникает вопрос, что есть положительное и что есть отрицательное? И почему Вы думаете, что именно Вы можете быть судьей в этих вопросах. А сами Вы? Убедились ли Вы в том, что Вы есть положительный тип и что поэтому Вы имеете право осуждать то, что Вам кажется отрицательным? Я считаю отрицательными чертами в человеке те черты, которые мешают обществу, вредят его здоровому развитию, делают объективно невозможным пахождение такого человека в обществе на равных правах с другими. Важно еще, какими чертами человек поворачивается к обществу. Есть такие отрицательные черты, которые являются совершенно личным и частным делом человека. Не надо забывать, что в человеке объективные положительные свойства могут превращаться в недостатки. Например, бережливость и расчетливость качества не плохие, а неумеренность этих качеств приводит к скупости и скардности, т. е. к качествам плохим. Есть молодые люди, которые часто увлекаются, часто меняют предметы своей влюбленности. В определенном возрасте и в определенных формах подобная влюбчивость и увлекаемость не представляет ничего отрицательного. Но если человек не удерживается на норме, начинает разбазаривать свои серьезные чувства, не ценит их своих, но чужих чувств, относится пренебрежительно к своему телу, т. е. к вопросам физической близости, то такой человек становится отрицательным, вредным. Все это и многое другое нужно иметь в виду в человеческих отношениях. Насчет дружбы я уже писал Вам, и мне поэтому интересно проверить свои высказывания на том примере из Ваших отношений с Верой, о котором Вы пишете.

Главный вопрос, на который нужно ответить: вела ли себя Вера правильно, тактично, дружески в отношении Вас после того, как она успешно сдала экзамен, а Вы неудачно?

Во всей оценке, которую Вы даете поведению Веры чувствуется *нертерпчивости*, желание, чтобы все чувствовали то, что чувствовали Вы. Улыбку радости по поводу успешного экзамена Вы называете улыбкой самодовольства. Так ли это? Или Вам показалось это? Почему Вера не имела права открыто радоваться своей удаче и рассказывать товарищам об этом? Только потому, что Вы сдали экзамен на тройку? Почему Вы не подошли к Вере и не порадовались вместе с ней, не поздравили ее, а стояли одна с мрачными мыслями и с чувством холода к Вере? Мало того, Вы пишете: «с этой минуты между нами уже ничего не было». Так сразу? Так скоро? Но несмотря на все исхоронные чувства к Вере, Вы пошли с ней вместе домой.

Тут у Вас возникает новый упрек Вере: почему она Вам не сказала

ия слова по поводу вашей тройки. А почему она должна была говорить? Ведь можно к этому подходить двояко: можно разговаривать об этом, т. е. о беде, неудаче товарища, а можно *молча переживать эту неудачу*. И я, право, не знаю, что лучше и тактичнее. Я вижу, что мой товарищ тяжело переживает свою неудачу, и мне незачем своими словами сочувствия лезть к нему в душу и бередить то, что у него так еще свежо. Вера не могла скрыть свое торжество? Но, может быть, это уже все только казалось Вам? И, может быть, опять же была только радость удачи, которую Вы приняли за торжество над Вами? А? Я не знаю Веры, не знаю Вас. Не знаю Ваших характеров и проявления положительных и отрицательных черт в вас. Но так вот со стороны, как Вы мне рассказали, я не вижу никакого подтверждения вашим опущениям и мыслям. Далее у Вас идет весьма странное противоречие. Вы в *протестующем, пренебрежительном* чувстве (азорно!) приходите к Вере на следующее утро. (Зачем Вы пришли, коли чувствовали к ней столько плохого и враждебного?) Вера договорилась с Вами о тройке, т. е. сделала то, чего Вы от нее ждали накануне. И вдруг, оказывается, что она лила вам «валериановые капли», в которых Вы не нуждаетесь. Так чего же Вы хотели и хотите от подруги? Вы обвиняете ее в том, что она свое «ликование» поставила накануне выше вашей неудачи. Допустим, что этого можно было и не делать, т. е. не ликовать при Вас и не раздражать Вас. Тут я могу в известной мере согласиться с Вами. Но ведь Вы пишете, что Вы не настолько слабы, а значит Вы не нуждаетесь в церемониях и условностях всяких моральных пластырей. Человек радовался себе, своей удаче, ну и пусть! И эту человеческую «слабость» нужно *простить*. Тут Вера не возбуждает моего порицания.

Но вот последняя часть Вашего письма заставляет меня насторожиться, ибо речь идет не о фактах, которые можно понимать так или иначе, а о личности во всем, так сказать, ее нравственном профиле.

Беспристрастность глаз, холодность души, пустота слов в человеке, которого называешь, хочешь считать своим другом? Нет! Это *не друг!* Тут Вы полностью правы. Вы требуете нормального простого проявления дружбы. Оно в горячности, страстности, преданности, умении прислушаться кнутри и постичь его в любых, самых капризных проявлениях. Вера не умсет и не имеет этого? Вера не может удовлетворить Вас? Значит, она Вам не может быть другом. Только не рассердитесь на меня, если я Вам скажу, что Вы напрасно так переживаете это. Это ведь именно тот процесс, о котором я Вам выше говорил. Вера не виновата в том, что она не подходит к Вам. Вы не слились с лею в единое гармоническое целое (с диссонансами и консонансами). Вы должны идти дальше в поисках того, что Вас греет. То, что Вас может соединять с Верой, можно назвать приятельством, которое тоже может быть ценным и нужным. На почве этого приятельства Вы и должны оставаться, пока новый человек не покроет всех Ваших желаний и требований. Надо только, чтобы эти требования были правильными, проверенными на своих чувствах. Вера, видимо, обладает хорошими интеллектуальными качествами, которые Вас привлекают к лею. Ну, что же? Набирайте соков в свою душу по капельке там, где они есть. Берите от каждого человека то хорошее, что он может Вам дать. Старайтесь оберегать себя от плохого, не возбуждайте его в людях, не провоцируйте их на проявление их отрицательных черт.

Действуйте так, как покупатель в магазине: в москательную лавку не ходите за музыкальным инструментом, а в музыкальном магазине не идитесь приобрести домашние туфли. Пчелы умнее людей: они никогда не ползут в цветок, который не дает меда. А мы должны походить на пчел: терпеливо собирать крупицы знаний, впечатлений, наблюдений, чтобы обогащать свою душу и разум.

По всему чувствую, что Вы человек хороший, пытливый, идущий, чувствующий и требовательный. Это хорошо. Только пишите мне больше

о себе. Будьте всегда откровенны до конца и знайте, что я этим не злоупотреблю. Попались Вы мне «в руки», так не пейяйте.

Только вот что я Вам скажу: не согласен я с Вами, когда Вы пишете, что у Вас есть другие друзья. Друзей во множественном числе быть не может. Есть один друг. А с людьми можно вообще быть в хороших отношениях, можно радоваться им, можно увлекаться их достоинствами, умом, способностями, веселостью, ловкостью. И все-таки среди всех выбираешь одного... (увы, не всегда лучшего, но об этом узнаешь потом), которому отдаешь святые чувства подлинной дружбы и преданности.

ДРУЖБА — БОЛЬШОЕ, СЛОЖНОЕ И ТРУДНОЕ ДЕЛО

Старая Руза, 19 авг. 1953 г.

Милая Верочка! Я с удовольствием и большим интересом прочитал Ваше письмо — честное, прямое, открытое. Мне останется ясной та взаимная неудовлетворенность отношениями, которая мешает дружбе Вашей с Леной. Мне трудно, да и вряд ли следует высказывать свое отношение к каждой из вас в отдельности, а тем более становиться на чью-либо сторону, одну осуждать, а другую оправдывать. Обе вы — хорошие и интуитивные девушки, обе вы прямо и откровенно высказали свои чувства и мысли. Наверное, кто-то из вас обеих лучше другой, умнее, чутче, требовательнее. Поэтому я больше не смею вмешиваться в этот сложный вопрос, но хочу выразить некоторые свои общие мысли по этому поводу.

Верочка! Конечно, Вы правы, когда пишете, что то, что я характеризую как тесные, дружеские отношения людей, не есть только дружба, но и любовь. А я вообще не понимаю, как можно брать дружбу и не любить друг друга. Это бывает только в разнополюх отношениях (между мужчиной и женщиной). Там любовь может состоять из страсти и привязанности (влечения) чисто физического свойства, но не заключать в себе полного слияния и влечения душ, свойственных дружбе. Часто такая любовь рассыпается, как только ослабевает страсть, а иногда она остается, довольствуясь привычкой, привязанностью, завистью, необходимостью и т. д.

Дружба же между однополыми людьми обязательно предполагает любовь. Я дружу с человеком, значит, я люблю его. Эта любовь во многих отношениях выше разнополюх любви, так как она свободнее, она не скована условиями и скоропреходящими обстоятельствами, свойственными отношениям между мужчиной и женщиной. Любовь и дружба основывается на крепком учете свойств и качеств человека, а не физической единицы. А свойства человека — есть гораздо более постоянная величина, чем его физические данные. Поэтому, если для любви разнополюх достаточно бывает влечения тела, удовлетворенности физической, то для любви и дружбы однополюх необходимо очень много данных душевного, индивидуального, интеллектуального характера. Вот почему дружба есть большое, сложное и трудное дело. Оно усложняется еще и тем, что, кроме наличия удовлетворяющих свойств человека, необходимо еще умение дружить, как вообще необходимо человеку умение творить отношения. Вот я и уверен, что и у Вас, и у Лены, этого умения относиться друг к другу слишком оказалось мало. Это придет с годами, с опытом жизни. Вы обе пока еще слишком рвете, дергаете, чертите отношения резкими линиями, спотыкаетесь об острые углы своих характеров и вкусов, не умеете накладывать переходных тонов и красок. Дружба же требует часто саморастворения в другом, самоограничения, самоотречения (я вовсе не имею в виду никакой героики). Часто нужно уметь заставлять человека поворачиваться к тебе именно той стороной, которая тебе нужна. Часто нужно

не замечать отрицательных проявлений и этим пренебрежением убивать их, не давать им жить и разрастаться. Совсем не значит, что быть другом, значит, обязательно тыкать его мордой в каждый плохой поступок, в каждое плохое проявление. Наоборот, надо учитывать, что такое отношение бывает часто плохим, дидактическим. Оно обижает, раздражает, так как здесь нет видимого превосходства одного индивидуума над другим.

И. Д.

БЫТЬ ВСАСЫВАЮЩЕЙ ГУБКОЙ

(ИЗ ПИСЬМА Е. СТРЕЛЬНИКОВОЙ.)

Москва, 24. X. 1953 г.

...Я не судья ни Вам, ни Вере и не хочу брать на себя этой роли. Вы сами обратились ко мне с «проблемными» вопросами, и я честно высказал свое мнение. Вот и все. Будем переписываться по любым поводам, Вас интересующим. И знайте, что я всегда высказываю СВОЕ мнение, не прибегая ни к цитатам, ни к надуманным соображениям. Я знаю жизнь и людей, сам много прожил и пережил. Но мое мнение есть только МОЕ. Можете с ним не соглашаться и жить и мыслить по-своему. Мне думается, что множество противоречий в Ваших взглядах на дружбу не свидетельствует о твердости Ваших взглядов и что, пожалуй, Вам следует чутье прислушиваться к иным взглядам и быть самокритичнее. Вы скоро будете вести за собой молодежь, воспитывать ее, учить ее этическим и эстетическим нормам. Поэтому Вы сами должны быть более податливой и более всасывающей губкой...

И. Д.

ЗА ЧЕСТЬ ДУШЕВНУЮ!

Москва, 10. II. 1954 г.

Дорогая Лена! Я не забыл Вас, а просто был очень занят, дважды болел, трижды уезжал в Ленинград и очень занял всю свою переписку вообще и не знаю, как и когда удастся справиться со всей массой полученных писем.

Я очень рад, что мои письма нужны Вам и что от общения со мной Вы изменили свой, безусловно, неверный взгляд на людей и, следовательно, на Ваше отношение к ним. Люди и наше отношение к ним — это ведь и есть философия жизни, свободная от всяких абстракций и создающая предельно конкретные формы поведения, а за ним и чувства и ощущений. То обстоятельство, что Вы постепенно усваиваете людей как реально существующий фактор, а не как плод воображения, то обстоятельство, что Вы научились и их замечать и видеть те черты, которые у них в самом деле имеются, а не те, которыми их наделяет Ваше воображение, — свидетельствует о постепенном Вашем овладении этой самой мудрой философией жизни.

Но, милая Лена, и без воображения, т. е. без фантазий, грез, мечтаний человек не может жить и действовать. Надо стараться только, чтобы воображение не подменяло ни разума, ни чувства. Иначе человек будет жить в мире созданных им самим абстракций.

Вот тут мы и подойдем к вопросу о любви. Вы ко мне обращаетесь

так, как будто я патриарх в любовных делах и все знаю в этой таинственной области, глубоко разнообразной, подчас не поддающейся никакому человеческому предвидению, а, тем более, какому-нибудь теоретическому анализу. Я — есть человек, простой человек, любивший и любящий, страдавший и страдающий, грешивший и грешащий. И я потому отвечаю на Ваши вопросы, что мое «преимущество» в возрасте и мой жизненный опыт дает мне на это некоторые (и только некоторые) основания.

Что такое любовь? Любовь — это энергия некоторой суммы чувств, рождаемых внутренним душевным миром человека и переносимых на другой человеческий индивидуум, эти чувства возбуждавший. Отсюда следует, а) что любовь — это творчество душевных и духовных ценностей и б) что любовь вполне конкретна, т. е. направлена не вообще в пространство, а в точный адрес... (Заметим, что я касаясь здесь только любви романтической, т. е. той, которая вызывает физическое желание обладания любимым человеком, т. е. о той любви, на основе которой, как Вы пишете, образуются семьи.)

Условимся с Вами, что на ваш вопрос: «почему люди играют в любовь», я не буду отвечать. *Заведомо* играют в любовь только пошляки и низкие люди, а разговор идет не о них и не об их «чувствах». Но бывает так, что кажущиеся серьезными чувства быстро проходят и производят впечатление несерьезной игры. Это совсем другое дело, и короткая жизнь чувства вовсе не означает слабости и несерьезности чувства. Можно любить долго и скучно, а бывает, что короткое, подчас мимолетное чувство потрясает до глубины души. Это не значит, что короткое чувство есть несерьезная игра. Это не значит, в свою очередь, что человек должен менять долгие чувства и привязанности на серию «любовных ударов» пусть даже высокой силы и глубины. Стремится человек должен к прочному, большому чувству, где любовь переплетается с дружбой, доверием, общностью интересов и взглядов. Но так как вся жизнь есть путь поисков, пытливости, увлечений и разочарований, то человек не должен пренебрегать ничем, что его совершенствует, учит, воспитывает. *Даже плахи!* Откуда мы знаем, что возникшее у нас чувство сулит нам счастье удовлетворения? Откуда мы это знаем, если нам кажется, даже если мы уверены, что все для счастья имеется? Мы этого знать не можем. И часто счастье проходит мимо нас, а мы его не замечаем. И так же часто мы верим в счастье, где его не будет и не может быть. Самое главное в этой таинственности, окружающей рождение и смерть любви, — это устранение всякого ханжества, всякого догматизма. Нет чувства более противоречивого и диалектического, чем любовь. Да если мы еще учтем, что не все есть любовь, что мы думаем про чувство и что мы называем любовью, то вся сложность проблемы встанет во всю свою величину. Уверены ли Вы, что то чувство, о котором Вы рассказали в письме, было любовью? Я, например, совсем не уверен. А если это даже и так, то существовавшее между вами расстояние tanto в самом корне своем гарантию смерти чувства. Разлука и расстояние не убивают только любви зрелой, прочно устоявшейся, свободной от соблазнов крови и возраста. Была ли между вами такая любовь? Нет! Ну, и что? Какие выводы Вам надлежит делать? Всякие, кроме разочарования и пессимизма. Будьте благодарны судьбе, если в этой закончившейся «любви» вы хоть временно дышали воздухом своего чувства, своих переживаний. Это великое дело — чувствовать и переживать! Уверяют, что нет любви? Кто это уверяет? Чепуха! Вы сами хорошо пишете, что ощущаешь, когда любишь. Но самое главное — знать, что именно любишь, а не что-нибудь другое, кажущееся любовью. Ведь увлечение, физическое плечение тоже приводит в движение весь механизм души. Тут нельзя ошибаться. Поэтому, правильно говоря о том, что за чистоту и сохранность любви надо бороться, чтобы сберечь ее. Вы должны думать и о том, что беречь, что сохранять... Иногда нас посещают очень славные, теплые чувства. Они протчнутся, стечются немного грустно, но... не очень жалко. Бороться надо за огромное, за подлинное, в чем ты чувствуешь, что заложена вся жизнь твоя. Бороться надо

за честь душевную против ее опоганения! А что значит «бороться, чтобы сберечь чувство»? Оно должно жить, расцветать! А если бороться за его сохранность, то это значит, что этому чувству угрожают какие-то осознанные угрозы. В чем они? В характерах? Воспитывать их, воспитывать *осторожно*, не навязчиво, *силой любви и обоюдно!* В соблазнах? Воспитывать честь человека, честь его чувства, *осторожно, силой любви!* То есть бороться не просто за чувство (борьба не помогает, если чувство исчезает), а за расчистку почвы от сорняков, за создание условий для безмятежного цветения чувства! Вот Вы сами пишете: «Я любила *бездумно, просто* любила и все!» Это ужасно! Вы просто не любили! Бездумно нельзя любить! И зачем Вы повторяете пошлости, что девушки не должны говорить о своей любви?

Что касается того, что именно девушки должны учить юношей беречь любовь, то тут бабушка сказала правое. Вы уж слишком возвеличиваете свой пол. И юноши могут учить девушек. Я уже сказал, что это процесс *осторожный и обоюдный.*

Вот и все пока. О другом сейчас нет времени писать. Извините, что письмо мое немного менторское. Не хотелось приводить примеры.

Будьте здоровы и радостны.

Привет Вере.

И. Д.

БОРОТЬСЯ СО СЛАБОСТЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ

(ИЗ ПИСЬМА Е. СТРЕЛЬНИКОВОЙ.)

Москва, 23. VIII. 1954 г.

Бог знает, сколько времени мы с Вами не разговаривали. И я вовсе не считаю себя виновным в таком длительном перерыве нашей переписки. Несколько раз, встречаясь с Вашими прежними письмами, намеревался Вам писать, но не был уверен, что Вы сидите летом на месте. Кроме того, Алтай сделался самым выразительным и многозначным символом нашего патриотизма. И я думал, что и Вас могла захватить «целинная горячка», и Вы где-то в Кулунде директорствуете в каком-нибудь учебном заведении. Но Вы оказались в Бийске, и я очень благодарен Вам, что Вы написали мне. Я очень рад также и тому, что Вы постепенно пришли к моей правоте в вопросе «как жить с людьми и среди людей». Но, ради бога, не подумайте, что учу Вас избегать острых углов и многое прощать людям, я учу Вас беспринципности, обтекаемости, соглашательству. Нет и тысячу раз нет!

Нельзя прощать зла, подлости, низости. Надо бороться и со слабостями человеческими, но бороться умеючи, чутко, ласково, постепенно подтягивая человека к тому пути, который ты *наверняка* считаешь правильным. Вашей ошибкой была не столько сама Ваша непримиримость как таковая, сколько отсутствие *объективной* уверенности в том, что именно Вы правы, а не другой человек, которого Вы резко критикуете.

Истина находится в той губке, о которой Вы пишете и которая должна впитывать все хорошее, что Вы можете найти в людях и что люди могут Вам дать. Для этого надо обладать хорошей пытливостью, любознательностью, уметь собирать в себе и откладывать эти крупинцы хорошего. Так образуется хорошее отношение к людям, к жизни, к себе, к своему внутреннему миру.

Вы — педагог, воспитатель молодежи. Это особенно важно, так как чем богаче ваш личный внутренний мир, тем больше Вы сможете дать тем мальчикам и девочкам, которых Вы обязаны воспитывать широко и краснор.

Это письмо так же коротко, так как мне хотелось только откликнуться, чтоб Вы знали, что я жив, здоров, много работаю, и чтоб Вы знали, что я охотно буду переписываться с Вами, помогая Вам во всем том, в чем я могу быть Вам полезен...

Искренне Вас приветствую и желаю Вам всяческих успехов на Вашем высоком поприще.

И. Д.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ЮМОР

В. ПОПОВ

РЫБАЦКИЕ РАССКАЗЫ

МЕСТЬ

Мы каждую субботу шли к нему, делали вид, что нас веселят его издевательские шутки, и наперебой говорили льстивые слова. Мы все сносили потому, что он, Михаил Бортников, был владельцем Нюрки — потрепанной, узколобой «Победы» — и без его помощи мы не могли добраться до своих заветных рыбацких мест.

Едва мы субботним полуднем униженно появлялись на его дворе, Михаил поворачивался к нам спиной. Он шумливо доказывал, что машина служит больше нам, чем ему, что скаты трутся несудом и вообще он разорится на одном бензине. Мы спешили заявить, что бензин — наш. Вадим даже уверял, что специально купил две двадцатилитровые канистры и что Михаилу теперь не надо засажать на бензозаправку.

— Ну, хорошо, бензин. А скаты? А общая амортизация?

Насчет скатов и общей амортизации мы были бессильны. Минуту Михаил упивался нашим унижением, а потом ехидно спрашивал:

— Опять, небось, на Крючное, на уху у соседей занимать?

В нашей рыбацкой биографии был такой позорный факт. Мы трое — Вадим, Олег и я — за весь вечер поймали только пару окунишек и одну красноперку. Пришлось идти на поклон к соседям, кстате, нашим злейшим недругам — сетевикам.

Случилось это, правда, в прошлом году, но мы не спорили с Михаилом. Мы молча сносили позор и тоскливо переступали с ноги на ногу.

Михаил поднимал капот, ворчал что-то насчет фильтров и уровня масла. Мы подходили поближе и закуривали. Ветер нес папиросный дым в сторону Нюрки. Михаил начинал нервно пощипывать, потом круто поворачивался к нам и взрывался:

— Ерунда... для вас все ерунда. А пожар? Здесь кругом бензин. Понимаете вы: бензин! Это не ваши чернила. В плакатах для детей и то пишут: «Осторожней с огнем».

На крик о соблюдении противопожарных правил Миша тратил весь свой запал. Мы знали это и терпели. Покоренный нашим смиренным, Миша удовлетворенно замолкал, а потом сердито спрашивал:

— За кем первым заезжать?

Вскоре Нюрка принимала в свой пропыленный багажник рюкзаки, резиновую лодку, палатку, снасти и Миша выводил машину на загородный тракт.

Я до сих пор не знаю, что заставляло Мишу возить нас на рыбалку. Пока мы хлестали озеро спиннингами или увядающими глазами ели перьяные поплавки, на которых умиротворенно покачивались целлофановые синие стрекозы, он либо читал, либо копался в Нюркиных внутренностях. Он никогда не взял в руки удилица, ни разу не переночевал с нами в палатке, нещадно издевался над нашей висюльчатой резиновой лодкой.

Даже при отменном клеве, когда обнаглевшие шуки таскали сугущек не только с жерлиц, но и с самих живичных удочек, а бесчинствующие окуни поднимали в куге невероятную возню, даже и тогда Миша не брал в руки удилица. Он безучастно принимал от нас четвертую часть улова, складывал ее в сумку и садился за руль. Дорогой, когда мы тонкими от возбуждения голосами бахвалились своими успехами, он вдруг спрашивал:

— Олег, ты в своем очерке с радиозавода написал, как слесарь с мастером разговаривали. Ты слышал, что ли?

— Не слышал.

— Загнул, значит?

Мы моментально сникали и скучными голосами доказывали Мише о необходимости художественного домысла. Он слушал, кивал головой и непонятно было, согласен он с нами или нет. Порой мне казалось, что он не уважал в нас ни газетчиков, ни рыбаков.

В то же время мне однажды пришлось услышать, как жена требовала от Миши разъяснений, почему он в минувшее воскресенье повез на рыбалку «этих дармоедов», а не съездил в деревню за дешевым мясом. Миша сопел и пытался говорить, что мясо — ерунда. После этого поднялся очень сильный шум, и я, не заходя в комнаты, ушел. Одно воскресенье мы пропустили. Потом все возобновилось.

Может быть, Мише нравилось изводить нас, когда мы возвращались без улова? Но такое случалось редко, и вряд ли кто будет самоотвержен из-за сомнительного удовольствия пройтись насчет чужой псевдачи. Видимо, Мишино к нам отношение лежало за пределами доступных нам объяснений, а сам он никогда не говорил о мотивах. Да мы и не допытывались. В наших глазах Миша был просто-напросто чудесным, верным товарищем.

Я уже говорил, что Миша пазводил нас насмешками. Для них находился любой повод. Особенно он был велик, конечно, на бесклевье. И, забегая вперед, скажу, что за это Миша жестоко поплатился. Да, наступил момент, когда мы отыгрались за все!

В тот сплавленный из голубого хрусталя день клева не было. Разморенные жарой, мы в тени серебристо-махровых тополей сотовали друг на друга за то, что забыли ренудин, едучее, по верное противокмаринное средство. Миша заученно и нехотя прохаживался на наш счет и утверждал, что мы пролеживаем самое рыбное время. Олег протянул ему спиннинг:

— Иди, пометай.

И Миша пошел. Он осторожно, двумя руками, нес удильщике и с опаской поглядывал на искрящуюся гранями блесну. Мы следили за ним с любопытством. Разбрызгивая погами фонтанчики кузнечиков. Миша подошел к берегу и широко взмахнул удильщиком. Блесна взмыла и с шлепающим плеском упала в кугу. Миша оглянулся, но мы, разумеется, не обращали на него внимания. Тогда Миша присел на корточки, и до нас донеслось его недовольное бормотанье:

— Ерунда... подумаешь, рыбачишки...

— Что там, Миша, бородака? — невинно спросил Олег.

Миша, раздергивая леску, молчал. Я взял спиннинг и пошел на яму. Там с двенадцатиметровой глубины иногда даже в жару брали крупные окупи. На полпути я вдруг услышал яростный животный крик:

— Олег, подсачек! Подсачек тащи!

Подсачек просили не у меня, но я не выдержал и помчался на крик: по рассказам я знал, что в Крючном лавливали полупудовых щук. Взбежав на бугор, я увидел Мишу. Прижимая к груди двухсотграммового окуня, он повапливал и отплясывал на зависть папуасам. Олег стоял рядом, размахивал руками и что-то говорил. Миша боком подошел к садку и бережно сунул в него окуня. Потом он опять взялся за спиннинг. Олег потянул снасть к себе. Миша не отдал.

— Олег, — лениво крикнул Вадим, — чего ты. Миша, возьми мой спиннинг.

Вадимова катушка была с автотормозом. Первый же заброс у Миши вышел удачным. Несколько поворотов катушки, и снова животный вопль:

— Ага, сяла!

Теперь Миша не просил у Олега подсачек. Он торопливо крутил катушку и сутулится от нетерпения. Мы все трое бросились к нему одновременно, но Миша ни от кого не захотел принять помощи. Он волок двухкилограммовую щуку напролом через осоку, а едва она оказалась на берегу, бросился на нее животом. Потом он поднял на нас бессмысленные от торжества глаза и счастливым голосом сказал, как припечатал:

— Рыбачишки!

Когда он тащил тройник из щукиной пасти, высокорослый Олег, которому в тот раз особенно не везло, согнувшись над Мишей пополам, нудно и завистливо скулил:

— Ну кто, кто так снимает рыбу с крючка...

Когда мы ехали домой, Миша взахлеб рассказывал, как «она туда», а он ее — обратно. При этом он, разгорячась, снимал руки с руля, и Нюрка поровисто взбрыкивала потрепанным задом.

Близ дома Миша намекнул, что можно бы поехать на рыбалку на неделе, отловить вечернюю и утреннюю зарю и на работу.

Мы переглядывались и, приглушая улыбки, торжествовали. Мы понимали: человек «заболел». Пойманная им самим крупная рыба сделала его неизлечимым. Ее живая, бунтующая тяжесть теперь несъемным грузом будет висеть на дрожащей Мишиной руке, и никуда ему не деться, не уйти от этого впечатления. Отныне — мы это знали — нам не придется униженно смотреть на Мишину спину и стыдливо прятать глаза, пролезать в полураскрытую калитку. Он стал рыбаком, а рыбаку для торжества, как и актеру, нужны зрители...

В среду вечером позвонил Вадим:

— Ну, как ты насчет Крючного?

Он спрашивал лениво и надменно. Было ясно, что рядом стоит Миша. Я завопил в трубку:

— Заезжайте через полчаса!

В ответ Вадим по-прежнему лениво процедил:

— Понимаешь, и меня что-то тоже не особенно тянет. Толико Мишу обижать неохота. Спиннинг все-таки человек купил... Да вот жена ушла, денег не оставила... на бензин...

И тут я услышал в трубку радостный Мишин крик:

— Ерунда! У Нюрки полон бак. Я вчера...

Мы еще некоторое время заставили Мишу убеждать нас и потом с неохотой согласились. Через полчаса Нюрка, милая старая Нюрка нетерпеливо сигнализала у моего подъезда.

НЮРКА

Если вы встретите на дороге облупившуюся, дребезжащую в суставах, с заломленным набокрень выцветшим тентом «Победу», знайте, это — Нюрка. Но вы не смейтесь над ней. Она одряхла на верной многолетней службе, вынесла множество испытаний на прочность, устойчивость и безотказность.

Я знаю владельцев «Побед», которые за десять лет не наездили полдюжины тысяч километров. Их машины играют солнцем, как волейбольным мячиком, перебрасывают его с радиатора на бугер, с бугера на багажник. Солнце катается

по этим машинам и весело смеется. У меня такие домашние автомобили вызывают досаду и напоминают холеных никчемных ручных собачонок. Мне кажется, что удел их мелок, что служат они для базарно-мещанской услады, а не источником могучей радости, которую дают ощущение скорости и простора. Дышат эти автомобили кислым и продымленным воздухом городов, изнеженные их колеса привыкли к бархатистой шершавости асфальта и при движении больше всего озабочены тем, чтобы доставить седалищам владельцев предельное удобство. Кажется, нагрывь на город нечто вроде автогриппозной эпидемии, эти машины мерли бы пачками.

Нюрка не из тех. Ее облысевшие неизносные баллоны властно бросали под себя пропыленные километры проселков, ее металлические легкие раздувались от нетронутой свежести хакасских и забайкальских лесов, она утоляла жажду из Бии и Шилки, из Катуня и Зайсана. Она ползала по алтайским отрогам и неумоимо пожирала немерянные глади прииртышских степей. Нюрка — природная рыбачка, обветренная, просоленная, прокаленная солнцем до последнего болтика.

С Нюркой случилось немало историй. Некоторые из них происходили из-за своеобразия наших дорог. Кто много ездил, тот не мог не обратить внимания на это своеобразие. Едешь, к примеру, в колхоз «Коммунар», о котором тебе известно, что он — «вот тут, а от райцентра — рукой подать». Лежит перед тобой наезженная дорога, тянется по сторонке голосистая телеграфная линия. И вдруг надоумит тебя остановиться и спросить у встречного возницы:

— Эта дорога на «Коммунар»?

Он яростно замотает головой и проседет дальше, оставив тебя в растерянности. В лучшем случае — остановится, попросит закурить и обстоятельно будет объяснять, что сворот на «Коммунар» ты уже проехал.

— А сворот этот — километра полтора отсюда. В аккурат за окошком. Обогнешь его — и налево. На «Коммунар» — прямая дорога.

За окошком, действительно, поворот налево. Торная дорога уходит в хлеба и тянется, куда хватает глаз. Весело бежит машина между живыми пшеничными стенами, поллевывает, завывает дымок мотор. Вдруг — стоп. Вышла дорога на луга, вильнула желтой примятой травой и вроде ее и не было. Стоишь ты в запашистой дремучей траве, поругиваешься вполголоса и думаешь: «Кому, для чего понадобилось торить эту тупиковую ветку, и где же тот проклятый сворот, который «в аккурат должен тебя к «Коммунару» вывести?» И случается это, когда ищешь село или ферму.

А представьте себе, что надо найти озеро Черная водница, о котором вам известно лишь, что расположено оно на Касмалинских лугах и что караси там только что сами в лодку

не прыгают. В один из таких поисков Нюрка по самое брюхо влезла в болотину. Вымокшие и злые, мы гутливо спорили, выявляя виновника. Миша сопел, называл нас рыбацкими и разрабатывал план единоборства с болотичкой. Провозившись около Нюрки все воскресенье, обратно мы ехали пустые и пахохлившиеся.

В другой раз, при переправе через мутную мелкокондую речушку, Нюрка забуксовала и ее по ступицы замыло песком. А однажды на шоссе у нее соскочило переднее колесо. Оно долго и весело катилось, подпрыгивая на неровности дороги, а Олег, прижав локти к бокам, бежал за ним размашистым стайерским шагом. Но никогда не было случая, чтобы мы просили помощи или, того хуже, возвращались домой на буксире. Нюрка могла доставлять неприятности, но на подлость она не была способна.

Но что значат все мелкие неурядицы и невзгоды по сравнению с той мудрой радостью общения с травой, водой, лесом, солнцем, которую мы испытывали благодаря Нюрке. По-старушки бранчливая, по-юношески неутомимая, по-собачьи преданная, Нюрка была нашей общей гордостью. Пределом ее возможностей была сотня километров, но каждый из нас мог клясться, что «своими глазами видел», как на перегоне от Шахов до Михайловки Нюрка «держала сто двадцать». Если дорогой нас кто-то пытался обогнать, Миша впивался в руль, и, казалось, дрожь мотора передавалась его маленькому жилистому телу. Глядя на него, мы тоже начинали держаться.

Когда, уступая дорогу встречным автомобилям, обгоняющий отставал, мы возбужденно гоготали и неистово хлопали Мишу по кожаной спине. Без боя мы уступали дорогу только «ЗИМам» и «Волгам». Когда мимо нас проносились их присадистые, стремительные тела, мы либо отворачивались, либо, не замечая их, вели непринужденную беседу.

Как-то мы пробирались на Прорву к Чистому Яру. Всего неделю, как с лугов сошла коренная вода. Плутавшая по кустам тальника, солонцеватая дорога шелушилась под солнцем белесой обманчивой корочкой. Мы уже благополучно миновали опасные места — две изжеванные лошадиными копытами ложбинки, когда вдруг Нюрка несколько раз привердела, во чихнула и остановилась. Миша поднял капот и, встав на цыпочки, начал колдовать над карбюратором. Миша был маленького роста. Когда ему приходилось лезть в мотор, снаружи оставались лишь ноги в стоптанных сапогах и зеленые планелевые штаны. Мы топтались возле штанов и давали глубокомысленные советы. В машине никто из нас не разбирался, Миша превосходно это знал. Тем не менее он терпеливо выслушивал наши советы и при особенно диких нетерпеливо потряхивал сапогом:

* — Ерунда! Зачем проверять коробку скоростей, если нет подачи бензина...

Или:

— При чем кардан, если подвеска стучит...

Мы соглашались, что кардан ни при чем, и советовали проверить аккумулятор.

В этот раз мы не успели с советом. Миша продул бензопровод и уселся за руль. В это время, словно сорвавшаяся с привязи коза, мимо нас проскакала по кочкам салатная «Волга». Из-за приспущенных окон до нас донеслась дежурная шутка:

— У товарищей некра в баллон ушла...

Миша презрительно посмотрел вслед «Волге» и завел мотор.

С этой «Волгой» мы встретились на следующий день. Когда на юго-западе заполоскались в дальних озерах лохмотья насушившихся туч, она, закидывая придорожный шиповник ошметками грязи, проскочила к шоссе. В колеях после нее долго пузырилась и пенилась маслянистая жижа. Миша скакал презрительно:

— От дождя нарезают.

— Оно бы и нам не мешало. — отозвался я.

— Ерунда! — отрубил Миша.

Гроза подобралась через полчаса. Дождь шел пенельной гудящей стеной. Янтарные молнии елеча рубили тучи и, теряя силу, застревали в непролазной грязи. Мы сидели под плащевым Нюркиным тентом и слушали торопливую перебранку дождя. После грозы Прорва вздулась, помутнела. По ней наоборот помчались поленья, доски, заныряли, переворачиваясь, подмытые кусты ивыняка и калины. Налаживать язевую снасть не имело смысла. Мы перебрались по соседству на Глубокое озеро. Как и ожидалось, здесь после дождя отменно клевал карась. Но даже хорошая рыбалка была нам не в утеху. Каждый думал о том, сколько километров предстоит протолкать Нюрку на своих плечах. Мишкину бодрость и samozабвенное подвиганье при поимке очередного карася мы считали показными.

Низкие, неблагодарные эгоисты! Мы недооценили Нюрку. Обутая в цепи, она, отдуваясь и пошатываясь от непосильного труда, протащила нас по лугам, шутя вытянула Шадринский дог и резво добежала до Бельмесевского. Здесь ей пришлось туго. Израильское скатами шоссе и кюветы кишели машинами, как обочины катка начинающими конькобежцами. Автомобили задыхались, толкались, пытались протиснуться вперед. Их мотало, заносило, и они, едва выбравшись из кювета, тут же скатывались обратно. Нюрка сползла на обвод и, цепко хватаясь за каждый измызганный кустик травы, потащила мимо машинного скопища.

Здесь мы и встретились в третий раз с салатной «Волгой». Уже не стремительная, а беспомощная, раскорячившаяся, как щенок, она жалась боком к крутому придорожному откосу. Нюрка осторожно ползла мимо нее. Когда машины поравнялись радиаторами, Миша не выдержал и нажал кнопку sireны. Осипший Нюркин голос прозвучал торжественно и вызывающе. Мы напряженно и сосредоточенно молчали, потому что знали — к побежденным надо быть снисходительными. А вот Нюрка, невоспитанная, сварливая Нюрка, не выдержала. Прежде чем двинуться дальше, она смешливо фыркнула и плюнула в самодовольную «волгину» физиономию клубком горячего сизоватого дыма.

ВАЛЕНТИН КРИВОЛАПОВ

**ЛЮБОВЬ — ЭТО ВСЕ ЖЕ НЕ
СПРАВКА**

Рассказ бригадира

Когда прокатился
по всей стране
Призыв
к молодежным бригадам,
Решили и мы
не стоять в стороне,
А быть
с коммунистами рядом.
Не с бухты-барахты
со стройки
в райком
Пришли мы однажды
все вместе.
Мол, пузы окончить
слово даем,
Построить сверх плана
высотный дом
При темпах
процентов на двести.
Вести безупречно
себя в быту:
Не пить, не курить,
не ругаться.
На том сообща
подвели черту
И стали
сравниваться.
Казалось,
неплохо пошли дела.
Решили —
и карта бита.

Но вскоре
нас здорово подвела
Статья
в отношении быта.
Известно строителям
было давно
О том, что
влюблен Василий.
О нем расскажу я
подробнее, но
Не буду
касаться фамилий.
Приехал он с Балтики
в наши края,
Длиннющий,
курчавый,
в ковбойке.
Нашлись у него
моментально друзья
И добрая слава
на стройке.
Что ж, парень как парень,
на первый взгляд.
Всех нас только
чуть-чуть старше.
И вот этот бывший
«морской пират»
Знакомство завел
с секретаршей.
Покорны любви,
как сказал поэт,
Субъекты любого возраста.
Василий приходит
домой чуть свет
И нас удивляет просто.
Какой, вы скажете,
в том есть резон —
По скверу бродить
до рассвета?
В работе, конечно,
не дремлет он,
Для прочего ж
— времени нету.
Судить о здоровье его
не берусь,
Но я бы
нагрузки не вынес.

В вопросах любви
 это, может, и плюс,
Для всей же бригады
 — минус.
А тут еще
 новая чепуха.
Совсем получилось скверно.
В конторе
 у нашего жениха
Какой-то нашелся соперник.
И вот результат:
 настроение — ноль.
Потом на концерт
 — неявка.
Нет, милый товарищ
 Василий, позволи,
Любовь —
 это все же не справка.
Я, правда, по слабости,
 в первый раз
Не стал
 заниматься подрывом.
Василий пришел
 в общежитие в час,
И пахло от Васьки
 ливом.
Но долго раздумывать
 мы не могли,
Тайком собрались
 в воскресенье,
Своим наблюдениям
 итог подвели
И вынесли сразу решение:
В любви не играть
 пассивную роль.
Достаточно с нас примера.
Соперника взять
 под негласный контроль
И выяснить прочие меры.
Помочь для влюбленных
 любым путем
Добиться согласия
 и мира.
К тому же досрочно
 закончить дом,
Чтоб к свадьбе
 была квартира.

ЭПИГРАММЫ

КОНСТ. КИНЕДЁВ

ГЕОРГИЮ КОНДАКОВУ

«У отца шершавые ладони:
Не из легких было ремесло»
«Двухрядка»

Он за легкой славой не в погоне,
И его дела не так плохи.
У него шершавые ладони.
Жаль, что слишком гладкие стихи.

АЛЕКСАНДРУ ТРЕСКОВУ,
автору повести «На отшибе»

Наперекор любой грозе
За музой неустанно гвался...
Шел по писательской стезе
И «На отшибе» задержался.

«МАСТИТОМУ» ПИСАТЕЛЮ

Его все знают, признают,
Его не хвалят и не хают,
Его все чаще издают,
Его все реже... покупают.

СОДЕРЖАНИЕ

Вечно живой	3
Песня о Ленине. Муз. <i>В. Пенькова</i> , сл. <i>Ф. Голубничко</i>	8
<i>Валентин Криволапов</i> . Дорога к счастью. Стихи.	9
<i>Геннадий Володин</i> . В сквере. Стихи.	11
<i>Людмила Евладова</i> . Имя Ленина в сердце каждом. Очерк.	12
<i>Александр Демченко</i> . Приметы времени. Очерки.	25
<i>Евгений Канширский</i> . Магистраль. Здравствуй, Иртыш! Стихи.	57
<i>Иван Кудинов</i> . Старая теорема. Рассказ.	59
<i>Василий Смирных</i> . Сыну. Пшеница. Стихи.	66
<i>Петр Старцев</i> . Ревность. Рассказ.	67
<i>Олег Петров</i> . Охотник Кайла. Рассказ.	77

ПЕРЕДОВИКИ СЕМИЛЕТКИ

<i>А. Прозоров</i> , <i>Иван Арцыбасов</i> , механик-дояр. Очерк.	87
---	----

ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Ф. Иванов</i> . Писать о современнике.	90
---	----

КОРОТКИЕ РЕЦЕНЗИИ

<i>Н. Казанцев</i> . Верная дорога в жизнь.	96
---	----

ИНТЕРЕСНЫЕ НАХОДКИ

Волнующие письма. (Письма <i>И. О. Дунаевского</i> .)	98
---	----

ЮМОР

<i>В. Попов</i> . Рыбацкие рассказы. Месть. Нюрка.	111
<i>Валентин Криволапов</i> . Любовь — это все же не спрелка. Стихи.	119
<i>Конст. Килелев</i> . Эпиграммы.	122

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Юдаевич (редактор), А. Бутаков,
И. Дворцов, И. Казанцев, И. Масаулов,
Н. Павлов, А. Тресков, В. Царев,
В. Чиликин.

Технический редактор Г. Жданова
Корректоры Ф. Стефанская, М. Штремлева

Сдано в набор 8. IV. 1960 г. Подписано
к печати 27. IV. 1960 г. Формат 60/92¹/₁₆—
7,75—7,75 усл. п. л. (7,50 уч.-изд. л.+1 вкл.).
Тираж 5000 экз. Заказ № 972. АГ 11616.

Цена 4 руб.

Алтайское книжное издательство,
Барнаул, Максима Горького, 39.
Типография № 1 Полиграфиздата,
Барнаул, Льва Толстого, 29.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

4 руб.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986